

Кирилл Поповкин
Андрей Канарейкин

**КНЯЗЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Мне выпала хорошая жизнь. Древний род, известная фамилия и сильный магический дар позволили достичь самых вершин общества.

И вот я, Святослав Ростиславович Вронский, князь древнего и весьма уважаемого рода оказался в совсем ином мире, мире, где аристократия исчезла, магию древних родов раздали невымытым массам, а Россия только поднимала над миром совсем другое знамя. Кроме того, мной заинтересовалась весьма любопытная служительница местной охраны.

Ну посмотрим, на что способно это самое «КГБ»...

Андрей Канарейкин, Кирилл Поповкин
Князь государственной безопасности

Глава 1

— Какая гадость этот ваш cognac, господа! — Виктор фон Меттин скривился.

— Да ладно, неужели так есть плохо? — его спутница, изъяснявшаяся на весьма ломанном русском, томно посмотрела на графа.

— А ты сама попробуй, Арлетт, — отозвался молодой аристократ и налил тёмную жидкость в её бокал.

Девушка — молодая брюнетка, всеми силами демонстрировала аристократичность (первый признак того, что аристократом не являешься). Она осторожно сделала глоток и пожала тонкими плечиками.

— Мне думать, хороший напиток, — голосок у неё был довольно приятный, надо признать.

Мой давний друг неплохо умел подбирать подружек на одну ночь. Хотя они редко понимали истинную цель таких встреч. Вот и эта Арлетт смотрела на прусса влюблёнными глазами, буквально не отрывая взгляд. Но всё же, на секунду девушка отвлеклась и посмотрела на мою спутницу:

— Элиза, ты не пить? Почему? Давай! Битте!

Смеясь, брюнетка подняла штоф и поднесла его к бокалу Элизы.

«Выдаёшь происхождение. Ни один уважающий себя дворянин не станет наливать себе сам. Мы же в салоне, а не в лагере,» — лениво подумал я, но промолчал. Мне было интересно посмотреть, что произойдёт дальше.

Голос Арлетт был пьяный, но рука твердой. Тяжёлый сосуд в ней не дрожал. Высокая стройная голубоглазая блондинка, сидевшая по левую руку от меня, закрыла ладонью свой бокал, и темноволосая девушка воскликнула:

— Ты такой скучная! Пить!

— Спасибо, я не хочу, — Элиза говорила по-русски почти без акцента.

— Давай, давай! — продолжала давить Арлетт.

Виктор не влезал — игра для него была не менее интересной, чем для меня. Что ж...

Я взял штоф из рук его спутницы, плеснул себе. Сам этот жест знающему человеку уже сказал бы многое, но великосветская шлюха знающей явно не была. Подняв бокал, я отсалютовал в направлении далёкой Москвы и произнёс:

— За Императрицу Анастасию, да будет судьба с ней справедлива!

В этой фразе был намёк, который не понял даже Виктор. Впрочем, я и не хотел, чтобы намёк поняли.

Опрокинув в себя содержимое, я скривился, почти повторив гримасу графа.

— И правда — дрянь какая-то Аквитанская. Как у вас такое пьют?

— Не опрокидывая в себя как водку, герцогу стоило бы это знать, — негромко произнесла Элиза.

В салоне повисла тишина. Назвать князя герцогом — это почти оскорбление. Оскорбление, которое я мог счесть смертельным. Я посмотрел на свою спутницу, но она не отвела взгляд, а подобралась, ожидая моего ответа. Иногда иметь плохую репутацию бывает очень... удобно.

«Смелая. Она мне нравится,» — решил я и рассмеялся, оборачивая слова девушки в удачную шутку. Обстановка тут же разрядилась, за соседними столиками возобновились

разговоры.

— Тут вы меня поймали, мадам. Никогда не любил смаковать алкоголь. Время — слишком ценный ресурс, чтобы тратить его попусту.

Элиза вздохнула (испугалась всё-таки) и вежливо улыбнулась:

— Я тоже так думаю, господин герцог.

— Прошу вас, просто Святослав, — в этот раз моя улыбка была немного натянутой. Но по крайней мере стало понятно, что ошибка не была оскорблением.

— Да, хорошо... Святослав, — всё-таки с этим именем она так легко справиться не смогла.

— И да — я княжеского рода, не герцог, не маркграф и не барон — заметил я вскользь.

Девушка кивнула.

— Ну что ж, раз мы сидим, давайте шампанского! Его в этом захолустье делать умеют, а? — подал голос Виктор и махнул рукой. Из темноты тут же появился слуга, державший на одной руке серебряный поднос, — О, быстро.

— Месье? Я не понимаю, — на холёном лице лакея отразилось лёгкое удивление.

— Что тут непонятного? Я позвал, ты пришёл, гарсон.

Лакей вежливо кивнул в ответ на «мальчика», хоть и выглядел старше и меня, и Виктора. Затем сказал:

— Нет, месье, я подошёл не поэтому. Князю Вронскому велели передать письмо.

Затянутой в белую перчатку рукой, он взял со стола конверт и передал мне. Я взял четырёхугольник и осмотрел. Запечатано, но печать мне незнакома. Глянул на просвет — записка, небольшая, на плотной бумаге.

— Что там, очередная победа? — ухмыляясь спросил Виктор, зажигая сигарку.

— Сие мне неизвестно, — ответил я, — Знаешь печать?

Повернул конверт так, чтобы он видел. Виктор прищурился сквозь клубы табачного дыма и покачал головой:

— Первый раз вижу. *Ну, мало ли ты встречал на своём пути малоизвестных дворянок, гербами которых интересовался куда меньше, чем афедронами* — последнее он добавил на псио, за что я был благодарен, ибо не хотел, чтобы Элиза слышала такие детали моей биографии.

Я слегка наклонил голову, обозначая благодарность, убрал письмо в карман пиджака и обратился к лакею:

— Принеси нам шампанского.

— Сию минуту, ваше сиятельство, — ответил тот.

Я проследил как он скрывается в полумраке. В этот момент Элиза, следившая за моим лицом, поднялась:

— Месье, прошу прощения, мне нужно отойти.

«Отличный повод отлучиться,» — подумал я, вставая вместе с ней.

— Вы тут не были, мадам, позвольте покажу дорогу.

— Спасибо.

Виктор подмигнул и прислал псио:

— *Не упусти свой шанс.*

— *Шуточки у вас, граф,* — послал я в ответ.

Элизе, конечно, объяснять ничего не пришлось. Я направил девушку к коридору, который вёл в то, что у германских кузенов когда-то называлось «храмом уединённых королевских размышлений». А сам свернул в соседний, остановился у открытого окна, зажёл позаимствованную у графа сигарку и извлёк письмо. Сорвав печать, обнаружил исписанную убористым текстом открытку.

«Дорогой младший брат, обращаюсь к вам в тяжёлый для всех нас час. Надеюсь на понимание и поддержку. Многое меняется быстрее, чем нам бы хотелось, но ваша сила, несомненно, потребуется в самое ближайшее время. Прошу принять грядущие вызовы со смирением и готовностью к действию, иначе мы все обречены».

Быстро пробежав глазами строки, я порвал бумагу, поджёг и бросив в пепельницу дождался, пока от послания не останется лишь пепел. Перечитывать смысла не было — текст надёжно отпечатался в памяти. Как и тот факт, что аккуратный женский почерк был мне незнаком. Подписи также не было. Конечно, у меня не было сестёр и братьев, но это-то обращение было объяснимо тем фактом, который лучше не упоминать даже мысленно.

— Что пишут? — поинтересовался подошедший Виктор.

Врать другу и тем более аристократу с Истоком и доступом к псио — последнее дело, но часто можно обойтись без вранья. Небрежно пожав плечами, я спросил:

— Помнишь паночек Иствицких? В последней кампании мы останавливались в Варшаве и...

— Не слова больше, — граф хитро прищурился, — Хотя нет, слово нужно — старшая или младшая?

Я в ответ на это многозначительно улыбнулся. Виктор в ответ на это расхохотался и заявил:

— Ну и орёл же вы, ваше сиятельство.

— Сам иногда себе поражаюсь. Но ты-то что тут делаешь? На кого Арлетт оставил?

— А... — граф махнул рукой, — Тут этих Арлетт — по три за каждым столиком. Тет-а-тет с ними тяжко, начинают в штаны лезть.

— Француженки, — пожал я плечами, — Ладно, я пойду проветрюсь.

— Надолго? А то шампанское тут тоже дрянь.

— Да так, на полчаса. Скажи, что за шампанским. Не соврёшь кстати — я знаю весьма неплохую лавку неподалёку.

— Ну ладно. Только не обижайся, если я с обеими отсюда уйду, — ухмыльнулся Виктор.

Я хлопнул Виктора по плечу:

— Не волнуйся, обещаю не таить на тебя зла.

С этими словами я развернулся и знакомым путём направился к чёрному ходу. Салон мадам Лебри нравился мне во многом потому, что покинуть его при желании можно было через три разных двери, ведущих в три разных квартала. Так что акулы пера, которые вполне могли притаиться под фонарём, охотясь на свежие новости из жизни князя Вронского, были заранее обречены на неудачу.

Я прошёл мимо кухни, спустился на первый этаж и свернул в закуток, ведущий к кладовым. Коснулся неприметного завитка на резной панели стены и, предъявив руне печатку с гербом, прошёл в открывшийся проход. Вот и нужная дверь. Ну, не совсем дверь —

портал, скорее. Надо только не спешить...

Внезапно, я почувствовал толчок в спину и полетел носом вперёд, выдав все те вещи, которые в обществе дам говорить не пристало. Лакеи что ли глаз лишились? Или шутка дурацкая от Виктора? Фон Меттин способен на всякое, поэтому выпрямившись, я наполовину ожидал оказаться в покоех с огромной кроватью и пятью игривыми нимфами на ней.

Но нет — эросом не пахло. Переулок какой-то. Напротив — стена со странными афишами, один конец перегорожен забором, другим этот тупик впадает в какую-то улицу. Ах, вон и сверкающая в солнечных лучах башня Эйфеля, на фоне чистого неба значит всё ещё в Париже. А то с этими порталами иногда можно попасть...

Я моргнул и оборвал сам себя на середине мысли. Солнечный свет? Мы пришли в салон к вечеру, как и положено, да и за окном, у которого я читал письмо было темно. Так откуда же солнечный свет? В некоторой растерянности я повернулся к афише. На ней был изображён бравый мужчина в странной шинели, в руках он держал что-то вроде орудия Максима, только с пистолетной рукояткой и без щитка. За спиной вояки — красotka с распахнутым в крике ртом, внизу подпись: «Смотрите только в синематографе: Магический пулемёт товарища Сталина!».

Пожав плечами, я направился к выходу из переулка. Только по дороге вспомнил про псио и отправил мысль Виктору, не выдавая, впрочем, истинного положения дел. Просто «Купил бутылку неплохого вина, возвращаюсь. Ты где?». Ответа не последовало, впрочем, я и не особо ожидал его получить. Если это его шутка, вряд ли он ответит, да и не то чтобы мне хотелось — стоило подыграть, ведь фон Меттин весьма неплохо проворачивал такие истории.

Тем более, пока что ничего экстраординарного я не увидел — сделать плакат и наклеить на кирпичную стену много ума не надо. Сам переулок, конечно, вызывал вопросы, но я сам прекрасно знал, насколько легко можно договориться о съёме павильона у какой-нибудь синематографической конторы. В пользу предположения о декорациях, кстати, играла и чистота переулка — никакого мусора, сваленного у стен, никаких отдыхающих в тенишке клошаров (к которым я уже успел привыкнуть в Париже), даже мочой не воняло. Причём местечко явно было не проходным — дверь портала, открывшаяся за моей спиной, существовала только пока я через неё шёл, после чего закрылась. В общем — странно.

Закончив осматриваться, я продолжил двигаться к выходу. Конечно, можно было нарушить сценарий и перемахнуть через забор, но, во-первых, зачем портить Виктору розыгрыш, а во-вторых... Я посмотрел на свои брюки и пиджак. Дорогая британская шерсть, китайский шёлк, хрустальные пуговицы, инкрустированные гербом Империи и моим собственным (лишь одна мастерская в мире умела такое проворачивать), золотое шитьё. Изгваздать, а то и порвать костюм мне не хотелось совершенно. Так что будем играть по правилам.

«К тому же, сделать макет улицы посложнее чем непримечательного тупика. Вот и поглядим, нашёл ли фон Меттин хороших декораторов.»

* * *

Как выяснилось — декораторы были высший сорт. А также архитекторы, костюмеры,

лингвисты, инженеры...

Я стоял на тротуаре широкой улицы. По четырём полосам проезжей части катились автомобили довольно современного вида — обтекаемые корпуса, изогнутые ветровые стёкла. Явно не то, что можно увидеть в Париже, который, как и вся Франция, был разрушен чередой революций.

Пожалуй, Иль-Де-Франс, исторический центр страны, пострадал меньше всего, но это было именно что «меньше всего пострадал», в то время как остальной мир двигался вперёд. Насколько я помнил, в Париже было непросто найти асфальтированную дорогу, а уж ездили по этой дороге парижане в основном на лошадях и очень старых автомобилях, которые в пору называть «самодвижущимися каретами». Что-то современное могло сюда попасть только как транспорт какого-нибудь туриста-аристократа из более развитой страны.

Да и прогуливающиеся по тротуару люди сильно отличались от привычных мне коренных парижан — хорошо одеты, веселы, лопочут о чём-то своём. Некоторые торопятся на службу, одна девушка катится на роликовых коньках, а на голове — наушники от портативного проигрывателя музыки.

Наблюдая за ней, мне пришла в голову мысль, что наконец есть повод выгулять мой любимый чёрно-золотистый седан. Остановиться на перекрёстке, подойти к этой красотке и чарующе улыбнувшись, предложить подвезти. Тут же пришло понимание, что «Волжанин» не последовал за мной через портал в это самое... что именно?

Девушка заметила мой взгляд и улыбнулась. Я пожал плечами, отвёл взгляд и забыл о её существовании. Прислонился к стене (тоже очень чистой, надо заметить), похлопал себя по карманам и скривился — портсигар остался на столе салона. Оставалось только обзреть виды и думать.

Похоже, я попал в другую ойкумену, весьма отличающуюся от моей собственной. Человек попроще мог бы продолжать цепляться за иллюзии, но у меня не было такой роскоши. Исток меча полностью защищал меня от психо-воздействий. Никто не мог обмануть меня иллюзией, одурманить зельем, напоить алкоголем (поэтому кстати я не грешил на дрянной коньяк) или свести с ума иным образом. Это даже не было сложной защитной системой, которую можно было обмануть — это был сам принцип действия этого истока. Я не мог видеть вещи не такими, какими они были на самом деле. А значит то, что я видел перед собой — было на самом деле. И раз уж тут тоже стояла на горизонте башня инженера Эйфеля, значит и сомневаться в месте пребывания не приходилось. Хотя...

Торчащая над крышами башня — это просто башня. Так что тут как раз можно проверить. Сена должна быть к северо-востоку, так что, если её там не будет... ну значит возможны варианты. Честно говоря, в реальность этих «вариантов» я не верил, но собирался однозначно отсеять вероятность фальшивки, просто для душевного успокоения. К тому же, чем ещё заняться? Отлепившись от стены, я проверил левой рукой кортик в ножнах на бедре и влился в толпу прохожих, быстрым шагом направившись вверх по улице.

* * *

«Хорошо хоть поесть успел,» — такая мысль пришла мне в голову, пока я, опершись на перила, наблюдал за неспешно плывущими по широкой реке баржами и смотрел на горожан, спускавшихся к воде на той стороне реки по широкой каменной лестнице. Погода была

тёплая, так что у пирса покачивались прогулочные катамараны.

Передо мной была Сена, никаких сомнений. Я достаточно часто гулял по набережным и ходил по самой реке под парусом, чтобы быть уверенным. К тому же, во время второй Франко-Русской войны, я высаживался в числе прочих десантников Преображенского полка как раз вот на том самом пирсе, от которого сейчас меня отделяла водная гладь.

В общем, Париж оказался действительно Парижем, пусть и куда менее потасканным, чем я его запомнил. К сожалению, деньги мои (а в кармане нашлось портмоне с десятком Николаевских червонцев, а также сколько-то франков) тут не принимал никто, так что с этим придётся что-то делать. Впрочем, и это не являлось такой уж проблемой: Исток мне был доступен, псио тоже действовало, да и многие встреченные предметы явно работали на магических компонентах, значит мои способности здесь работают, в новинку никому не будут и местных не удивят. Потому с голоду я не умру и обдирать золотое шитьё с лацканов для съёма угла не потребуется.

Со стороны могло показаться, что я воспринимаю всё слишком легкомысленно, но, честно говоря, я попадал в ситуации похуже. Гораздо хуже. Например, в первую русско-японскую.

Броненосец, перевозивший наш полк к Саппоро (есть такой порт на Хоккайдо) попал в шторм. Само собой — рукотворный. Наша певица стихий была неопытной девочкой, только из академии (как и я сам на тот момент) и с опытным противником не справилась. Японская мико переиграла её в управлении потоками ветров и Элиана Ошанина поймала молнию. Выжила, но потеряла сознание и с ним — контроль над морем, так что стометровый пятипалубный броненосец «Гордость Эллады» вознесло на гребне пятидесятиметровой волны, да там и переломило.

Я тогда этого всего не знал — просто кают-компания, в которой мой отряд ожидал высадки, расколосась и мы оказались в воде в паре морских миль от берега. Первым испытанием было решить, кого можно спасти, кого нет, вторым — отцепить моторку и добраться до берега. Ну а главным — как-то выжить на острове, где всё, начиная с твоей одежды, заканчивая цветом кожи, волос и глаз выдаёт в тебе чужака. Я и ещё три десятка дворян (включая Виктора фон Меттина) выжили. Даже Элиану я умудрился вытащить — девушку как раз выбросило в море с палубы. И мы не только выжили, но и успешно выполнили свой долг перед Империей, захватив прикрывавший Саппоро с запада форт. Так я и получил первого в своей карьере Святого Георгия. Не скажу, что быстрый захват Хоккайдо, случившийся благодаря нашим действиям, оказался решающим в той войне, но награды за службу империи получили абсолютно все выжившие курсанты. Даже графиня Ошанина, великолепно проявившая себя на суше и умудрившаяся взять реванш у мико, утопившей наш транспорт. Впрочем, с Элианой у меня связаны не только воспоминания об армейских буднях...

Я улыбнулся мелькнувшим в голове мыслям, выпрямился и не спеша пошёл дальше по набережной Анри Четвёртого. Впереди показались очертания моста Морлан, перекинутого через небольшой слепой канал порта Л'Арсеналь, а дальше уже бульвар Бурдон выведет меня к Площади Бастилии.

В покинутом мной мире в зловещей тюрьме располагались не самые приятные службы, да и тут, наверное, тоже, но всё же я смел надеяться, что сразу на гильотину меня не определят. В конце концов, плакат-то с бравым пулемётчиком был на русском, так что вряд ли мы тут на плохом счету. Были у меня и другие идеи, которые нашли подтверждение чуть

На площади Бастилии сегодня народу было изрядно — люди ходили вокруг высокой колонны, увенчанной крылатым золотым пупсом. В моём мире этого монумента вроде бы не было, но я не хотел как пентюх подходить и пялиться на табличку, а уж тем более спрашивать у разномастной публики, что это такое. А народ и правда был самый разнообразный.

Пока я прохаживался по площади мне встретилась стайка благообразных старичков, лопотавших что-то на тягучем финском наречии, пара смешливых молодых девиц, явно ищущих приключений вполне определённого толка. Одна из них — черноволосая красотка в лёгком платье — стрельнула в мою сторону глазками и что-то шепнула подруге. Та тоже меня оценила и девушки направились ко мне с целеустремлённостью вышедших на охоту акул.

«Не сегодня, дамы.»

Я поднял правую руку и девушки тут же поскучнели и свернули в сторону. Кольца у меня на пальце, конечно, не было, но для псио это не помеха — девушки увидели золотой ободок и сразу подумали, что я иду к жене, куда ж ещё. Ну и да, скандал затевать — это не то развлечение, на которое они рассчитывали. Впрочем, никакой алчности я в их мыслях не ощутил, посылая свою мысль в их сознание. Красотки действительно просто хотели развлечься, а не планировали как та же Арлетт удачно заделать ребёнка господину дворянину. Что на самом деле было необычно.

Но подумать об этом я не успел, поскольку заметил две вещи. Во-первых, молодого японца в десяти метрах впереди, который нервно сжимал что-то-то в прижатой к груди кожаной сумке. Во-вторых, высокую стройную девушку у стойки торговца сладостями, ведущую себя совсем не так как положено туристке. Она не сводила глаз с японца и настолько не интересовалась купленным мороженым, что оно уже наполовину стекло на землю. И тут я начал действовать уже по наитию.

Заметив, что азиат выпрямился, будто бы что-то для себя решив, я направился к нему, коснулся щуплого плеча под тонкой рубашкой и спросил:

— Конничива. Дайджобу десу ка?

Азиат моргнул, поворачиваясь ко мне и лицо его вытянулось — ещё бы, я явно не был похож на того, от кого можно услышать идеальное токийское произношение. Я хотел было продолжить расспросы, но мужчина вытащил из сумки руку с зажатым в ней обнажённым коротким мечом.

— Ниппон банзай! — прокричал японец, воздевая клинок, — Ари-сонне хейка но тамени!

Сжав зубы, он вогнал клинок себе в живот, и я почувствовал напор незримой энергии. Волна отбросила меня на пару метров назад. Пришлось кувыркаться и резко вставать на ноги. Наверное ожидалось, что я испугаюсь и сделаю глупость. Но к несчастью для японца, я уже имел дело с самураями. И более того, знал какую тактику они любят применять для террористических атак. Поэтому, выхватив кортик, я выбросил ненаправленный приказ на псио, пропустив его через свой Исток:

— *Уходите отсюда! Живо!*

Моя мысль, многократно усиленная энергией истока, разлилась по площади, вынуждая прохожих прекратить панику и рассыпаться в разные стороны, как можно дальше от самурая, который уже начал обращаться.

Плечи щуплого азиата раздались в стороны, голова и торс раздулись, ноги удлинились. Мужчина превратился в трёхметрового великана. Лицо его походило на гротескную маску — круглые глаза выпучены, длинные кривые зубы не помещаются в лишённом губ рту, изо лба торчат прямые треугольные рога. Меч тоже изменился, из короткого клинка став тяжёлым массивным палашом без гарды. И это оружие воин-демон явно собирался обрушить мне на голову.

Мой кортик зазвенел, взмывая вверх и огромный тесак отлетел в сторону, встретив на пути узкий длинный клинок. Демон замер на мгновение, смотря на моё оружие — неудивительно, клинок кортика теперь был раза в три длиннее ножен из которых я его извлёк.

— Жизнь полна неожиданностей, — улыбнулся я и перешёл в атаку.

Удары посыпались на демона один за другим: рубящие, режущие, колющие и снова рубящие. Он пытался защищаться, но скорости явно не хватало, да и особым умением сражаться на мечах монстр не обладал. Поэтому я пользовался изменённым кортиком как саблей, перейдя в польскую школу дуэльного фехтования, показавшуюся мне наилучшим образом подходящей для текущей ситуации. Победить я всё равно не мог, только задержать. И поэтому нужно было не дать монстру понять это, связав его боем. Ну точнее, как не мог... мог я победить. Но были сложности.

Трансформация в они была одним из самых грубых и жестоких трансформационных истоков, существовавших в мире. И именно поэтому она была очень эффективна. В отличие от кельтских друидов или сибирских кланов людоедов, исток трансформации не был присущ обращённому — скорее, он был дарован истинным хозяином силы для использования в критической ситуации. Трансформация была болезненной, и боль эта не прекращалась после принятия видимой мной формы — она стихала лишь при впрыске в кровь эндорфинов после убийства врагов, но оставалась с обращённым до самого конца. Ну да, трансформация не подразумевала обратного пути. Повернуть поток вспять и превратить великана обратно в щуплого нервного японца было невозможно.

По сути, великан этот был уже мёртв. Он умрёт через час-полтора, когда тело выжжет свои ресурсы, но до этого момента... до этого момента он будет бросаться на всё, что видит, являясь очень быстрой и сильной машиной для убийства. Оружием террора, а не солдатом, но такой террор может быть очень и очень эффективен.

Остановить его практически невозможно — я попал по демону уже раз пять, но глубокие рваные раны зарастали чуть ли не быстрее, чем мой клинок наносил следующие. Даже разуби я демона на части, он бы смог восстановиться так же быстро, ведь регенерация черпала энергию из магического ядра, а не из возможностей брэнной плоти.

Впрочем, рубить слишком глубоко я пока и не пытался — ещё не хватало, чтобы клинок застрял в демонической плоти. Стратегия могла быть только одна — наносить удары и изматывать эту тварь, сжигая её ресурсы до тех пор, пока она не сможет больше так быстро восстанавливаться. И самое главное — отвлекать её, ведь если демон догадается, что может просто отпрыгнуть на десяток метров в сторону той бастии, у него появится прекрасная возможность устроить резню горожан. Ведь наверняка не все успели покинуть окружающие

площадь здания. А убийства подпитывают демона. Отвратительный исток, омерзительный в своей ужасающей эффективности.

Я уклонился от прямолинейного вертикального удара и позволил тяжёлому фальчиону выбить искры из мостовой и застрять между камней. Затем нанёс два рубящих удара по уже покрытой шрамами руке и даже умудрился отсечь твари мизинец, но это стоило мне почти пропущенного удара.

Монстр, выпустив меч, отмахнулся от меня гигантской ладонью. Я успел парировать клинком, но удар всё равно отбросил меня на десяток шагов назад. Сделав в воздухе сальто, я приземлился на одно колено, зарычал не хуже демона и, выпрямившись был готов броситься на тварь, но тут слева от неё возникла давешняя девушка с мороженым. В её руке был чёрный пистолет. Оказавшись в паре метров от левого бока демона, она подняла оружие и хладнокровно нажала на спусковой крючок. Бам-бам-бам. Пули, как ни странно, не входили глубоко, а вспыхивали при контакте с телом монстра, превращаясь на мгновение в миниатюрные огненные шары. Исток, связанный с огнём? Неплохо, против таких демонов это хороший вариант — ожоги труднее лечить чем раны от холодного оружия. Только вот вмешательство девушки размывало картину боя...

Демон взревел, резким движением выдернул меч из брусчатки и с неожиданной для такого гиганта скоростью, развернулся и бросился на нового врага. Девушка не побежала, вместо этого разрядив остаток магазина в гиганта, она воздела левую руку. Клинок встретил одну огненную пулю, разбившуюся сверкающими искрами о тёмный металл, но три другие ударили в грудь и голову монстра. Тот заревел, но движения меча остановить было нельзя. Я понимал, что не успеваю добежать до того, как он разрубит девчонку пополам, но огромный меч остановился в десятке сантиметров от вздетой руки, словно натолкнувшись на преграду. Во все стороны ударили белые брызги, металл покрыла изморозь.

«Она владеет истоками огня и льда? Быть такого не может» — ошарашенно подумал я, но не остановился.

В бою случаются самые разные вещи и думать о них надо после того, как бой закончится. К тому же, какой бы у неё не был исток, незримый щит явно был неспособен сдерживать меч долго.

В сторону! — послал я девушке короткую псио-грамму, в которую вложил самую капельку приказа.

Она вдруг повернулась ко мне и спокойно ответила.

И не подумаю. Взвод, огонь!

Справа от меня выскочили несколько мужчин в зелёных мундирах, в руках у них были странные короткоствольные карабины. Подняв оружие, солдаты обрушили на демона целый град пуль, расцветавших на грязной шкуре огненными сполохами, ледяными осколками и ядовитой кислотой. Демон заревел и прервал попытки продавить щит девушки массой, повернулся к новой угрозе. Что ж, она неплохо подготовилась. И всё же...

Огненные вспышки и лёд не проникают глубоко. Когда сгорят нервные окончания, боль демона ослабнет, он привыкнет и начнёт снова соображать. И тогда он может вспомнить, зачем обращался. С другой стороны — мизинец, успевший почти что отрасти, явно не регенерировал коготь. Перегрузка? Возможно. Но если я ошибаюсь в оценках, цену придётся заплатить изрядную.

«Ну, кто не рискует, тот не пьёт шампанского,» — подумал я и остановился, подняв кортик в высокой стойке на манер атакующей позиции японского кендо. Удивительно, но

мой исток, рождённый давным-давно в Российской Империи, был очень похож на то, что использовали именно островитяне.

До демона оставалось четыре шага. Я освободил разум, выбросил из головы абсолютно всё. Остался лишь я, меч и цель, через которую он должен пройти. И тогда я шагнул вперёд. Движение было быстрым и выверенным. Демон не видел меня до последнего момента, когда мой меч резким движением опустился. Реальность перед моими глазами словно бы сдвинулась. Невероятно тонкая линия пересекла плечо демона и воздетую на фоне летнего неба руку. А потом я дёрнул клинок на себя, перерубая эту нить незримым клинком, являвшимся продолжением кортика. Огромная лапа твари отлетела в сторону, рассечённая моим ударом, не отпустив оружия. Демон взревел, схватился за культю и упал на одно колено. Рука не восстанавливалась — значит сила обращённого была почти на исходе.

— Не повезло тебе, — сказал я и вогнал кортик в глазницу твари по самую рукоять. Не убьёт конечно, но задержит.

— В сторону! — раздался окрик девушки. Она подбежала к демону, не сводя с него пистолета, дуло которого светилось магическими символами.

Я подчинился, выдернув кинжал, отскочил назад. В таких ситуациях спорить не стоит.

— Эдмонд, давай, — приказала она и один из солдат опустив автомат вытянул руку.

Из широкой ладони ударила струя прозрачной жидкости и воздух заполнил запах тухлых яиц. Ну да, разумеется, что же ещё — кислота.

Жидкость залила демона, который забился на мостовой, пытаясь восстановиться. Не выходило, он явно уже был слишком слаб для этого. Через четыре секунды от него осталось лишь грязное пятно на камнях и заполнивший всю площадь запах тухлятины.

Девушка покачала головой и опустив пистолет повернулась ко мне.

— Алиса Стрелецкая, госбезопасность СССР. Представьтесь, — голос её был спокоен, но я видел, как солдаты не спешили убирать ладоней с рукоятей карабинов.

Ну что ж, вежливость — это тоже оружие. Я слегка наклонил голову.

— Святослав Вронский, князь Российской Империи.

— Очень интересный титул, — улыбнулась девица, — Что ж, товарищ князь, вам следует пройти с нами.

Наверное, даже сейчас я смог бы вывернуться — в конце концов, судя по поведению этих людей, они как минимум не были полноценными хозяевами в городе. Но зачем, если именно такого источника информации я и искал?

— С удовольствием, — ответил я блондинке и убрал кортик в ножны, — Буду рад ответить на ваши вопросы.

Девушка кивнула, убирая пистолет и повернулась к тому самому парню, залившему демона кислотой. Он стоял, воздев голову к небу.

— Что такое, Эдмонд?

— Простите, товарищ капитан, просто облако странное.

Алиса проследила за его взглядом и хищно улыбнулась.

— И правда. Возможно, вопросов к вам будет чуть больше, чем я думала, товарищ князь, — она ткнула пальцем в синеву.

Я покачал головой и посмотрел наверх, уже зная, что увижу — перистое облако, плывшее по чистому небу, было словно рассечено на две неравных части, продолжавшие двигаться дальше.

— Да уж, придётся, — скривился я.

Вот поэтому я и не люблю использовать эту технику...

Как я и полагал, прятаться моей новой знакомой нужды не было. Она отослала солдат перекрыть выходы с площади (к вящему их неудовольствию, надо заметить — видимо мужчины не хотели оставлять её наедине со мной), дождалась прибывших на место событий жандармов, на неплохом французском быстро рассказала им обстоятельства теракта. Надо сказать, служители закона (двое мужчин, один молодой и подтянутый, второй постарше и с заметным брюшком) оказались весьма говорливы, как и положено парижанам, поэтому сухой сводкой не удовлетворились и начали засыпать блондинку вопросами. Та терпеливо отвечала. Нет, этот гражданин в вычурном костюме (я даже приосанился — услышать от парижанина то, что твой костюм вычурный — это комплимент) террористу не помогал. Свидетель, да, забираю с собой. Кем был террорист вам знать не положено. Да, и откуда он был — тоже. Жертв нет, я уже говорила. Как нам это удалось вам знать тоже не положено. Нет, пиджак свой он вам не даст (это уже спросил молодой). Даже на «посмотреть». И нож тоже. Наконец, уже изрядно осатанев, девушка рывкнула:

— У вас место преступления остывает. Не хотите его хотя бы оцепить, а?

Служители правопорядка аж присели и быстро затараторили что мол — да, конечно, прямо сейчас. После чего тот, что постарше отвёл молодого в сторону выжженного пятна, которое недавно было японским террористом. Алиса проводила их взглядом и покачала головой:

— Выторговали себе право на комплектования милицейских кадров, но набрали на службу одних оболтусов. У вас было также, Святослав?

— Я бы не сказал. Во всяком случае, права комплектовать жандармерию мы французам не оставляли. Правда, у нас и Париж сильно меньше и куда более потасканный.

Капитан улыбнулась.

— «У нас» значит. Интересно будет послушать что вы имеете в виду, товарищ князь.

— Проверяете? — прищурился я.

Девушка пожала плечами:

— Конечно. А вы бы не стали на моём месте?

— Стал бы. Но, наверное, всё-таки не посреди площади.

— Touché.

«Она всё-таки очень хорошо владеет lingua franca,» — подумал я, а девушка продолжала:

— Ладно, вы правы, думаю лучше поговорить в защищённом месте. Пойдёмте, оставим этот мусор местным.

— Мы пойдём пешком?

— Тут недалеко.

Девушка развернулась и направилась к зданию Бастилии. Ну да, где же ещё заседать тайной полиции. В том, что девушка представляет именно такую службу, я не сомневался.

* * *

Спустя примерно час я сидел в кабинете с видом на Июльскую Колонну и с удовольствием курил. Сигарки тут были не чета тем, которые вместе с портсигаром остались

в салоне мадам Как-Её-Там, но всё же и не горлодёр, который иногда приходилось смолить в походах. К тому же было время осмотреть, куда меня занесло. Кабинет был интересный — несмотря на явную казённость, присущую местам работы чиновников, было в нём что-то обжитое. Вроде бы ничего особенного — на стене герб со щитом и мечом, красной лентой и надписью «КГБ СССР», два портрета по обе стороны от него. Тот, что справа был побольше и изображал некоего государственного мужа с густыми седыми волосами, очками в роговой оправе на носу, располагающим выражением на лице престарелого учителя. «Однозначно какая-то крупная шишка, причём родом наверняка из этой самой службы,» — подумал я. Второй портрет был выполнен более вычурно и изображал статного черноволосого мужчину с густыми усами и лицом уроженца Кутаисской Губернии.

Одеты оба мужчины были довольно просто: на «учителе» чёрный пиджак на белую рубашку с узким галстуком, на южанине тёмно-зелёный френч. Кроме нарядной веточки альповой розы в горшке на подоконнике (удивительно, и как прижилась?) эти портреты казались единственным украшением кабинета, остальная обстановка была строго функциональной: письменный стол с ящиками, стул напротив него, который я как раз занимал, стеллаж с книгами за моей спиной и несгораемый шкаф в углу справа от портретов, так чтобы посетитель, такой как я, не мог к нему пройти не огибая массивный стол.

Но как я и сказал, при всей нарочитой функциональности, кабинет передавал характер владелицы. Цветок в горшочке на подоконнике явно поливали вовремя и не использовали как пепельницу, на единственном стеллаже с книгами не было пыли. Я пробежал взглядом по корешкам — своды законов и актов, как французских с российскими, так и иных, например немецких, испанских, итальянских и... британских? Престарелая владычица морей здесь не откинула копыта? Удивительные дела. Пол чистый, на паркете нет грязи, в воздухе витает лёгкий аромат духов, причём не тех, какими пользуется хозяйка, запах нейтральный, холодный, цитрусовый. А, ну конечно, наверняка те, кто здесь оказываются часто курят, вот и духи подобрали так, чтобы перебивать запах. Видимо, чужаки здесь и правда оказываются часто, сама хозяйка при мне папиросы не смолила...

Раздался скрип открывающейся двери и стук каблуков по паркету. Я, естественно, встал и с уважением поклонился, как кланяются даме, находящейся при исполнении и которой по этой причине моветон целовать руку. Девушка ответила лёгкой улыбкой и наклоном головы. Надо сказать, то, что она переделалась из лёгкой гражданской одежды во что-то напоминающее мундир, не сделало её менее привлекательной, в каком-то смысле даже наоборот. Тёмно-зелёный мундир отлично сидел на фигуре, подчёркивая высокую грудь, узкую талию и длинные ноги. Собранные в хвост на затылке волосы придавали образу строгости, не делая из девушки серую мышку, чему также помогал минимум косметики. Яркие голубые глаза, в которых можно утонуть, густые брови вразлёт на полтона темнее волос — настоящая естественная красота русской женщины. И, конечно, хозяйка кабинета об этом знала.

— Прошу прощения за ожидание, — произнесла она, слегка улыбнувшись, так что на щеках стали заметны прелестные ямочки.

— Ну что вы, не стоит извиняться. В конце концов, в моём визите здесь есть часть моей собственной вины, — сказал я и улыбнулся в ответ.

В конце концов, мне тоже нечего было стесняться своей внешности. Судя по тому, что я видел, никакой странной моды на мужчин в этом мире не было, и мой изрядный рост, узкая талия, широкие плечи и волевая челюсть привлекали внимание дам точно так же, как и в

моей родной ойкумене. Правда, в этом мире мужчины редко носили пышные усы и бороды, как это делали у нас, но по счастью я месяц назад в очередной раз устал от растительности на лице и снова начал бриться начисто.

— Ваши родственники и герб? — спросил я, кивнув на портреты, заранее зная, что это не так.

Алиса рассмеялась. Смех у неё, ожидаемо, был так же красив. Она покачала головой направилась к столу, опустилась в кресло, жестом пригласив меня снова опуститься на стул, после чего ответила.

— Нет, что вы. Лидеры нашей великой державы, а сами портреты это что-то вроде внутренней шутки, — её лицо приняло серьёзное выражение, и совсем другим тоном она спросила, — «Кому ты врёшь, товарищ? Юрию Владимировичу, Иосифу Виссарионовичу или мне?»

Я поднял руки в притворном ужасе:

— Даже в мыслях не было вас обманывать, мадам Стрелецкая!

— Вот видите, действует и на вас, — девушка снова улыбнулась моей шутке и посерьёзнела, — Ладно, мы разрядили обстановку так что давайте перейдём к тому, зачем мы здесь.

— С удовольствием, я тоже не люблю долгих прелюдий.

Девушка вытащила из ящика стола какой-то прибор, поставила на стол и нажала на одну из кнопок.

— Правила простые: сначала вы отвечаете на мои вопросы, а потом я отвечу на ваши. Устраивает?

— Да, пожалуй, устраивает.

Она кивнула и откинулась на спинку кресла.

— Хорошо. Тогда для начала представьтесь. Кто вы и откуда.

— Святослав Ростиславович, князь Вронский. Уроженец Новгородской губернии Российской Империи.

— Военское звание имеете?

— Имею. Гвардии капитан. Занимал должность командира роты тайных операций Преображенского полка.

Девушка улыбнулась:

— Тайных операций... Значит мы с вами коллеги?

Я помахал ладонью.

— Не совсем, моя рота выполняла особые поручения тайного совета. Я не служил в охране как вы.

Алиса покачала головой:

— Лучше не называйте так наши службы безопасности. Это слово имеет негативные коннотации.

— Ммм... хорошо, как мне тогда называть? Тайной полицией?

— Думаю, «служба безопасности» подойдёт. Или по аббревиатуре, — блондинка, не оборачиваясь указала на гербовой щит за спиной, — КГБ.

— Хорошо, так и поступлю, — я задумался на мгновение, возвращаясь к изначальной мысли, — Так вот, мы не исполняли функций служб безопасности. Скорее, мы были особым гвардейским подразделением, которому поручали особо важные и сложные военные операции.

— Ага. А тайный совет занимался планированием этих специальных операций.

— В числе прочего, да.

— А в состав вашей роты входили... Простые люди или?..

— Нет. Рота состояла из дворян различных родов, каждый из которых владел определённым истоком. Конечно, иногда мы прибегали к помощи транспортных служб и флота, но операции мы выполняли в постоянном составе.

— Почему так?

Я пожал плечами:

— Ну а что сделает простой человек против владельца Истока?

Алиса слегка откинулась на спинку кресла, побарабанила пальцами по столу, после чего взглянула мне в глаза и произнесла:

— Так, тут наши культуры видимо сильно разнятся, так что я попрошу вас ответить пока на другой вопрос: когда вы открыли Истоки и что это такое на ваш взгляд?

— Вот так вот сразу? — я изогнул бровь, — Не бойтесь, что я растекусь мыслью по дереву? Или просто солгу?

— Нет. Думаю, вы прекрасно знаете, что нужно сказать, — а теперь скажите, почему я в этом так уверена?

Я тоже посерьёзnel, сложил руки на груди и ответил:

— Вы не прекращали меня проверять. Потому что я лично не знаю ни одного охранителя, которая оставит странного человека, владеющего сильным истоком в своём кабинете наедине с несгораемым шкафом с документами, — я кивнул на стального исполина, — Человека, который говорит со странным акцентом и не знает базовых вещей о структуре мира, но при этом владеет несколькими используемыми в нём языками.

«Я даже мог бы предположить, что наша встреча вас не особо удивила,» — подумал я про себя, но вслух говорить не стал.

— Да, проверяю, — просто ответила Алиса, — И пока что вы эту проверку проходите. Что же до вашей странности... У меня есть определённые причины не удивляться, — она нахмурилась, словно бы задумавшись, а потом продолжила, — Хорошо, я раскрою некоторые карты: вы не первый человек из вашего мира, который к нам попал. Конечно, таких людей было очень мало — всего десяток за последние полвека, но всё же. Что скажете?

— Боже, храни императора Алексея, — покачал я головой.

— Разве не императрицу Анастасию? — невинно уточнила девушка.

Я снова шутливо поднял руки:

— Поймали, поймали. Ну что же, тогда буду откровенен. Остановите меня, если я отвлекусь и уйду не туда.

— Конечно, ваше сиятельство.

Я прикрыл на мгновение глаза, собираясь с мыслями, и повёл свой рассказ с самого начала, а именно — с Истоков.

— Итак, магические способности начали проявляться в людях в начале девятнадцатого столетия, во время первой Отечественной Войны, — я многозначительно посмотрел на девушку, но та меня не прервала.

Когда пауза затянулась, Алиса произнесла:

— Продолжайте, почему вы остановились?

— Потому что я сейчас соврал, — ответил я, — а вы не заметили.

Блондинка прищурилась:

— Ваши слова совпадают с другими докладами.

— Неудивительно, дурные мысли приходят в дурные головы одновременно, — я покачал головой, — Ладно, а теперь время для правды. Вы хотите знать, откуда взялись мои способности? Хорошо, я вам расскажу.

Я набрал в грудь воздуха и начал рассказывать то, что как я думал никогда не придётся рассказывать человеку, не имеющему герба.

Удивительно, но причины появления магических сил были известны людям почти всё время их осознанного существования. Великая Река проходила сквозь нашу планету с самого начала времён, а то и ещё раньше. В наше время учёные спорят, являлась ли она имманентной вселенной, способствовала ли появлению жизни и прочих отвлечённых вещей, но главная причина этого в том, что ответа на вопрос «а что есть Великая Река?» или как принято называть её сейчас — «Первооснова», «Эфир» или «Омфал» — так вот, ответа на этот вопрос не существует, или, если точнее, количество ответов равно количеству всех имевшихся у людей Истоков. Академический, строго научный и абсолютно бесполезный ответ звучит примерно так: «Омфал есть особая форма и состояние материи, времени и пространства, в которой вероятно записаны все законы реальности, бытия и сознания. Познание Омфала необходимо для порождения Истока».

Во времена, предшествующие древним, первый шаман коснулся Эфира, прошёл путь изучения и смог каким-то образом догадаться, что Омфал есть огонь — и потому получил способность создавать этот огонь используя свой разум. Конечно, в те времена ритуалы, к которым мы получаем доступ силой мысли были... менее эффективными и более эффектными, но факт остаётся фактом — так зародился первый Исток.

— Исток, — объяснил я, — Это уникальный метод познания Эфира, познания самой реальности. И открывает его тот, кто первым познает Эфир таким способом.

— Погодите, но ведь тогда исток должен быть только один, — заметила Алиса, — Тот, кто первый познал Эфир тот и станет владельцем такого Истока.

— Нет, ведь способов познания Эфира, наверное, не меньше, чем способов познания вселенной, — ответил я с улыбкой, — И каждый порождает свой исток.

— Как это? Вещь можно познать только один раз.

— Вещь — да, а вот Эфир можно познать очень много раз... Как бы это объяснить... Вы слышали притчу о слоне и слепых мудрецах?

— Конечно.

— Ну вот тут дело обстоит точно также — кто-то «познал» слона, потрогав его за хобот, кто-то — попытавшись объять его ногу, а кто-то схватился за уши и решил, что они — листья.

— Но сложив знания воедино, они пришли к более-менее точной картине, — заметила Алиса, не из желания поспорить, а в попытке понять то, что понять невозможно, — И давайте говорить о нём как об Омфале.

— Любите греческий?

— Нет, просто слово «эфир» имеет в нашем мире другое, куда более распространённое значение.

— Хорошо. Итак, мудрецы могут познать слона, поделившись своими знаниями — ответил я, — Но слона можно было познать примитивным ощупыванием, а вот с Омфалом так не выйдет. Знаете почему?

Блондинка откинулась в кресле, помолчала несколько мгновений и кивнула:

— Потому что слон велик, но в сравнении с методами познания мудрецов конечен.

«Умница она всё-таки! Мне очень повезло!» — подумал я и согласился.

— Верно. Омфал меняется и в то же время неизменен. Мы можем познать стол, осмотрев его. Можем просверлить дырку и понять, что дерево внутри не той же формы, что лак снаружи. Можем натолкнуться на гвоздь, имеющий другую структуру и так далее. Можем сжечь стол и изучить пепел, можем узнать процесс превращения семени в дерева, а бревна в доску — каждый раз мы будем узнавать что-то новое. Понимаете?

— Кажется, начинаю понимать.

— И каждый способ познания будет уникален: кто-то заглянет в Омфал в разрядах молний и поймёт природу того, как незримые энергии взаимодействий зарядов определяют зримые сущности. Это породит Исток. Кто-то увидит, как вода обращается в лёд, меняя форму и становится совсем иной, это тоже будет Исток. Исток — это уникальный метод познания Омфала, познания бытия и законов самой вселенной. Открыв его один раз, по этому пути нельзя пройти снова, ведь путь уже был открыт. Но этот метод можно передать своему избраннику — сыну, дочери или другому человеку. Ирония в том, что Исток может познать каждый, но владеют им немногие. Почему?

Алиса задумалась снова и спустя полминуты покачала головой.

— Нет, не знаю.

— Потому что, овладев истоком, люди стремятся не дать его в руки чужакам, — я вздохнул, — Ирония в том, что мудрецы никогда не поделятся знаниями друг с другом и обречены продолжать считать, что слон — это дерево, змея или лиана. Ведь знания эти — не просто досужие домыслы, а реальные великие силы, поделившись которыми можно многократно усилить того, с кем ты делишься. И кто гарантирует, что он не обратит эти силы против тебя? Вот так и появляются магические роды, секреты и тайные способы передачи.

Алиса покачала головой и взяв из лежащей на столе пачки сигарету, покрутила её в пальцах.

— Какой глупый эгоизм...

— Такова человеческая природа, — пожал я плечами, — Люди боятся и всегда боялись чужаков, потому и выжили, став из безволосых обезьян королями мира. Это забавно, конечно, выглядит сейчас, когда новые истоки познаются чем угодно — вплоть до особых методов мышления.

— Да уж, «забавно», — девушка печально улыбнулась, — Обезьяна взяла палку и вместо того, чтобы копать ей землю, начала бить другую обезьяну.

— Не спешите разочаровываться в человечестве, мадам Стрелецкая. Определённый смысл в этих действиях есть: исток накладывает ограничения на сознание, ты видишь вещи... определённым образом придерживаясь того или иного Истока, и образ этот будет отличен от образа мышления человека с другим истоком. Но поскольку Омфал можно познать путями буквально противоположными, то иметь несколько истоков может быть опасно. Представьте человека, который *понимает* реальность одновременно с позиций расового превосходства и с позиций общечеловеческого равенства — у носителя идей будет в голове такая взрывная смесь, что он сойдёт с ума от противоречий — такие примеры были.

Блондинка вдруг перестала крутить сигарету, посмотрела на меня и произнесла:

— Похоже, настало моё время вас удивлять.

Она подняла руку и на указательном пальце вспыхнул маленький огонёк. Девушка прикурила от него сигарету и продолжая смотреть на меня, отогнула указательный палец на другой руке. На нём выросла тоненькая сосулька. Я моргнул и открыл было рот, но представление не закончилось. Алиса развела руки на ширину плеч и между пальцами заискрилась электрическая дуга. Откуда-то из-под стола вылетела пыль, грязь и немного земли, и сложились в странную жилу, которая, составив компанию остальным элементам, начала извиваться между пальцами снизу. Последним аккордом вокруг вытянутых рук девушки завыл ветерок, сложившись в маленькое торнадо.

Это было невозможно. Нельзя сочетать древние примарные истоки, вот просто — нельзя! Но это происходило на моих глазах.

— Признаюсь, это стоило путешествия в другой мир, — услышал я свой голос.

Честно говоря, в первый момент, когда я увидел столь лёгкое управление несколькими истоками, я практически ошеломлен. В каком-то смысле, я даже допустил возможность того, что мне промывают мозги и показывают иллюзию. Потому что даже такая невозможная вещь как обман моего сознания или зрения, казалась мне более вероятной, чем нарушение фундаментальных основ мироздания. Взяв сигарету из пачки на столе, я поджёг её от огонька на пальце девушки (чудовищное нарушение этикета, на самом деле, но сейчас немного не до приличий) и задумался. Объяснений могла быть масса: то, что в этом мире Омфал работает иначе, или он иначе познавался, или моё собственное бытие здесь было не переносом тела, а лишь созданием его копии, подчинённой местным законам, но — увы, каждый из вариантов, возникавший в моей голове разбивался о фундаментальные истины, которые просто не могли быть ошибочны хотя бы потому, что в таком случае мой исток был бы мне недоступен и тот японец размазал бы меня по мостовой. К тому же, мы ведь все понимаем, что ответ вида «ты находишься в иллюзии, неотличимой от реальности во всём, кроме вот этих вот мелких деталей», во-первых, описательный и потому является лишь бесполезной попыткой подобрать решение под ответ (человек — животное на двух ногах без перьев), а во-вторых принципиально недоказуемым просто из-за того, что для доказательства мы должны использовать тот самый разум, в работе которого и сомневаемся.

— О чём вы думаете, Святослав? — спросила Алиса, к тому моменту уже погасившая иллюминацию на пальцах, — Сигарета потухла.

Я посмотрел на прогоревшую сигарку и осторожно, чтобы не рассыпать пепел, определил её в пепельницу.

— О том, делает ли меня человеком отсутствие перьев и плоские ногти.

— Ну, вы не «человек Сократа» уж точно, — покачала светловолосой головой капитан, — Хотя удивительно, что вы тоже пришли к этой аналогии.

— «Тоже пришёл». Значит, другим путешественникам из моего мира вы тоже показывали этот фокус?

Алиса задумалась на секунду, а потом пожала плечами:

— Вообще-то вы сначала должны были бы отвечать на вопросы, а потом уж я, но в данном случае я отвечаю: да, показывала. И у всех была реакция, очень похожая на вашу, только у некоторых...

— Гораздо сильнее?

— У одних — да, большинство словно бы ничего и не замечало, но они и ответить на наши вопросы не могли.

— Потому что они не поняли вопроса, подозреваю. Что вы спрашивали? Когда появились Истоки? У кого и почему?

— Да, в общих чертах.

Я печально улыбнулся.

— А люди это скорее всего понимали как «когда они стали проявляться в мире вокруг вас и ваших близких». Для большинства обычных людей ответом на этот вопрос была история их дедов и прадедов, которых вдруг перестали призывать на армейскую службу на двадцать пять лет, — я пожал плечами, — Это как раз и был бы восемнадцатый-девятнадцатый век, в зависимости от страны.

Алиса снова задумалась, анализируя мои слова.

— Кажется, начинаю понимать. Вы именно поэтому начали настолько издаleка?

— Ну да. Начинать надо с объяснения основ.

— Почему вы считаете, что нам надо их объяснять?

Теперь уже я взял паузу, раздумывая, стоит ли отвечать на этот вопрос честно. С другой стороны, если я не отвечу, ей гораздо сложнее будет объяснить происходящее, а мне соответственно — использовать её знания, чтобы понять, что и почему тут происходит.

Решившись, я посмотрел в глаза блондинке и твёрдо произнёс:

— Потому что несмотря на все ваши таланты к комбинации истоков, то, что я видел в этом мире пока что было весьма простыми действиями: создать огонь, лёд, кислоту, молнии. Не спорю, даже столь примитивные вещи в правильных руках дают невероятные результаты, но в моём мире использование Истоков уже очень давно шагнуло за пределы столь простых концепций.

— Пожалуй, придётся согласиться. Я бы не смогла так разрезать обратившегося японца, не говоря уже о висящем над ним облаке. Это была сила вашего Истока?

— Да.

— И в чём она заключается конкретно?

— Я не могу сказать, — спокойно ответил я, — Помните, как я говорил про то, как люди начали защищать свои методы обращения с истоками друг от друга? Сначала это были клятвы, убивавшие того, кто их нарушает, потом пришли прямые запреты вроде невозможности говорить определённые слова. В моё же время, пути защиты стали другими. Понимаете, в чём дело — Исток, как я говорил, это способ познания природы мироздания, и чем позже он отрыт, тем более сложным и специфическим этот способ является. Более того — требует от своего владельца такого же взгляда на мир, каковой был у его создателя. И, следовательно, чтобы объяснить его вам, мне потребуется буквально объяснить вам природу того, как я думаю и воспринимаю реальность. Мой Исток неотделим от меня, поэтому объяснить его и предать прародителя я не могу.

— Да, понимаю. Но я думаю, что могу удовлетвориться самым простым объяснением, которое вы сочтёте нужным. Дайте мне версию без перьев и с плоскими ногтями.

Я улыбнулся тому, как девушка вернула мне мою же цитату и ответил:

— В таком случае... я умею усиливать холодное оружие, которое держу в руках и заставляю его рубить цели как в упор, так и на определённой дистанции. Чем больше сил я вкладываю, тем сложнее контролировать длину и ширину получившейся волны, поэтому я и задел то облако.

— Довольно простое описание. Вы могли бы оказаться в нашем мире своими силами?

«Не знаю».

— Нет. Меня должны были сюда отправить.

— Понятно, — самописное перо летало по странице тетради, на которую девушка даже не смотрела, — Но сам факт наличия нашего мира для вас удивительным не стал?

— Нет.

— Почему?

— Ничего странного в том, что кроме нашего мира, существуют и другие, в принципе нет. И также нет причин, по которым некто мог подумать о такой возможности и попытаться познать Омфал путём создания допущения, что существует больше одного мира,

объединённого Великой Рекой и её правилами.

— И когда такие мысли могли появиться у людей?

— А когда были написаны первые сказки? Первые фантастические истории? Когда первый автор допустил, что его герой может существовать в каком-то другом мире? — я пожал плечами, — Не берусь даже предположить. Но основа для такого познания взята очень старая. Существенно старше большинства Истоков.

— Хорошо, этого достаточно. В таком случае порадуемся, что в той точки неба не оказалось самолёта и пойдём дальше. Но сначала — девушка открыла один из ящиков стола, убрала в него тетрадь и вынула вместо неё толстую книгу, положила передо мной, — Это адаптированная версия мировой истории. Адаптированная как раз для таких как вы странников.

Я кивнул, радуясь от смены темы, ведь была ещё одна причина молчать уже вполне осознанно, но о ней я не сказал бы никому и никогда. По крайней мере, так мне в этот момент казалось.

Правда, от книги я много пользы не видел. Видимо это как-то отразилось на моём лице, потому что Алиса спросила:

— Бойтесь тех ответов, которые найдёте?

— Честно говоря — наоборот. Почти уверен, что знаю, какие ответы найду. Думаю, процентов девяносто этой книги будет посвящено перечислению событий, которые мне уже известны. Наши миры скорее всего разошлись недавно, максимум в прошлом веке.

— Вы так думаете? Странно, к тем же выводам пришли и наши учёные. Это вам ваш «способ мышления» помогает? — изогнула бровь девушка.

Я мысленно выругался. Всё-таки она иногда демонстрирует слишком большую внимательность. Впрочем...

— Несложно догадаться — мы с вами одеты похоже, разговариваем на одном языке, технологиями пользуемся тоже схожими, так что очевидно, что точка бифуркации наших миров возникла относительно недавно.

«Может я даже застал те события» — подумал я, но не стал добавлять. Внутренний голос подсказывал, что информацией о своём возрасте пока что делиться не стоит. Мы с Алисой выглядели ровесниками, и это играло мне на руку, располагая блондинку ко мне. Если она узнает, мой реальный возраст, кто знает, как она будет на меня смотреть и кем воспринимать?

Осторожно положив книгу на стол перед собой, я продолжил:

— Но возвращаясь к вопросу об ответах и моём ожидании их не найти, есть и другая причина. Видите ли, я сильно подозреваю, что ценность исторических книг в наших реалиях всё-таки сильно преувеличена.

— Неужели? — брови девушки взметнулись вверх, на губах заиграла ироничная улыбка, — Не думала, что вы из числа тех, кто верит в переписанную историю.

«Я не верю, я знаю».

— Скажите, а вот допустим такой персонаж как Кухулин — это придуманный образ мифического героя или реально существовавший маг[КП1] [КП2] [КП3]? Существовали ли в реальности Гильгамеш и Энкиду? Да что там Гильгамеш и легенды прошлых эпох! Шекспир не так давно писал:

Будь смел, как лев. Никем и никаким

Врагом и бунтом ты не победим.
Пока не двинется наперерез
На Дунсинанский холм Бирнамский лес.

Что он имел в виду? Что сама природа восстала против тирана, или что это была какая-то известная в его век история противостояния двух сильных магов, которая запомнилась в народной памяти фактом столкновения Истока Скрюченных Ветвей, который любили использовать ирландские Друиды, с владевшим силой править форму земли Лордом Макбетом, которого считали завоевателем?

Девушка прищурилась, явно пытаясь понять, говорю ли я всерьёз, или придумываю на ходу. Наконец она сдалась и спросила:

— И как было по-вашему?

— Я не знаю, как было. Знаю лишь, что до недавнего времени, точные знания о произошедшем были доступны немногим, и только эти немногие могли эти знания понять и осознать, будучи носителями упомянутых Истоков. Поэтому от большей части людей истина всегда скрыта — такова природа нашей реальности.

— А вас задел мой вопрос, — заметила Алиса, — Вы даже на демонстрацию мою так ярко не реагировали.

— Touché — хмуро ответил я и скривился.

Сам удивился жару, с которым дал эту отповедь. Ну да, именно поэтому и не люблю разговаривать о прошлом. Оно слишком невнятно, мифологизировано и непонятно, слишком...

«А впрочем, вот это можно и озвучить.»

— В моём мире невозможно познать дальнейшее прошлое, ведь мы лишены самой возможности думать, как те люди, а значит никогда не отличим вымысла от действий, которые не можем понять, ибо маги тех времён давно вымерли и унесли свои тайны с собой. Хотелось бы мне, чтобы это было не так. Хотелось бы мне иметь возможность знать, как складывалась наша судьба, каким было начало, как первый шаман смог, не имея даже возможности считать, познать мироздание в треске костра. Но я не узнаю.

— Что ж, зато вы можете узнать о том, что произошло недавно. Будем считать, что пришло моё время отвечать на ваши вопросы...

К сожалению для меня, именно этого сделать нам не дали. За дверью раздались какие-то голоса — кто-то спорил, что-то доказывал и даже стращал.

«Само собой за дверью остались часовые. Она и не думала их убирать,» — подумал я, — «И хорошо, если только за дверью, и через окно меня не изучает вторая смена..»

Тяжёлая створка из тёмного дуба без стука распахнулась и внутрь проникли двое. Первым шёл одышливый мужчина средних лет с редкими волосами, недостаток которых на макушке компенсировали усы, своей густотой заставившие бы и моржа изумиться. Жаль только, что бороды вошедший не носил, а то второй и третий подбородки слишком заметны.

«Ну да, вот он наверное и орал за дверью. Хорошо поставленным гулким басом туповатого почмейстера Петровских времён.»

За ним беззвучно вошла... Арлетт! Нет, ну правда — статная брюнетка была вылитой Арлетт, той самой светской львицей, что крутилась вокруг Виктора фон Меттина в покинутом мной мире. Здесь, правда, она явно вела несколько иной образ жизни: строгий

чёрный мундир жандармерии сидел на брюнетке куда лучше, чем на усатом недоразумении, а тёмные волосы выглядели густыми даже будучи собранными в уставной пучок на затылке. В одной руке француженка держала тонкую папку для документов, а другую подняла, отдавая салют Алисе, на которой та ответила, и это явно сбило с толку закипавшего и уже готовящегося выдать гулкое начальственное наставление моржа.

— Приветствую, товарищ капитан, — голос точно, как у той Арлетт, но русским владеет существенно лучше.

— Добрый день, старший инспектор Ревиль, комендант Дюпре. Что привело вас ко мне?

Комендант, которого только что поприветствовали после какого-то инспектора, тут же вернулся в знакомую колею. Не успела брюнетка ответить Алисе, как морж распахнул свою пасть и заревел так, что цветок в горшке задрожал.

— Что привело? Сюда? Ты ещё спрашивать? — говорил он по-русски неплохо, но видимо от бешенства позабыл половину правил, — Центр города взрывает какой-то хилый япощка, а ты отбираешь сцену у моих жандарм, сжигаешь все улики, а потом ещё утаскивать единственного подозреваемого? И что он у тебя делать? Смолить папиросы и пялиться на меня, — в мою сторону вытянулся обвиняющий перст. Справедливо обвиняющий, кстати, ведь я откровенно наслаждался представлением, — У, плоскомордая погань, думать загорел немного — и уже спрятался от закона? Да я тебя!

«Он меня за японца принял что ли? Он их видел вообще в своей жизни?» — я даже не мог счесть нападки служаки оскорбительными, до того абсурдной мне казалась идея. Поэтому я лишь усмехнулся.

С неожиданным проворством комендант выбросил руку к вороту моей рубашки, но голос Алисы его одёрнул не хуже моего кулака, да только последний уже успел разогнаться. Забавно, когда в одной руке зажжённая сигарета, люди как-то не смотрят, чем занята другая. Кулак впечатался в живот прямо над ремнём, а я уже был на ногах, направляя коменданта на стул. Удар хитрый, если дать дураку согнуться, его блевать потянет.

Оставив моржа переводить дух, я повернулся к девушкам и увидел, что обе стояли напротив двери и наблюдали за моими действиями безо всякого осуждения. Если мотивацию Алисы я вроде бы понимал (сам не любил, когда быдло завоёванное начинало качать права, потрясая смешными туземными звездочками), то вот спокойствие Арлетт-не-Арлетт меня удивляло. И не только меня.

— Старший инспектор Ревиль, почему вы никак не остановили опасного азиатского подозреваемого, который напал на вашего начальника? — спросила Алиса, явно наслаждаясь сценой.

— Зачем мне это, если вы тоже не только позволили опасному подозреваемому восточных кровей, — в отличие от Алисы, брюнетка не смогла сдержать смешок, озвучивая мою предполагаемую национальность — напасть на господина коменданта, но и не спешите его задерживать.

Девушки обменялись понимающими взглядами давних подруг, что меня удивило и капитан произнесла:

— Арлетт, — ну конечно же Арлетт, — Это мой коллега, Святослав Воронцов.

«Лучше так, чем Вронский. Фамилию могут и найти, а не хотелось бы раньше времени... Молодец, капитан Стрелецкая, впрочем я и раньше знал, что вы не дура».

— Очарован, мадам, — я слегка поклонился и пожал протянутую руку. Что же у них все

приветствия-то стали хватательные?

— Святослав, это моя однокурсница — мы вместе учились в Сорбонне — Арлетт Ревиль, старший инспектор Парижской жандармерии.

Брюнетка белозубо улыбнулась.

— Я училась, а Алиса проходила дополнительный курс.

Возможно, тут был какой-то намёк, но я предпочёл его не заметить. Впрочем, Алиса не дала мне развалить только что созданную ей легенду, мгновенно перескочив на более важную тему.

— Ты не покалечил господина Дюпре, Стас?

«Странное прозвище, но я его разрешаю».

— Нет, только его гордость пострадала, — ответил я, направляя в глаза энергию истока, — Слабенько ударил, просто месье коменданта печень слишком чувствительная.

— Ну да, что ж ещё служителю правопорядка тренировать, — пробормотала блондинка, и добавила уже громче, — Пьер, вы меня слышите?

Мужчина уже пришёл в себя, но говорить пока не мог, так что только кивнул.

— Хорошо. Этот «плоскомордый,» как вы изящно выразились, мой коллега Святослав Воронцов, приехал сегодня из Новгорода и помог мне минимизировать жертвы при задержании опасного преступника. Без его талантов, камикадзе вполне вероятно забрал бы на ту сторону минимум пятерых.

— Не шутить? — комендант наконец обрёл дар речи, в обоих смыслах, — А зачем он приехал?

— Как зачем? — удивилась Алиса, — Конечно же помогать мне вскрыть террористическую сеть. У него огромный опыт работы на востоке.

«Вот это номер,» — подумал я, — «Было бы неплохо знать заранее о таких моих планах.»

— Спальня, гостиная с телевизором и кухня. Санузел — вот тут, — солдат указал на сливающуюся со стеной коридора белую дверь, — Совмещённый, ванная и туалет.

Я заглянул внутрь и заметил:

— Неплохо, но где бидэ? — сказал я это не потому, что мне так уж не хватало этого предмета, а чтобы сделать приятно сопровождающему.

— А беды остались в вашем буржуазном прошлом, товарищ князь, — осклабился парень.

Я улыбнулся каламбуру и прошёл следом за сопровождающим.

— Это кухня. Плита газовая, холодильник, всё как положено. За дверью — балкон.

Пробежав взглядом по настенным ящичкам, я открыл один из них и с удивлением обнаружил знакомого вида картонную пачку. Ну надо же — «принцесса Нури».

— Чаю хотите, Валентин?

— Нет, мне надо ещё в свои апартаменты заглянуть, — покачал головой мужчина, — Напоминаю, мы с Эдмондом будем в номере напротив. Захотите выйти за пределы здания — мы пойдём с вами. Но выходить вам товарищ капитан не рекомендовала.

Я набрал чайник и поставил на плиту, поискал взглядом спички и обнаружил на стене держалку с коробками.

— Мадам Стрелецкая боится, чтобы я чего не натворил?

Парень задумался, почесал гладко выбритый подбородок, но всё же возразил:

— Вряд ли. Скорее хочет, чтобы вы отдохнули, товарищ Воронцов, завтра скорее всего придётся помотаться.

— Вполне вероятно, что «помотаться» придётся уже сегодня, — заметил я, покачав головой.

— Ну, если приспичит, вы знаете, где нас найти, — хмыкнул солдат.

— Учту. Доброго дня, Валентин.

— Ага, до встречи, товарищ князь, — произнёс он уже из прихожей.

Закрыв за собой дверь, мой спутник покинул помещение. Я же прошёл в спальню. Одежды в шкафу не было. Эх.

* * *

Жильём обеспечила меня Алиса. А точнее — номером в «ведомственной гостинице» как она сама называла пятиэтажное здание на берегу Сены, метрах в пятистах от Бастилии. Надо сказать, что одна гостиная в летнем особняке, которым я владел в том, покинутом Париже была значительно больше выделенных апартаментов. Впрочем, квартира не казалась тесной, да и заботиться о своих нуждах без помощи слуг, я привык. Правда «почётная стража», которую определили в квартиру напротив, особой радости не вызывала, в основном тем, что их наличие говорило о намерениях офицера охраны: Алиса явно не планировала выпускать меня из рук. Пока что меня это скорее устраивало. Если выбор стоял между новой Россией и Японской империей, выбирать было легко. Пиетета к самураям я не испытывал, как и особых симпатий: слишком легко аристократы, следовавшие Пути Воина шли на

теракты и убийства мирных граждан. К тому же, я склонен думать, что они и в этом мире считают всех, кто не служит их «сыну неба» за людей второго сорта, а значит даже если пойти к ним на поклон, смотреть на меня будут в лучшем случае как на удобный инструмент.

В общем, по сумме вышеперечисленных причин (и нескольких чуть более тайных, которые лучше пока не упоминать) я был не против пока что играть на стороне местной охраны. Особенно учитывая, что мне нужно многое наверстать. Сняв пиджак, жилет и галстук, я повесил их в шкаф, оставшись в одной рубашке. Вода закипела, так я потратил время на то, чтобы приготовить себе перекус. В холодильнике (очень компактном леднике, который был скорее небольшим шкафом, чем привычной мне небольшой кладовой) обнаружился сыр и кирпичик масла, завернутого в плотную бумагу, а на одной из нижних полок — палка твёрдой колбасы и кусок копчёной свинины.

Спустя минут десять, я вернулся в гостиную с подносом, на котором кроме заварочного чайника была тарелка с тремя бутербродами с маслом и сыром, а также нарезанная колбаса и копчёное мясо. Поставив поднос на низкий книжный столик перед диваном, я подошёл к панели телевизора. Развлечения для масс явно развивались в этом мире быстрее: в отличие от привычным по родной Империи выпуклым аквариумам, здесь телевизор оказался большим плоским прямоугольником, закреплённым на стене. На полочке под ним лежал прямоугольный световой пульт. Наверное, я даже не сразу бы разобрался, если бы не обучался быстрому знакомству с незнакомой техникой ещё в самом начале карьеры. Опустившись на диван, я нажал на кнопку, включая аппарат, и взял со стола бутерброд.

На экране тут же появилась девушка в ярком платье, которая пела что-то про первую любовь. Голосок у неё был, надо сказать, вполне красивый, да и фигурка привлекала внимание. Жаль лишь, что наряд не особо соответствовал фривольному тону песни: платье, стилизованное под кимоно, слишком закрыто, широкий пояс не даёт оценить талию, да и чтобы уметь в нём двигаться соблазнительно, нужна специфическая пластика, которой певице похоже не доставало. В результате, весёлая песня про то, как здорово быть молодой и первый раз познавать любовь, целуясь с мальчиком за школой, сопровождалась чуть ли не движениями танца «Но».

Переключив канал, я попал на криминальный репортаж. Вёл его высокий мужчина с примесью южной крови, возможно греческой или испанской крови. За спиной репортёра находился полуразрушенный одноэтажный дом, обнесённый полицейским ограждением.

— Двое убито и ещё шесть человек ранено в процессе криминальных разборок в шести километрах от Марсея, — голос у мужчины был хорошо поставлен, волнения не заметно, видимо события произошли уже довольно давно, — Очевидцы утверждают, что на дом, в котором находились члены националистической группировки «Розенкройц» напали несколько неизвестных, предположительно азиатского происхождения. Полиция пока не давала комментариев, но... А, вот я вижу инспектора Фернана Бланкара, попробую задать вопросы. Инспектор, — обратился он к мужчине в чёрной форме и круглой фуражке, который как раз поднырнул под ленту оцепления, — Скажите, что здесь произошло?

— Взрыв газовой магистрали, — хмуро ответил тот и собрался уйти, но корреспондент не отпустил.

— А те странные люди, которых видели очевидцы — это ремонтники? Инспектор, с каких пор наших коммунальных служб вошло в привычку нанимать работников с татуировками якудза?

— Нет никаких якудза в Марселе, — рывкнул Бланкар, отталкивая репортёра, — Уберите камеру, живо!

Кадр сменился — теперь показывали студию, в которой сидела красивая женщина в строгом костюме.

— Это был Жерар Море, наш корреспондент в объятый беспорядками провинции Лазурный Берег. Благодарю вас, Жерар, — кадр не сменился, так что я предположил, что Жерару благодарности окажут сейчас разве что духовную поддержку. Ведущая тем временем продолжала говорить, — Трагедии сотрясают мятежный регион последний год, в то время как власти бездействуют, отдавая города и деревни на откуп криминальным элементам. Власти утверждают, что проблемы временные, но на фоне общего падения экономики такие заявления кажутся излишне оптимистичными.

Я задумчиво прожевал бутерброд и взялся за следующий. Потраченные на применения Источка силы требовали восстановления, да и вообще я проголодался настолько, что...

Резкая смена картинки оборвала мою мысль — теперь на экране была до боли знакомая площадь. Голос дикторши между тем продолжал:

— Тем временем в нашей родной провинции Иль Де Франс сотрудники Объединённых сил показали, как нужно справляться с угрозами. Сегодня, в двенадцать часов дня мужчина по имени Кенске Ямада, гражданин префектуры Японской Империи совершил теракт с применением способностей Источка. Превратившись в трёхметрового монстра, мужчина вероятно хотел напасть на беззащитных парижан и гостей города на площади Июльской Колонны, но был остановлен действиями нашей доблестной жандармерии, — на губах женщины мелькнула улыбка, — По заявлению коменданта Дюпре, благодаря своевременным и отважным действиям инспектора Дени Фалардо и старшего инспектора Кристиана Брюнея — на экране появились фотокарточки с двумя знакомыми мне раздолбаями, которых Алиса оставила в оцеплении, — преступник был вовремя обезврежен при помощи спецсредств. Пострадавших кроме самого террориста не оказалось.

Изображение сменилось лицом также знакомого мне коменданта, который стоял напротив здания жандармерии.

— Наши доблестные сотрудники совершили настоящий акт героизма и будут представлены к наградам. Трусливое нападение одиночки — ещё одно доказательство тому, что граждане Иль Де Франс являют своим образом жизни пример для подражания и повод для зависти, но при этом могут и готовы защитить свою мечту о единой, свободной и независимой Франции!

Изображение замерло, застав коменданта в героичной до комичности позе и уменьшилось, отодвигаясь в правый верхний угол, уступая место дикторше.

— Несомненно, героизм членов нашей «тонкой синей линии» не подлежит сомнению, но всё же свидетельства очевидцев несколько расходятся со словами коменданта о том, что жандармы остановили террориста самостоятельно.

На экране стали сменять друг друга различные туристы, которых ушлые репортёры умудрились поймать на выходе с площади, и я переключился на бутерброды, краем уха слушая, как в патриотическо-плакатно-националистической теории коменданта Дюпре сверлят новые дыры. Последний бутерброд закончился и я, налив себе чаю, откинулся на спинку дивана, когда на экране появились знакомые мне девчонки-хохотушки.

— Да, мы с Аннет здесь гуляли, — заявила светленькая, — Увидели этого парня в странном костюме. Такой... необычный пиджак и брюки...

— Знаете, такой вроде как исторический, но вроде и нет, — встряла брюнетка, — Как у вампиров в фильмах, весь с шитьём золотым, брильянтами в пуговицах и тому подобным.

«Если вы хрусталь принимаете за брильянты, тяжело вам в жизни придётся, дамы» — подумал я, отпивая из чашки.

— Сначала мы подумали, что это актёр или аниматор, но этот месье так уверенно себя вёл и ни на кого особого внимания не обращал. Вот мы и решили познакомиться.

— Он заметил и продемонстрировал обручальное кольцо. Мы сразу поняли, что он здесь не просто так и идёт к своей супруге и бросили затею.

На этот раз брюнетка перебила подругу:

— Виви, а помнишь девушку у стойки с мороженым? Блондинка такая, очень яркая — явно кого-то ждала, может его?

— Ну, он на неё взглянул конечно, но потом... Потом этот азиат заорал на своём лающем наречии, и мы поняли, что надо бежать. Но я успела обернуться и увидеть, как японец превращается в какое-то чудовище, а этот актёр бесстрашно бросается на него с ножом.

— Вы не видели, что было дальше? — спросил репортёр, находившийся вне поля зрения камеры.

Девушки помотали головой.

— Нет, потом мы уже бежали. Только на краю площади остановились и развернулись, но всё было кончено. Вампир стоял там, а рядом с ним были солдаты в зелёном и та девушка. Японца же нигде не было видно.

— А вы можете описать, как этот мужчина выглядел? — снова спросил репортёр.

Брюнетка расцвела:

— Лучше! Мы как вернулись домой, Аня его нарисовала! Секундочку... у меня с собой копия...

Девушка открыла тубус, висевший на плече, и вынула из него небольшой листок, на котором был изображён... я. Вылитый я — лицо, зелёные глаза, слегка непослушные каштановые волосы, всё как в зеркале. Даже шитьё на костюме было в примерно тех же самых местах, что и на оригинале, правда сам узор конечно девушка изобразила с ошибками. На картине я стоял, наступив на спину поверженному демону и томно смотрел на зрителя. С длинного кортика, который превратился чуть ли не в эсток стекали капли густой тёмной крови.

— Я рисованием обложек для фантастических книг подрабатываю, поэтому такой фон, — застенчиво произнесла Аня под хихиканье подруги.

Кадр застыл, захватив рисунок, и на экран вернулась диктор.

— Что ж, кем бы не был загадочный «Вампир», одно несомненно — его присутствие бросает тень на официальную версию, предоставленную комендантом Дюпре. У нас всё на этот час, но в вечернем выпуске шоу «Ежедневной аналитики», мы пригласили экспертов, которые могут пролить свет на личность этого господина. Присоединяйтесь к нам ровно в девять.

Я покачал головой и выключил телевизор. Везёт, однако, как утопленнику — не ждал не гадал, как стал самым обсуждаемым объектом дня и ещё раз наступил на хвост жандармерийскому моржу. Интересно, Алиса смотрела новости? Хотя даже если не смотрела, ей, несомненно, сообщат. Впрочем, пока это не мои проблемы, а значит есть время почитать книжку.

Я не успел дочитать до того, что же стало поворотным моментом в исследовании Истоков, как в дверь постучали. Я бросил взгляд за окно — солнце неумолимо клонилось к закату. Два часа спокойствия значит? Ну, бывало и хуже.

Положив книгу на столик, я встал и направился к двери. Стук повторился, на этот раз настойчивее.

— Да-да, иду, — произнёс я и открыл дверь.

Мне предстала довольно забавная картина: Алиса в лёгком платье, перепоясанная тяжёлой кобурой со здоровенным пистолетом, стояла перед дверью. Компанию ей составляла Арлетт, одетая куда менее броско, но тоже вооружённая. За их спинами переминались Валентин и Эдмонд в льняных домашних штанах и растянутых майках. Правда, дополнялись эти ансамбли карабинами.

Я изогнул бровь:

— Какие странные на вас наряды. Ловили шпионов в гостиной?

Арлетт прыснула, а Алиса насупилась и толкнула меня внутрь квартиры. Арлетт зашла следом, а вот моим сторожам капитан махнула рукой, и они с явным облегчением вернулись в свои апартаменты. Когда дверь за ними закрылась, Алиса вонзила в меня убийственный взгляд и зашипела:

— Не до шуток, Вронский! Вы попали в новости, а одна девчонка, с которыми вы перемигивались...

— Оказалась художницей и написала по памяти мой портрет. Довольно неплохой, надо сказать. У девушки талант — немногие могут так точно передать скульптурную чеканность моего подбородка и линии челюсти.

Парижанка в ответ на это уже рассмеялась в голос, а Алиса имела такой вид, будто намеревается меня придушить. Пожалуй, я впервые видел девушку столь эмоциональной.

— Святослав, вы как ребёнок, — явно она хотела добавить другой эпитет, но сдержалась, — Вы представляете, что будет, если вы станете звездой телеэфира? О любой работе можно забыть — вас недели три на улице узнавать будут минимум, наделают фотографий, превратят в народного героя. А мы, я замечу, собирались узнавать, кто нанял японца и именно для расследования этого вас вроде как сюда прислали.

— Нет, это вы собирались вести расследование. Я же был в известной мере поставлен перед фактом, — я одарил девушку белозубой улыбкой, — Но обстоятельства изменились, правда, госпожа капитан?

Алиса удивлённо захлопала глазами, и я пояснил:

— Я тут кое-что узнал, про разные фракции, сражающиеся за контроль над Францией. Среди них есть как внешние силы типа тех же Объединённых Сёгунатов Японии, так и внутренние, например поднявшая голову после череды революций прошлого века аристократия. И многие из них будут рады принять помощь от иномирца, настолько искусённого в искусствах истоках, как я.

Алиса выглядела поражённой в самое сердце и только в шоке открывала рот. Даже Арлетт перестала смеяться и посмотрев на меня, спросила негромко:

— Вы серьёзно это говорите? Готовы пойти на службу каким-нибудь розенкройцам?

Я выдержал паузу, но не успел озвучить идею, как Алиса резко вскинула руку:

— Нет, Эрли, он прав. Я, кажется, догадалась, что он хочет изобразить. План рискованный и действовать нужно будет быстро и решительно, но может сработать, — она повернулась к мне, — Вы не забирали сегодняшних газет из ящика? — я отрицательно покачал головой, — Жалко. Ну что ж, сейчас сбегаю.

— Я пока поставлю чайник, — произнёс я хлопнувшей двери, пожал плечами и повернулся к Арлетт, — Проходите пожалуйста.

— Люди, которые становятся шпионами по большому счёту подразделяются на два главных типа: те, кого поймали на чём-то и заставили работать на разведку и те, кто делают это добровольно из идейных соображений, — Алиса показала два отогнутых пальца и со значением добавила, — При этом, направленность действий агента не играет роли. Государственный изменник может действовать строго из идейных соображений, а воспетый постфактум герой может быть человеком, которого вовремя поймали не в той постели, а потом подвесили этот факт над ним на всю оставшуюся жизнь.

Я кивнул:

— Понимаю. Хоть сам и не сталкивался — моя сфера деятельности как-то не подразумевала слишком глубокого погружения в интриги. Но у меня сразу вопрос: как быть с людьми, которые действуют тем или иным образом исходя из текущей выгоды, своей или государственной, как они её понимают? Ну допустим, чтобы далеко не ходить — вот агенту подсунули какой-то важный элемент информации, который может дать его стране толчок в каком-то направлении.

— Например, из ниоткуда возникнет аристократ из параллельного мира, где Октябрьской Революции не случилось, Российская Империя продолжает существовать и правит ей императрица Анастасия, — заметила Арлетт как бы невзначай. Я взглянул на неё, и девушка очаровательно улыбнулась и отсалютовав чайной чашкой добавила, — Просто пример, не более того. Абсолютно невинный пример. Ни на кого конкретного не намекая?

Я хмыкнул поднял кружку в ответ. Алиса же нашей игры словно не заметила, вместо этого она серьёзно взглянула сначала на подругу, после чего перевела взгляд на меня и произнесла:

— В таком случае, агент должен оценить, насколько предполагаемый худший для него сценарий...

— Разумен? — подсказала Арлетт.

— Нет, осуществим, — капитан отпила из своей кружки и пояснила, — Смотри, Эрле, давай так, является ли история попадания Святослава в эту квартиру фантастической? Ну, если честно — да, несомненно. Он оказался в нужное время именно в том месте, где мы его заметили. Но можно ли было это подстроить? Вот смотри — у нас есть человек, который воспитан в другом обществе, говорит иначе, использует иные фразеологизмы, а когда забывается начинает сыпать метафорами, которые в нашем языке просто не имеют смысла. Можно ли было подготовить такого агента? Ну, наверное, да — интенсивная гипнотерапия, искусственная личность и прочее. Но вот только получить данные для этой личности можно только из-под колпака самой КГБ, иначе рассказ агента рассыплется при первом же лёгком допросе. А он не рассыпался. При этом, сам князь владеет истоком, который неизвестен ни нашей разведке, ни царской охране, ни вообще кому бы то ни было на этом полушарии. Это насколько глубокой должна быть работа, насколько разветвлённым должен быть заговор, чтобы в результате... что именно сделать-то? Выкинуть князя где-то в переулке Парижа и рассчитывать, что он доберётся до нас, по ходу процесса сделав что-то, что привлечёт наш интерес? И в чём смысл такого действия? Получить в свою поддержку довольно хлипкий аргумент про «это слишком безумно, чтобы оказаться спланированным?»

Девушка фыркнула и покачала головой. Арлетт развела руками и улыбнулась:

— Ну, с этим я поспорить не могу — видно, что ты много думала о подобном сценарии в прошедшие часы.

— Думала, да... А, зараза, не в том смысле — Алиса махнула рукой и повернулась ко мне, — Ладно, Святослав. Мы отвлеклись. Вернёмся к делу.

— С удовольствием. Ты говорила о двух основных методах привлечения на службу — идеалистическом и материалистическом, так?

Как-то незаметно мы все перешли на «ты».

— Именно. И в твоём случае, как ни странно, в материалистический вполне могут поверить. Я сразу не сообразила о чём ты ведёшь речь, но сейчас начинаю думать, что ты выстрелил наугад, но попал точно в цель.

— Пожалуйста, не перехвали, — улыбнулся я, — Дело не в моих талантах, а во взгляде со стороны. Я не знаю, как именно тут обстоят дела, но деталей попало на глаза достаточно, чтобы сделать общие выводы. Франция же, ну или центральная её часть, которая осталась более-менее цельной, попала в орбиту влияния СССР, но правящие элиты остались теми же, какие и были. И соответственно, лучше всего с их колокольни было бы вернуть всё к «старым-добрым временам».

Арлетт медленно наклонила голову, подтверждая слова подруги.

— Всё так. Новая Республика на бумаге должна была стать свободной экономической зоной и до определённой степени она ей стала, но правящие круги практически полностью унаследованы от господина короля Луи Девятнадцатого, хоть последнего и нет на свете уже полсотни лет. Те же влиятельные семьи, те же правила и законы. Конечно, называется всё иначе, но по факту верхушка Жандармерии мало отличается от той, которая была у королевской гвардии. Разве что цвета и гербы позаимствовали от предыдущих неудачных революций. А с другой стороны — люди ничуть не лучше. Те, кого Алиса называет «контрэлитой» — люди, вышедшие из вчерашних националистов-погромщиков, недовольных то слишком смуглыми галантерейщиками, то неправильным продвижением того, что они считают «интересами государства».

— Кому нужда, тем спесь, лежи они в пыли. А тем, кто выше, лесть как кружево плели, — процитировал я, — Печально, но это создаёт возможность.

— Вот именно, — Алиса кивнула, — Как ты уже понял, передача, которую ты видел — это один из рупоров тех самых контр-элитариев. Ведущая, Бригитт Штофилд, в юности участвовала в студенческих восстаниях, но те времена давно позади — теперь мадам Бригитт плотно вошла в ряды тех, кто пинает современное французское правление, при этом раздавая авансы СССР о том, как всё станет лучше, когда они придут к власти. Впрочем, насколько я знаю, у нас к этим обещаниям относятся с изрядной долей скепсиса: если правоцентристы, находящиеся у власти, по факту управляют лишь четырьмя провинциями, то правительство из этих радикалов вряд ли удержит даже Иль-Де-Франс.

— Это не значит, что они попытаются перехватить власть, когда увидят возможность, — заметила Арлетт.

— Верно. Ты, Святослав — неизвестная величина, пока никто не знает как на тебя смотреть. И это даёт некоторый простор для манёвра. Поэтому очень важно разыграть карты наилучшим образом. Смотрите, — она ткнула пальцем в разложенную на столе газету, раскрытую на телепрограмме, — Воскресенье — наш крайний срок. Еженедельная аналитическая передача «Последствия» — отличный момент для того, чтобы представить нового оперативного консультанта КГБ СССР, чья помощь была неопределимой в устранении

преступного террористического сговора.

— Но для этого нужен сговор, который, собственно, до воскресенья нужно устранить, — заметила Арлетт, — И при этом, чтобы действия эти остались в тайне от Жандармерии.

Я, занятый наполнением опустевших чашек, усмехнулся уголком рта.

— Ну да, а то доблестный комендант опять решит «забыть» о чужом участии в этом деле.

— Не думайте о нём слишком плохо, — инспектор покачала черноволосой головкой, — Он в куда большей степени заложник положения, чем вы можете представить.

— Тем не менее, я не потеряю сон, если удастся щёлкнуть моржа по мокрому носу. Он мне чуть костюм не помял, — весомо заявил я.

Алиса резким движением руки прервала светскую беседу и опустилась обратно на диван.

— Итак, у нас три дня. Действовать надо очень быстро. К счастью, у нас есть не разыгранная карта, правильно я тебя поняла, Стас?

— Да. А именно — я. Пока что, противник находится в довольно сложном положении — что произошло точно неизвестно, как именно мы остановили террориста, они не знают. Следовательно, если я появлюсь на пороге со своей минимально правдоподобной версией, они будут вынуждены хотя бы попытаться её рассмотреть.

Арлетт изогнула бровь и уточнила:

— Под «появиться на пороге» ты имеешь в виду...

Я пожал плечами.

— Постучаться сапогом в дверь одной из их организаций прикрытия. Не знаю как здесь, но в моём мире японцы были склонны действовать одинаковым образом. Их тайная полиция, очень плотно работала с преступным миром и часто вовлекала его членов в свои операции. Мне показалось, что и здесь они действуют также.

— Почему ты так решил?

Я задумался, собирая из разрозненных воспоминаний и ощущений цельную картину.

— Террорист накручивал себя, волновался. Одежда, как я сейчас понимаю, на нём была слишком нарядная, про такую у нас говорили «костюм для похорон» — белая рубашка, светлые штаны. Очень похоже на ансамбль, который самурай надевает для того, чтобы покончить с жизнью. Несомненно, такие детали были для террориста важны, он должен был уйти так, как решил сам — довольно примитивные и наивные взгляды, если подумать. Возможно, он сам это понимал, но решил довольствоваться хотя бы таким жестом. Так что — да, вряд ли мы имели дело с профессиональным воином, скорее с каким-то неудачником, которому не повезло задолжать тому, кому не следовало и с него взяли плату вот таким образом.

— Кто согласится пойти на теракт в уплату долга?

— Тот, для кого честь важнее жизни, — пожал я плечами, — Или тот, кто рискует потерять куда больше — например родных и близких, оставшихся на родине. В принципе, оба варианта равновероятны. На мой взгляд, что именно мотивировало несостоявшегося убийцу для нас неважно, зато имеет значение иное: если этот парень настолько стремился следовать инструкциям, что начал свою акцию, когда я подошёл и обратился к нему на его родном языке, это значит, что в городе его контролировали. Остальное — дело техники. Я пощёлкал каналы, поискал криминальные сводки и понял, что с этнической преступностью

азиатского толка в стольном граде Париже всё в порядке и у японцев есть вполне значимый кусок пирога. Ну а дальше следовало только немного подумать. Я всё-таки из другого мира, а не с другой планеты.

— Да, ты прав, — кивнула Арлетт, — в Париже сейчас действует два больших клана якудза, которые умудряются не наступать друг другу на пятки. Адзума-гуми занимаются в основном синтетическими наркотиками и «перемещением» людей. Мацуба-кай же контролирует больше половины рынка контрабанды органов в провинции. Считается, что и тот и другой являются соперниками, но за пять лет работы мне куда чаще попадались на глаза следы их совместной деятельности, нежели какие-то конфликты. Так что твоя теория, Святослав, и здесь подтверждается.

Алиса кивнула.

— Да, по моим данным также выходит, что конфликты устраиваются скорее напоказ. Проблема в другом. Если эти люди действительно работают на разведку, то тебе Стас, нельзя туда заявляться через парадную. Даже если тебя не «сняли» на площади, уж тот факт, что тебя устроили в ведомственную гостиницу, вряд ли остался без внимания. Поэтому надо действовать тоньше.

Арлетт удивлённо вскинула брови:

— Не узнаю тебя, подруга, чтобы ты и предлагала не выбивать парадную дверь, — она покачала головой, — Куда катится мир...

— Не волнуйся, тоньше это будет лишь по моим меркам, — блондинка посмотрела на меня.

Я в ответ ухмыльнулся самым гнусным образом. Похоже, наши мысли двигались в одном направлении.

* * *

Прохладный ветер охлаждал виски, и я поёжился. Как-то не заметил, что по местной моде мужчины ходили с более короткой стрижкой чем в Империи. Что ж, привыкну, хоть эти бритые виски и напоминали мне то ли о каторжниках, то ли о матросах Небесных Войск. Также придётся привыкать и к одежде: брюки и рубашка, найденные почти в авральном темпе сидели неплохо, куртка-ветровка из непромокаемой ткани так вообще мне нравилась, но всё же разница между фабричного производства шмотками и теми, которые шили мне на заказ была значительной. Ботинки же я вообще оставил свои — не было времени разносить новые. Зато теперь, благодаря стрижке и смене гардероба, я почти не выделялся из числа парижан, что в принципе было самым важным.

Подняв воротник короткой куртки, я шёл вниз по бульвару. Солнце уже зашло, но фонари не спешили включаться. Впрочем, для моих целей так даже лучше. У стены галдела шумная компания: шипастые куртки, яркие волосы, воняют алкоголем. Эти ребята настолько старательно изображают уличную лихость, что к бандам скорее всего отношения не имеют. И всё же откуда-то начинать надо. Добавив походке некоторой развязности, я прибавил шаг.

Вскоре меня заметили, разговор стал громче. Когда же я проходил мимо, от стены отделился долговязый парень лет двадцати. На лице пересекая глаз — татуировка в восточном стиле, рука с накрашенными чёрным ногтями подбрасывает раскладной ножик.

— Месье заблудился? — на нарочито ломанном французском спросил парень, перегородив мне дорогу, — Может мы помочь?

— Нет, без тебя справлюсь, — бросил я, — Ты даже язык коверкаешь.

— Это квартал Алых Драконов, — другой пацан с чуть более желтоватой кожей и лицом, которое можно было принять за азиатское, встал рядом с заводилой, — Мы здесь говорим как хотим. А ты на нашей земле. Чего надо?

— Чтобы вы с дороги ушли, — вскинул я подбородок, — По-хорошему. Мне не до вас.

Заводилу эти слова рассмешили, повернувшись к друзьям он развёл руки и картинно заявил:

— Вы слышали, аники? Гайдзин просит по-хорошему, а? Что скажете?

Он начал медленно поворачиваться ко мне и вдруг выбросил вперёд пустой кулак. Я повернулся, пропустив не ожидавшего этого пацана мимо себя и придал ему импульс под колени, отчего заводила полетел на асфальт. Остальную шпану конечно проняло. Сверкнули ножи, выскользнули дубинки и через мгновение вокруг меня уже стояла готова к бою пятёрка разгорячённых алкоголем и предвкушающим веселье парней.

— Это ты зря, уродец. Мог просто кошелек отдать, а сейчас уже так легко не отделаешься, — прошипел азиат.

Я тяжело вздохнул и пожал плечами:

— Да, мне такое часто говорят.

Первый удар я нанёс ещё до того, как азиат успел обдумать мой ответ. Некрасиво, но их всё же пятеро, а уличные драки — вещь непредсказуемая. Первым делом я вогнал локоть в нос долговязому парню, вздумавшему обойти меня сзади. Скользнул вправо, уходя от удара битой другого — крепкого пацана с реденькой бородкой. Бита хрястнула об асфальт, и я вогнал согнутые «кошачьей лапой» пальцы в горло неудавшейся звезде лапты, заставив его повалиться на землю с хрипом.

Остальные бросились на меня все сразу и всё как-то смешалось. Парни бросились вперёд, видимо собираясь схватить меня за руки и дать боссу возможность наделать мне дырок в животе, но мои планы были совсем иными. Я позволил одному схватить меня за руку и в награду за это, впечатал каблук ему в голень. Когда он попытался убрать ногу, я перехватил ладонь, которой он цапнул мой рукав и прикрылся его телом от ножа азиата, а потом толкнул его на замешкавшегося парня.

В это время зашедший сбоку последний член шайки впечатал кулак мне в бок. Я был готов к этому — у парня не было оружия, поэтому я и занялся другим, но всё равно удар оказался неприятен. Парень явно не просто так предпочитал экономить на железе. Подняв руки, он застыл в боксёрской стойке. Мило. Подняв руки, я увернулся от пары джебов, принял на левый бицепс классическую «двойку», а потом вогнал костяшки пальцев правой боксёру в солнечное сплетение. Спортсмен посинел, пошатнулся, но устоял на ногах.

— Неплохая выносливость, — заметил я, обошёл парня сбоку и прицелившись вогнал кулак ему в ухо. На этот раз он упал как срубленной дерево.

Я осмотрел поле боя. Вроде ни у кого серьёзных ран нет, но в сознании только...

— А, вот ты мне и нужен, — я выдернул азиата из-под тела товарища, вывернул ему руку и заявил, — А теперь веди меня к старшему.

— Пошёл ты! Знаешь, что он со мной сделает? — прошипел полузадушенный азиат.

— Как ни странно — знаю даже лучше тебя. Но твоя проблема в том, что я ничуть не добрее, зато намного ближе. И с фантазией у меня тоже всё в порядке. Пошёл!

Идти пришлось не так чтобы далеко, но маятно. Дважды малолетний бандит пытался завести меня в места скопления своих дружков, но оба раза волнение выдавало азиата с головой и мне приходилось напутствовать идиота пинками. В третий раз, когда он попытался провернуть такой фокус, я плюнул и прошипел ему в ухо, используя псио:

— *Мне начинает это надоедать. Веди меня куда я сказал, иначе...* — что именно «иначе» я не развернул, но ментального толчка хватило, чтобы малолетний бандит додумал грядущие Египетские казни самостоятельно, ужаснулся и прекратил попытки меня обмануть.

Район, в которой мы углублялись, был не из приятных. Конечно, совсем уж мерзких мест, куда и жандармы опасаются соваться, в Париже, наверное, не было (всё-таки даже связанная тысячей договорённостей с нынешней элитой, служба Алисы не допускала слишком наглого разгула бандитизма), но местечко, где мы оказались, на мой взгляд было худшим из виденных мной в этом новом Париже. Унылые однотипные дома, фонари, освещавшие лишь центральные улицы, мёртвые коробки дворов, с которых иногда доносилась резкая музыка из числа той, которую любили слушать парни схожие взглядами с подрастерявшим весь гонор представителем Алых Драконов, который уныло брёл на шаг впереди меня. Вывески магазинов не горели, а сами маленькие заведения, мимо которых мы шли, встречали меня тёмными окнами забранными антивандальными решётками, несмотря на не такое уж и позднее время.

Наконец азиат привёл меня к железным воротам, перегораживающим вход в один из дворов, и кивнул на кованую решётку.

— Там.

— Ну так иди вперёд.

— Не могу. Мне... нельзя, — процедил парень, изо всех сил сопротивляясь давлению псио.

Я иронично поднял бровь и хмыкнул:

— Меня задирать тебе тоже было «нельзя», но ты не видел с этим проблем.

— Там законы жандармские, а тут людские.

Вообще парень использовал жаргонное выражение, корнями уходившее ещё во времена Революций, которое являлось прямым аналогом любимого каторжниками покинутой мной Империи заявления о «законах людских и законах ментовских». Последние, само собой, соблюдать было не особо почётно в среде закоренелых бандитов.

— Ну, я не жандарм, так что всё в порядке. *Пошёл*, — я толкнул азиата в спину.

Малолетний бандит выругался сквозь зубы, но сопротивляться моей воле не мог.

Надо сказать, двор в который мы зашли был куда чище тех многих, которые мы миновали. Никаких рисунков на стенах и мусора под ногами. Двери подъездов тоже ничем подозрительным не измазаны. Видимо, даже бандиты понимают, что лучше не срать там, где живёшь.

Бандит, впрочем, не пошёл к подъездам, вместо этого он направился к небольшой двери в задней части здания, смотревшего на бульвар. Поднялся по ступенькам и замялся на секунду, по подбодренный моим тычком, постучал по выкрашенному чёрной краской металлу. За дверью раздались шаги и хриплый голос спросил на японском:

— Частное владение. Кто это? Что вы хотите?

«Не забывай, что я знаю язык, так что без глупостей и может быть уйдёшь живым,» — прошептал я своему провожатому на ухо и шагнул в сторону.

Парень сглотнул и дрожащим голосом ответил привратнику:

— Дайске Волхан, нужно поговорить с босс, — японский его и правда был не очень.

За дверью раздался короткий смешок, и затем смотровая щель открылась, оценивающий взгляд изучил парня и уже другой голос заявил:

— Ты дверью не ошибся, дурак? Куда лезешь?

— Я... должен сказать... важная новость, — от волнения голос парня задрожал, а произношение стало ещё хуже, — Это очень важно.

Привратники перекинулись, а затем первый голос произнёс:

— Ну, твоя шея на кону, таракан. Заходи.

Загремел засов и дверь открылась внутрь. В проёме показался крупный мускулистый мужчина в тельнике без рукавов. Мощные плечи покрыты вязью татуировок.

— Ну? Чего застыл? — прогрехотал бандит гулким басом.

Дайске (наконец узнал, как его зовут) не успел ответить, ведь из-за его спины выступил я и улыбнувшись, сказал:

— Конничива.

После чего толкнул малолетку прямо на бугая. Дайске вскрикнул, вынужденно вцепившись в тельник татуированного, а сила толчка была достаточной чтобы здоровяк вынужден был сделать пару шагов назад.

— Ах ты щенок! — заревел второй голос и слева выскочил второй бандит. Судя по короткоствольному ружью без приклада, судьба Дайске ожидала незавидная.

Я перехватил оружие за цевье прежде, чем бандит успел осознать новую угрозу и толкнул ствол вверх, одновременно впечатывая металл в подбородок второго привратника и выворачивая оружие из рук. Может быть, бандит и удержал бы его, но на правой руке не хватало фаланги мизинца и безымянного пальца, так что хват был не очень крепкий. Бандит выругался, скорее растерянно, и потянулся к поясу, ещё не до конца понимая, что случилось, так что я перехватил ружьё второй рукой и ударил дезориентированного бандита задней стороной короба. Вот что за мода — спиливать приклады?

На этот раз привратник упал оглушённый и я повернулся к татуированному. Тот уже успел отцепить от себя Дайске и выхватить из-за пояса пистолет.

— Тебе конец, ублюдок, — заявил он, поднимая оружие.

Я же сказал на японском, вложив в голос изрядную долю псио:

— *Приставь ствол к виску. Затем замри.*

Бандит хрюкнул, его лицо перекопилось, но он вынужден был подчиниться. Я выбросил ружьё за стоявший в углу небольшой проходной стол, подошёл к бандиту, вытащил из-за его пояса нож-танто и посмотрел на Дайске.

— Смотри и запоминай что бывает, когда я серьёзен, — с этими словами я обнажил клинок и плавно, почти нежно провёл лезвием по шее бандита. Кровь ручьём полилась на белый тельник, пистолет задрожал в слабеющей руке, и я поспешил вынуть оружие из пальцев. Надо сказать — мужик был крепкий, он смог простоять ещё почти полминуты, прежде чем сердце остановилось, и он осел на пол.

Я подошёл ко второму бандиту, который всё ещё валялся на полу, и погрузил клинок танто ему в сердце, повернул и выдернул, завершая и эту криминальную карьеру.

— Вставай и пошли дальше, — бросил я побелевшему Дайске.

Тот моргнул и дёрнулся к двери, я поймал его за плечо:

— И куда ты собрался?

— Закрывать. Увидят же. Тут в доме напротив все жильцы из членов семьи.

— Пускай видят. Поймут, что я серьёзен. Пойдёшь впереди, и без глупостей, а не то, как ты понимаешь мне даже это, — я поднял пистолет, — не понадобится.

Дайске кивнул и направился к двери внутрь здания. Я же посмотрел на коротконосый пистолет в руке. Металлическая рамка, ребристая рукоять, кнопка сброса магазина под большим пальцем, сам магазин — однорядный, на восемь патронов плюс один в стволе. Изящная игрушка, в руке лежит легко, предохранитель судя по всему — полувзводом курка. Вообще я обычно не использовал огнестрел, но пистоль после коротких раздумий решил оставить. Он мог пригодиться.

Сунув оружие в карман, я кивнул парню на дверь: открывай, мол. Тот открыл и вошёл внутрь, я прошёл следом, бросив короткий взгляд на распахнутую дверь проходной. Кровь попала на перила и ступени, да и дверь забрызгала. Если кто-то заглянет внутрь, ему не составит труда понять, что случилось.

«И хорошо», — подумал я, прикрывая за собой внутреннюю дверь.

Вслед за Дайске я прошёл по короткому коридору до двух дверей. Азиат уверенно подошёл к той, что была не в торце коридора, а в левой стене. Я вопросительно поднял бровь.

— Прямо — магазин, он закрыт сейчас, — хмуро заметил парень, — а вот слева спуск в подвал, там оябун в карты играть любит.

— Надо же, целый оябун, — с улыбкой заметил я, — Играет в подвале в карты со своими парнями.

— Ну да, а что такого? — захлопал глазами мелкий.

— То, что тебя это не удивляет, говорит мне, босота, что о порядках островитян ты знаешь даже меньше, чем я думал. Правда я не понимаю, почему ты так боялся сюда идти, если явно тут не раз бывал и знаешь, что и когда босс твой любит делать.

— Я знаю, что его в такие моменты лучше не беспокоить, — хмуро заметил Дайске, — Именно потому, что видел, что он делает с теми, кто навещает его в такое время.

— Допустим, допустим.

Спуск по короткой лестнице занял чуть больше времени чем я думал — приходилось контролировать, чтобы Дайске не выкинул глупость, но тот видимо решил, что после случившегося наверху, ему теперь только одна дорога, и потому смирился.

«Парень смышлёнее, чем я думал».

Ещё один короткий коридор и перед нами очередная дверь. Я приложил ухо к доске и услышал голоса, говорившие на японском:

— Если выложишь второй шан, то твой долг прощён, — уверенный тембр, почти незаметный акцент. Думаю, только один человек мог бы так говорить в этом здании, — Давай, Юсуке, шанс — один к двум.

— Но я не... — тихий и нервный голос, неуверенная речь.

— Давай так — если ты выиграешь, то списываешь долги, а если проиграешь, то делаешь для меня ту работу и я не трогаю твою семью. Ты же хороший парень, заботишься о подружке, о матери, зачем им проблемы?

— Господин Канада, у вас ведь никто не выигрывал.

— Ну вот и будешь первым! — расхохотался главарь.

Я решительно распахнул дверь.

— Или не будет, — заявил я, окинув взглядом комнату, — хозяин ведь не играет по правилам.

Четверо сидели за столом для маджонга, стоявшим в центре комнаты, ещё двое занимали стулья в углах и сейчас вскочили на ноги. Из сидевших один был в светлой рубашке и штанах. Он выглядел точь-в-точь как японец, которого мы положили на площади. Ещё двое походили на братков — молчаливые, в строгих костюмах с чёрными галстуками. А вот четвёртый, который занял игровое место напротив бледного японца — четвёртый был интересен. Во-первых, он единственный из сидевших не был чистокровным японцем, и выдавали его даже не европейские черты лица и голубые глаза, а ярко-рыжие волнистые волосы, заплетённые в хвост на затылке. Впрочем, за исключением этой детали, выглядел мужчина именно так, как я привык наблюдать боссов якудза ещё в своём мире: яркая рубашка монотонного красного колера, светлый костюм, золотая цепь на шее, браслеты на запястьях и кольца на пальцах. Но главное — никакой суеты во взгляде и движениях. Если телохранители (а это несомненно были именно они) отодвинулись от стола и сунули руки под пиджаки, а несчастный лошок-японец весь сжался за своим столом, то Канеда даже не дёрнулся. Поднял руку, заставив остальных бандитов замереть и улыбнулся мне.

— Почему ты решил, дорогой гость, что я не играю честно?

— Потому что тебе нужно ещё мясо, которое ты хочешь в меня кинуть, — ответил я на улыбку, — А такие как ты не склонны играть честно, когда хотят чего-то достичь. Они живут по своим законам, не так ли?

Канеда рассмеялся моим словам как хорошей шутке:

— Тыходишь в мой дом, незнакомец, утверждаешь, что я обманываю своих клиентов чтобы напасть на тебя? Интересно. Настолько интересно, что я даже выслушаю причины для таких заявлений.

Лёгким движением руки он приказал своим людям занять места и пригласил меня подойти. Хороший ход, надо признать, ведь теперь я как бы выполнял его волю. Эх, бандиты-бандиты, вот как не назовут себя, какой код не придумают, какие татуировки не изобретут, а всё равно всё сводят к дешёвым понтам и игре на публику.

«Сказал играющий на публику из этой самой босоты князь. Для дела, конечно, но всё же...» — самоиронично подумал я и сделал пару шагов к столу, окинул взглядом доску и заявил:

— Причин у меня несколько: во-первых, точно такой же несчастный, как и этот вот, — я кивнул на жертву, — только этим утром превратился в демона на площади Бастилии. Поскольку задачу он не выполнил, тебе, Канеда, понадобился другой дурак. Во-вторых, ни один уважающий себя глава клана не позволил бы такому как ты называть себя «оябун», полукровка-сан, — на этих словах Канеда дёрнулся как от удара, и я этим воспользовался, шагнув вперёд и хлопнув ладонью по столу, после чего кивнул на камни опрокинутой «руки» главаря — Ну и в третьих, насколько я знаю, в наборе должно быть в три раза меньше вот этих костяшек.

— Ну, я развлекал тебя достаточно, гайдзин, — теперь изволь представиться и сообщить, какого демона тебе здесь надо и как ты вообще сюда попал. А потом мы научим тебя манерам.

Мои губы изогнулись в ухмылке. Я сунул руки в карманы, отчего куртка распахнулась.

— Не говори мне, что не помнишь тех, кого пытался убить, «оябун». Не далее, как восемь часов назад ты натравил на меня демона, из-за которого мне пришлось избавляться от местной охраны, напяливать на себя эти плебейские шмотки и тратить время на поиски того, кому я понадобился на этот раз. И честно говоря, видя тебя и такие дешёвые разводы, я не впечатлён. Так что я спрошу ещё раз, Канеда-сан. Вежливо. Почему ты пытался меня убить и кто тебе за это заплатил?

— А, я понял, ты дурак. Вбил себе что-то в голову и теперь перекладываешь проблемы на меня, — главарь покачал в воздухе ладонью, — Успокойся, никто тебя убить не пытался. Но вот как тебя сюда пустили парни на входе, это действительно интересно.

— Я сам себя сюда пустил, перешагнув через их трупы, — я откинул полу куртки, продемонстрировав заткнутый за ремень танто, — Узнаёшь?

— Догза! Ах ты... В расход его!

Телохранители повскакивали со своих мест, сунули руки под мышки, но тут же застыли, остановленные моим псио-приказом:

— *Замерли!*

Телохранители не двигались, лишь бешено вращали глазами. Канеда зашипел, ему досталась ослабленная версия команды.

— Кто... ты... такой...

— Я — князь Святослав Ростиславович Вронский. А в присутствии благородных такому отребью как вы полагается вставать на колени.

Пистолет рявкнул восемь раз, превращая карман моей куртки в опалённые обрывки. Телохранители с криками рухнули на пол. У каждого было прострелено колено и плечо правой руки. То, что я не любил огнестрел не означало, что я не мог с ним обращаться.

Вытащив руку с пистолетом из кармана, я прижал раскалённый ствол ко лбу оябуна.

— Спрашиваю ещё раз, и этот раз будет последним. Кто заказал мою смерть такому отребью как ты?

— Никто, — бандит зашипел, когда раскалённый ствол вынудил его кожу задымиться, — Я вообще про тебя не знаю, придурок!

— О, значит ты хочешь, чтобы я поверил, что твой карманный дурачок оказался на площади одновременно со мной случайно? И так же случайно на меня напал? Ври да не завирайся.

— Это правда! Целью был просто обычный теракт, паника!

— Вот как? Чьей же целью? Не говори, что твоей — ты не маг, не владеешь истоком. Ты всего лишь пешка в кричащем костюме. Кто за тобой стоит? Кто желал моей смерти?

— Не знаю! Мы вообще не знали, что ты там будешь, думаешь нам самим нужны, были проблемы с магом-аристократом? План был простой — наделать трупов, продемонстрировав слабость КГБ. Если бы в процессе положили ещё пяток легавых или белобрысую ведьму из охраны — тем лучше. Но про тебя никто не знал, клянусь! Мы и сами не хотели влезать, но Кентаро-сан из Адзума-гуми настоял на том, что это необходимо сделать.

— В якудза нет аристократов, а потому нет и магов. Кто даровал тому дураку способность обращаться?

— Не знаю имени, его привёл Кентаро-сан. Невысокий, плотный, лицо скрыто маской лиса.

— Очень полезная характеристика — искать человека в маске лиса, — фыркнул я.

— Я ничего не могу поделать — он не назвал имени. Но в одном я уверен — он был шинсенгуми. Я видел его меч, а на нём — знак сёгуна Аризоны. Это не ложь, клянусь.

«Ари-сонне но тамени! Во имя Аризоны, так вот про что лопотал тот парень» — понял я. Интересно у Японии дела в этом мире обстоят, конечно.

— Что ж, я верю тебе. Как мне найти этого Кентаро?

— Он убьёт меня если я скажу!

Я пожал плечами:

— А я убью тебя если не скажешь. Хватит валять дурака.

Канеда закусил губу и прошипел:

— Бордель на набережной Гран Огюстен, Кентаро Муракай — владелец. Спроси его.

— Спрошу, — кивнул я.

— Теперь ты меня отпустишь?

— Нет, — сообщил я и нажал на спуск.

Мозги Канеды забрызгали безвкусную мозаику на стене, и я повернулся к несостоявшемуся камикадзе:

— Закрой уши.

Тот поспешно сделал как я сказал — это не требовалось мне для исключения его из псио, но зачем раскрывать карты? Посмотрев на валявшихся на полу телохранителей, я приказал:

— *Вытащите то, за чем тянулись.*

Мужчины, неловко корячась и стоная от боли сунули левые руки за пазухи и извлекли на свет разномастные пистолеты.

— *Приставьте стволы к вискам и сдавите спусковые крючки.*

Прогремело ещё четыре выстрела, после которых мозаика на стене приобрела совсем уж фантазмагоричный вид. Я повернулся к двери, снял псио с застывшего у стены Дайске и сказал:

— Отведи этого парня домой, и чтобы волос с его головы не упал. Тебе ясно?

— Да, — прохрипел тот, — Сделаю.

— Хорошо. Но учти, если ты меня обманешь...

— Не обману, — пацан замотал головой так яростно, что я испугался, как бы не оторвалась. — Я уже понял, как вы поступаете с теми, кто вам лжёт.

— Вот и умница. Надеюсь, выход найдёте сами, — сообщил я и покинул игровой зал

Я не стал выходить тем же путём, которым попал в здание — с проходной доносились голоса. Вместо этого, я достал танто и силой своего Истока срезал замок на двери в магазин, прошёл мимо пустых стеклянных полок с колбами лягушачьих лап, непонятными кореньями и прочей «восточной медициной» и вышел на бульвар. И удивлённо присвистнул.

«Какой приятный сюрприз».

У входа стоял хищный кабриолет, чёрный металл с начищенными медными вставками и довольно безвкусным рисунком на дверях, на котором переплелась пара алых бескрылых дракона. Гадать, кому именно принадлежал автомобиль не имело смысла — только безвременно завершивший свою карьеру Канеда мог быть настолько нагл, чтобы не только водить в таком районе дорогую машину без верха, но и оставлять её посреди улицы.

Я заглянул внутрь.

«Не удивлюсь, если ключи остались в замке... О и правда. Что ж... хозяину он больше не понадобится».

Открыв дверь, я сел на водительское место, отрегулировал под себя кресло (оказалось, что то ли Канеда был ниже, чем мне казалось, то ли предпочитал не водить авто сам), положил руки на руль и улыбнулся. В этом мире личный транспорт управлялся также, как и в моём. Что не могло не радовать, ибо изрядно облегчало задачу.

Из магазина раздавались голоса, кто-то явно обнаружил вскрытую дверь и скоро выйдет интересоваться, куда я делся. Что ж, значит пора ретироваться. Повернув ключ, я завёл двигатель, снял авто с ручного тормоза и помахав рукой мелькнувшим в помещении силуэтам, нажал педаль газа и авто с рёвом сорвалось с места. На пустой улице мне осталось лишь приноровиться к мощи стального коня, что конечно же не стало проблемой — освоиться с управлением японского разъездного катера, к примеру, было в своё время не в пример сложнее. Поэтому, когда впереди показалась набережная, в которую впадал бульвар, я уже вёл авто вполне уверенно. На стрелке разминулся с единственным встреченным автомобилем — фургоном, ехавшем в противоположном направлении — и вырулил на набережную. В лицо повеял свежий бриз и я, улыбнувшись промурлыкал:

— Вот так жить уже можно, — оставив одну руку на руле, я легко вписался в поворот и открыл бардачок, и грустно щёлкнул языком. При всей куче своих недостатков, Канеда судя по всему был некурящим. Ну что ж...

Я бросил в бардачок разряженный пистолет, захлопнул отсек и сосредоточился на дороге. Следующая цель моего визита находилась в куда менее захолустном районе.

* * *

У этого самого Кентаро запросы были неплохие. Ну или у всех якудза большое желание выставлять свой достаток всем на обозрение. Набережная Гран Огюстен была в самом центре Парижа, собственно, Лувр я только что миновал, он остался по левую руку, через широкую в этом месте Сену, а башни Нотр Дама уже виднелись за домами на стрелке островка впереди.

На встроенных в приборную панель кабриолета часах была половина первого. В такое

время прохожих на улицах не бывает слишком много, но центр такого города как Париж никогда не спит. По тротуару прогуливались не шибко трезвые люди, по двухполосной набережной катились автомобили не сильно хуже моего (но у большинства их владельцев со вкусом было явно лучше, чем у покойного любителя Маджонга, по крайней мере украшать дорогие машины безвкусными рисунками никто не спешил). Бордель я заметил издали — красные фонари над дверьми сложно пропустить. Вырулив к обочине, я припарковал машину и вышел, хлопнув за собой дверь. Одёргнул изрядно потрепанную событиями ночи куртку и направился к стеклянным дверям. Путь мне преградил чопорный мужчина в тёмном костюме и белых перчатках.

— Это частный клуб, месье, — хорошо поставленным голосом сообщил он.

— У меня дело к господину Кентаро Муракай, — ответил я.

— Месье с таким именем мне неизвестен.

Я изогнул бровь и прочитал видневшуюся в фойе вывеску на японском:

— Говорите, что вы, работая в «Доме трёх фонтанов Муракай» не знаете главу клана?

Холуй даже бровью не повёл, явно вышколен на совесть.

— Ваше знание языков внушает уважение, но повторяю — это частный клуб. И находится он вне ваших, — он окинул взглядом мою одежду, — финансовых возможностей.

Мне захотелось взять засранца и выбить им дверь, но я заметил, как в глубине фойе на ноги поднялись двое крепких мужчин в строгих чёрных костюмах и мне пришла в голову идея получше.

— Что ж, возможно, вы правы. Увидимся в следующий раз — когда у меня появится доступ в этот прекрасный дом, — сообщил я, направляясь к обратно к машине.

— Сомневаюсь в этом, месье, — холодно ответил холуй.

Я только хмыкнул, сел на за руль и завёл двигатель. Так, проехать вперёд к мосту Сен-Мишель, дальше по улице, мимо Дворца правосудия, потом налево, до моста Нёф, пересекая его и...

Кабриолет Канеды всё-таки был прекрасной машиной. Я нажал на газ и мотор взвыл, машина рванула с места сразу под восемьдесят вёрст в час. Надавив на клаксон, я вильнул, выкруивая через тротуар и полупустую встречу. Пешеходы шарахнулись в стороны, подстёгнутые псио-приказом, и я, виртуозно вписавшись между двумя машинами, зазор между которыми был не больше метра вылетел прямо к стеклянным дверям «клуба трёх фонтанов». Откуда-то слева выскочил метрдотель, заполошно замахал руками и бросился наперерез машине, будто надеясь её остановить в оставшуюся секунду. У него понятно не вышло бы, но размазаться об капот холуй вполне успел бы... Я бросил короткий приказ «Наземь!» и мужчина распластался по брусчатке, а нос кабриолета пролетел в метре перед ним. Всё-таки убивать этого дурака смысла не было никакого — он-то точно к якудзе не относился.

Глянцевый радиатор со звоном и скрежетом разбил двустворчатую дверь, а усиленные бронзой и медью крылья передних колёс снесли часть деревянного косяка. В Облаке разбитого стекла мой кабриолет влетел в просторное фойе, и правда подобный разъярённому дракону. Колёса завизжали по лакированного паркету, автомобиль слегка повело и нос влетел прямо в стойки консьержа, из-за которой в разные стороны брызнули давешние мордovorоты.

Ну, вот к ним я уже никаких симпатий не питал. Перепрыгнув через покорёженную дверь кабриолета, я выхватил нож. Клинок танто взвизгнул, удлиняясь согласно моей воле.

Первого мордоворота опрокинула волна режущей энергии, протащила по полу, разматывая кишки, и две половины бандита остановились у стены. Второй успел поднять короткорылый автоматический карабин, но больше ничего сделать не успел — молниеносным ударом, скорости которого позавидовал бы и мастер иай-до я направил в него вторую волну и лишил бандита головы. Удобный приём, жаль, что его нельзя применять нормально под открытым небом — велик риск зацепить случайных прохожих. Впрочем, мой Исток вообще не страдал излишней избирательностью, что есть то есть.

Я подошёл к обезглавленному труп, выдернул из скрюченных пальцев оружие, похлопал мордоворота по бокам, ища запасные магазины и распихал их по карманам куртки.

— Что вы творите? — раздался от снесённых дверей заполошный крик метрдотеля. Что характерно — на чистейшем русском.

— Бросаю вызов владельцу этого заведения, — ответил я, улыбнувшись — Рекомендую вам не путаться под ногами.

— Я милицию позову! — мужик явно со страху спутал всё на свете.

— Зови. Только сначала зеваяк снаружи удержи, — пожал я плечами и для убедительности выдал короткую очередь в потолок, — Понял?

Потрёпанный лакей аж присел со страха и едва выдавил:

— Да, понял.

— Прекрасно. Так... где тут лестница-то...

— Прямо по коридору и до конца, — раздалось за спиной.

Я развернулся и с улыбкой бросил:

— Мерси.

* * *

Я пробежал через высокую дверь и сразу услышал льющуюся со всех сторон музыку. Несомненно, вечер был в полном разгаре и несмотря на то, что первый этаж был несомненно техническим, сюда тоже доносились отголоски веселья. Здание было куда больше в глубину чем в ширину, что вообще характерно для старинных европейских домов, а потому коридор был действительно довольно длинным. По обе стороны его шли двери в подсобные помещения, но тамошние обитатели угрозы не представляли — повара, официанты и прочая обслуга. Я послал им псио-команду убираться из здания — не слишком сильную, ибо не было возможности контролировать панику, которая неизбежна если приказ будет слишком жёстким и абстрактным.

Поэтому лишь одна дверь открылась и из-за неё выглянула девушка-официантка в довольно фривольном, но всё-таки не откровенно эротическом функциональном наряде. Посмотрев на меня, она спросила:

— Что-то случилось, господин? — по-японски она говорила вполне сносно.

Я продемонстрировал нож и карабин, после чего заявил:

— Уборка мусора. Передайте остальным, что могут уходить по домам.

— Да, господин, непременно, — девушка кивнула и скрылась за дверью.

Она, несомненно, приняла меня за кого-то другого, может быть — за более важного представителя клана Адзума, может за кого-то из конкурентов. Мягкость приказа давала ей понять, что нужно делать, а как именно рационализировать источник приказа, мозг уже

решал сам. Именно поэтому я так любил эту странную манифестацию силы императорского дома — в отличие от моего собственного истока, псио был очень гибок в применении и хорошо затыкал прорехи в моём арсенале.

Правда, к сожалению, даже он не был всемогущ, в чём я быстро убедился. Широкая разветвлённая лестница в небольшом зале в конце коридора не была пустой — по ней, грохоча оружием, спускалась пятерка мужчин, одетых в одинаковые чёрные костюмы. Я почувствовал их загодя и сразу послал жёсткий псио-приказ, но толку от этого не было — вместо того, чтобы начать палить друг в друга, якудза лишь замедлились на мгновение, но пришли в себя ещё до того, как я успел прицелиться из трофейного карабина. Увы, защититься от псио не так уж сложно — собственно, обычная защита от ментального воздействия уже очень сильно снижает эффективность приказов. Другой вопрос, что наличие такой защиты означало, что клан Адзума знал как минимум о теоретической возможности попасть под такой удар, а это в свою очередь, подтверждало теорию, которая начала складываться в моей голове ещё в кабинете Алисы.

Но сейчас было не до теорий. Воспользовавшись секундной паузой, я оценил обстановку и бросился за мраморную тумбу у основания лестницы, на бегу выдав короткую очередь. Мощные каменные перила приняли на себя большую часть пуль, но две всё-таки заделали ближайшего к ним бандита, прошив его левое плечо и бицепс. С резким криком мужчина упал и покотился по лестнице, но остальные тут же ответили огнём, спрятавшись за перилами.

Моё положение было не самым удобным: бандиты стреляли с нескольких сторон, да к тому же из укрытий. Кроме того, нельзя было сбрасывать со счетов возможные подкрепления. К счастью, мой арсенал включал трюки посерьёзнее чем автоматический карабин. Выбросив из головы свист пуль и осыпавшую меня каменную крошку от попаданий по тумбе, я вытащил нож и присмотрелся к линиям структуры. Что хорошо в старых зданиях так это то, что эти линии куда проще видеть и различать, поэтому для поиска нужной мне потребовалась лишь пара секунд. Когда стрёкот стих, я открыл глаза и смотря не *а линию* сквозь тумбу, махнул ножом. Мгновение ничего не происходило, а потом лестничный пролёт, на котором заняли позицию якудза, разрезало на семь частей, и они с жутким грохотом обрушились на пол первого этажа под заполошные крики бандитов.

«Хорошо, что потолки в старых домах высокие,» — подумал я, поднимаясь во весь рост и перехватывая карабин.

Среди обломков шевелились лишь трое — одному бандиту неудачно упавший кусок массивных перил раздавил череп, а раненый в самом начале боя остался на пролёте и теперь истекал кровью. Прицелившись, я выдал каждому бандиту по два выстрела — в торс и в голову, после чего побежал вверх по уцелевшей правой ветви лестницы, на ходу пристрелив последнего якудзу.

Второй этаж оказался куда более богато обставлен, чем первый. Музыка лилась уже со всех сторон, стены были задрапированы тёмным бархатом, прекрасно гасившим приглушённый свет. За дверьми, усеявшими обе стороны коридора, раздавались те самые звуки, которые можно ожидать от борделя. Я задействовал псио, отдав бессмысленный приказ «не дышать две секунды», и отследил в каких комнатах он не подействовал на постояльцев. Таких оказалось четыре.

Я снова спрятал нож и пошёл по коридору. Первая дверь была пятой слева. Подойдя к панели из дорогого тёмного дерева, я вынул нож и провёл лезвием вдоль замка, после чего с

пинка вышиб створку. Внутри на круглом диване, задней частью переходящим в кровать, устроились двое — мужчина крупного телосложения и обнажённая девушка. Последняя устроилась на коленях между ног клиента. Мужик, которого она ублажала, был довольно колоритен — весь торс его украшала сложная татуировка в японском стиле — карпы, морды демонов и прочее. Что там было я разглядеть не успел, ибо мужик вскрикнул, открыл глаза и отвесил шлюхе затрещину.

— Я же сказал за зубами следить, дура! — он наконец заметил меня, — А ты ещё кто...

— Служба по работе с клиентами — ответил я и выстрелом разнёс ему череп, повёл дымящимся дулом в сторону девушки, замершей на полу, и добавил, — Уходи отсюда.

— Да, господин... конечно, — всхлипнула та и выбежала из комнаты, не заботясь даже о том, чтобы что-то накинуть.

Следующая комната была справа и там меня встретила целая группа. Стройную девушку с заплетённую в классический пучок гейши волосами сношали сразу трое молодцев: два явных южанина (возможно — итальянцы) и один парень из числа местных. Эти уже были в середине процесса, а не в начале, поэтому выбитую дверь проигнорировали. А когда всё же заметили, первой среагировала как раз девушка. Легко вывернувшись из крепкой хватки застывших мужчин, она закрылась одним из итальянцев как щитом, выдернула из волос шпильку и прижала к его горлу.

— Не дёргайся, гайдзин, — прошипела она, — А не то сынок босса...

Я не дал ей договорить, выпустив сынку мозги. Девушка замерла, забрызганная кровью, и я подскочил к ней, стукнул прикладом карабина в живот. Второй итальянец в это время бросился к сваленным в углу штанам, видимо за оружием, и короткая очередь прошла его спину.

— Не стреляйте! Мы не с ними, — воскликнул оставшийся в живых француз.

— Знаю. Хватай девку и наружу.

— Спасибо!

Мужчина подбежал к черноволосой красотке и начал что-то лопотать. Я же вышел из комнаты и направился дальше. Последние бандиты были в главном зале, за высокой двустворчатой дверью. Уже подходя к ней, я чувствовал, что народу за ней полно, но это и славно. Выбив створки, я ворвался внутрь и отдал псио-команду:

— *Лежать!*

Гости, официанты и несколько танцовщиц тут же бросились на пол. На ногах остались только два бандита в костюмах, стоявшие у дальней двери, бармен и одна из девушек, которую я принял за простую шлюху. Как ни странно, именно она отреагировала первой, выхватив откуда-то из скудного одеяния метательные иглы, и бросив в меня сразу четыре штуки. Бросила хорошо, кстати, если бы не уклонился, как минимум две попали бы в глаз.

Карабин рявкнул, и я срезал девчонку, а потом махнул левой рукой с зажатым танто. Силовая волна пересекла весь зал и срубила бандитов у стены. Бармен времени зря не терял, так что когда бандиты начали падать, забрызгивая всё вокруг кровью, начальник коктейлей выскочил из-за стойки с дробовиком в руке. Я прыгнул в сторону, спрятался за колонной и два залпа проделали дыру в двери и разбили вазу, оказавшуюся на пути моего движения. Я же высунулся, пользуясь завесой взметнувшейся пыли, и перехватив карабин двумя руками, дал очередь поверх барной стойки. Мужчину отбросило на полки с пойлом.

Осмотрев зал и послав проверочную команду, я вышел из-за колонны и крикнул, усиливая свой голос псио:

— *Отдых закончен, отправляйтесь по домам. Живо!*

На этот раз команда не была локальной — все гости на этаже и работники её слышали. Музыка затихла, мужчины и женщины, даже не стремясь привести себя в порядок бросились к развороченной двери, а я направился в противоположном направлении — туда, где застыли в нелепых позах разрубленные тела якудза.

Ещё один пролёт вверх, ещё два бандита перед дверьми. Я снял обоих одной очередью и выбросил автомат — больше он мне не пригодится. Замер у двери и прислушался, активировав псио. Читать мысли эта способность не позволяла, но зато при достаточной тренировке давала возможность улавливать наличие источников этих мыслей. Источник был только один, и судя по собранности и силе, ждал меня именно тот, за кем я пришёл.

Я повернул ручку и вошёл. Комната, обставленная в японском стиле, бумажные перегородки странно смотрятся на фоне высоких французских потолков и обширных, почти во всю стену окон. Впрочем, что-то есть в этом стиле. К тому же обнаружили «три фонтана» — бамбуковая инсталляция в углу с журчанием сливала воду в небольшой прудик-бассейн, где плавали крупные радужные карпы.

— Вы быстро добрались, — сообщил мне некто на весьма хорошем русском.

— Пришлось разбираться с вашими людьми, — ответил я на японском, пожав плечами.

— О? И как они вам? — хозяин кабинета тоже перешёл на японский, но пока не показывался на глаза.

Я снова пожал плечами, подошёл к ближайшему креслу и опустился на мягкую кожу, закинул ногу за ногу и с хрустом размял шею. «Слава богу, любовь к далёкой родине у Кентаро не распространялась не мебель. Сидеть на коленях как якут в чуме было бы совсем странно».

— Наверное эти ваши ребята способны изображать угрозу и гонять уличную шпану, но, если честно — даже тот несчастный дурак, которого вы, господин Муракай, на меня натравили на площади представлял куда больше угрозы.

Хозяин молчал несколько секунд, а потом осторожно произнёс:

— Произошла ошибка, господин Вронский, мы не нападали лично на вас.

— Но моё имя вам при этом известно, — подняв бровь парировал я.

— В этом нет ничего удивительного — за один день вы сделали достаточно, чтобы обратить на себя моё внимание, — На этот раз голос раздался не отовсюду, а из-за бумажной перегородки напротив стены, у которой я сидел.

Панель отодвинулась и показался сам хозяин борделя. Кентаро Муракай обладал на удивление неприметной внешностью — невысокий японец средних лет (тех азиатских «средних лет» когда обладателю может быть и тридцать, и шестьдесят), на носу — очки в роговой оправе, одет в костюм, который больше подошёл бы клерку: светлая рубашка, твидовые жилет и штаны бухгалтерские нарукавники, тёмно-красный галстук-бабочка.

Слегка прихрамывая на левую ногу, глава клана Адзума подошёл к столу и поклонился. Я ответил коротким кивком.

— Позвольте? — мужчина указал на второе кресло.

«Забавно, что он понимает своё место в иерархии. Только вот вопрос: собственно, откуда? Да у самураев есть своя аристократия, но в жизни не поверю, что там такие же правила поведения какие я запомнил по поведению своих знакомцев в родной Империи.»

— Да, — я махнул рукой на стул, уверенный, что ни единая лишняя мысль на лице не отразилась.

Кентаро сел, снял очки и протёр идеально чистые линзы извлечённым из нагрудного кармана жилета платочком, и вздохнул:

— Господин Вронский, произошло огромное недоразумение. Ни я, ни мои наниматели не ставили себе цель напасть на особу благородных кровей, тем более на князя, — из-за специфики языка, он произнёс мой титул как «даймё», я же не стал поправлять — Мы вообще не знали, что вы окажетесь на площади, а дальше произошла цепочка нелепых случайностей. Нанятый моим подчинённым исполнитель запаниковал, услышав родную речь... Кстати, должен заметить, вы прекрасно говорите на японском. Видимо дурак решил, что вы из полицейских служб и собираетесь его задержать, поэтому призвал силу Истока раньше запланированного. Потом появились агенты охраны и действие уже невозможно стало контролировать. Но я готов понести всю ответственность за произошедшее. В разумных пределах.

«Ну или он испугался, что, если не сделает того, что требовали, его семью порежут на лоскуты,» — подумал я, но вслух сказал иное.

— Кентаро-кун, — я специально использовал суффикс, которые в данных обстоятельствах звучал уничижительно, — вы, кажется, не понимаете глубины своей ошибки. Человек, работающий на вашу организацию напал на того, кто стоит неизмеримо выше. То, что я разговариваю сейчас с вами — это не демонстрация готовности к компромиссу или приглашение к переговорам, это требование капитуляции. Вы напали на князя Российской Империи, более того — на капитана гвардии её Императорского Величества. Меня не интересует, кто и где ошибся — если я оставлю такую дерзость без ответа, если утрюсь... — я пожал плечами, — Это будет тоже самое, как если бы ваш сын неба спокойно смотрел на то, как я при помощи Кусанаги-но цуруги режу колбасу на Ято-но кагами. Это очень плохой прецедент, и я не собираюсь его так оставлять.

— Позвольте, но... Российской Империи? Не сочтите за дерзость, но разве она не...

Я предостерегающе воздел палец.

— Осторожнее выбираете следующие слова, Кентаро-кун.

Японец наклонил голову:

— Прошу прощения, господин князь. Я спрошу иначе — разве Российские дворяне не присягнули новой безбожной власти?

— Как вы сами думаете?

— Ну... Судя по всему — нет?

— Правильно. Но только дурак будет выставлять свою силу напоказ.

— Позвольте, но разве вы последние сутки не делали именно это? Выставляли свою силу напоказ, я имею в виду.

— Нет, я просто вырезал некоторое количество бандитов, оскорбивших мою честь и нарушивших мои планы. Думаю, такое с вами случалось не раз, учитывая ваше... положение. Не так ли? Возможно, с моими французскими или британскими кузенами?

— Увы, досадные инциденты действительно происходили, как с упомянутыми вами фракциями, так и с их тевтонскими братьями, — «немецкая аристократия жива? Интересно,» — но их удавалось решить миром. В конце концов, в текущей геополитической ситуации тайна личности важна куда больше, чем удовлетворение мелких обид.

— Возможно вы правы. Но знаете, что лучше всего помогает сохранить тайну?

Мужчина вежливо улыбнулся:

— Я бы предположил, что взаимный интерес, но похоже у вас на уме иное.

— Именно так. Мы оставались в тени так долго не потому, что заключали компромиссы с теми, кто неизмеримо нас ниже, — я ответил на улыбку, — а потому что устраняли тех,

кто узнал о нашей тайне. В конце концов, только мертвец может надёжно хранить тайну. Думаю, вы знаете это лучше многих.

— Что ж... тут вы правы, — Кентаро вздохнул и поднялся на ноги, — Тогда у нас только один путь.

— Да, только один, — кивнул я.

В отличие от перепуганного и в ответ накрутившего себя самоубийцы на площади, Кентаро трансформировался стремительно, без криков и не испуская волну отбрасывающей силы. Ему это было просто не нужно. Мгновение — и передо мной уже не человек, а демон с длинной широкой катаной в лапе. Уродливое лицо, изогнутые рога, тёмно-красная кожа, губы перекошены в безумной улыбке, изо рта торчат кривые жёлтые зубы. Прямо «Они» с картин... Впрочем, те картины с носителей этого истока и рисовали. Гигантизмом данная форма тоже не страдала, и Кентаро, раздавшись вширь, почти не изменил роста. Знать бы только, приобрёл ли он в скорости и проворстве.

«Что ж, проверим опытным путём.»

Я рванул с места почти так же стремительно, как оябун трансформировался. Мгновение, и я уже был на ногах, прыгнул вперёд, выхватил кортик и, удлинив лезвие, направил меч прямым в грудь демона. Не вышло. Кентаро успел отбить мою атаку своим клинком и тут же контратаковал. Я ушёл в сторону и катана демона рассекла пол в том месте, где я был полсекунды назад. Я воспользовался неизбежной заминкой, пока враг поднимал оружие, и контратаковал в свою очередь глубоким выпадом. Демон успел уклониться, но клинок всё же прочертил алую полосу по груди и плечу монстра.

«Если бы это была дуэль до первой крови из торса, я бы уже мог идти домой,» — пришла в голову дурацкая мысль.

Я посмотрел в немигающие глаза оппонента, тоже не торопившегося разрывать мимолётную паузу, усмехнулся и снова перешёл в атаку, почти одновременно с рванувшимся вперёд демоном. Мы принялись кружиться по комнате, обмениваясь стремительными ударами. При каждом столкновении клинков подпрыгивала посуда в шкафах, а оказавшаяся на пути удара мебель и тем более — декоративные стены-разделители из плотной бумаги и реек наши клинки не замечали, со звоном исполняя танец смерти.

Когда мы проносились ураганом где-то между гостиной и кухней я наконец смог дать оценку мастерству своего врага. Оценка была высокой: Кентаро оказался хорош. По-настоящему хорош — он предвидел мои выпады и думал на шаг вперёд, атакуя так чтобы загнать меня в ловушку. Он не допускал глупых ошибок, не давал волю гневу и не недооценивал врага.

К несчастью для него, я был лучше, и думал на несколько шагов вперёд, ловко избегая его ловушек и ставя собственные, в которые демон почти всегда попадался. К несчастью для меня, демоническая форма Кентаро позволяла ему нивелировать разницу в мастерстве за счёт чистой скорости, грубой силы, и регенерации. Что толку, что я переиграл демона в фехтовании дважды подряд и рассёк ему сначала бедро, а затем левый бок, ловко уходя от заранее предвиденных ударов, которые я же и заставил его нанести, грамотно выбирая движения и позицию? Раны на демоне тут же зарастали.

А вот у меня такой роскоши как регенерация не было, так что приходилось вести себя более осторожно, чем я привык: тяжёлый изогнутый клинок врага разрубил бы меня так же легко, как и деревянные стеллажи. Такой стиль мешал захватить в бою тотальное преимущество, всё-таки сложно выиграть, когда не можешь надёжно удерживать

инициативу. А время всё-таки играло скорее на стороне японца.

Кентаро-таки подловил меня грубым, но действенным отводом клинка. Будь передо мной обычный человек, я бы не позволил вражьему мечу отбросить мой так далеко вверх, но сверхчеловеческая сила японца вынудила меня поступить именно так, открываясь для ответного удара врага. Звенящий клинок полетел над полом серебристой полосой, прямо к моему незащищённому торсу...

Но всё-таки разница в уровне мастерства фехтования меня спасла. Вывернув руку и тело, я подставил под удар сильную часть клинка, остановив полёт вражьего оружия. И всё равно сила демона была воистину столь велика, что этот удар, хоть я его и заблокировал, отправил меня в полёт. Я шмякнулся спиной о тонкую стену, пробил её, поцарапав щёку расколовшейся рейкой, и вывалился в один из залов для клиентов. Кувыркнулся, вскочил, пытаюсь сориентироваться и мне тут же пришлось отбивать летящий в лицо клинок.

Отведя удар в сторону, я отступил и контратаковал градом уколов, заставив Кентаро защищаться и удерживать дистанцию. В конце концов, если я пробью ему сердце или лёгкие, даже с регенерацией ему какое-то время будет несладко, а за это время я вполне успею завершить начатое. Всё-таки его форма из разряда более человеческих, и регенерация у него не такая бешеная, как даже у того же террориста с площади. Зато он куда быстрее и может трансформироваться обратно...

Мы разносили в клочья уже вторую комнату, кромсая на куски мебель, пробивая тонкие хлипкие стены и круша пол. Всех, кто мог помешать или попасться под руку, я давно выгнал из здания при помощи псио, так что о невинных жертвах можно было не волноваться. Что же до состояния борделя... Вряд ли кто-то предъявит мне счёт за мебель, а если предъявит, ему же хуже.

И вот в очередной раз я был вынужден подставиться, приняв атаку на жесткий блок. Снова пролетев через стенку, я очутился в небольшой комнатке, где мы с Кентаро опять сцепились в бешеном темпе фехтовального поединка. Здесь я достал демона четыре раза, и с удовлетворением отметил, что последняя рана зажила на нём куда медленнее первой. А потом... Да, потом я снова пролетел через стенку. Чего эта сволочь добивается? У меня, конечно, исток не увеличивает прочность тела, но я всё же маг, а не обычный человек, и через эти хлипкие японские стенки могу летать ещё долго, прежде чем получу какой-то ощутимый урон.

Наш с Кентаро фехтовальный танец продолжился, и я отметил, что мы оба ощутимо замедлились.

«Устаёт, зараза. Вот только и я устаю.»

Замысел противника я понял, когда после очередного пролёта сквозь стену очутился на улице, во дворе здания. Падение с высоты было мягко говоря неприятным, но не больше. Кентаро выскочил следом за мной, обрушив град ударов. Получив тычок в бедро, разрез лица, и ещё один тычок в плечо, демон с рыком отскочил, и занеся катану над головой, ударил по воздуху. А в мою сторону прокатилась огненная волна, сорвавшаяся с клинка.

От неожиданности я еле успел уклониться. Ну... пости успел, если точнее. Левую руку и щёку мне обожгло. Зараза. И что это такое? Второй исток? Артефакт? Впрочем, неважно. Важно то, что Кентаро, похоже, боялся спалить здание, а здесь, во дворе, у него таких опасений нет.

Я ушёл от второй огненной волны резким рывком, и оказавшись рядом с Кентаро, контратаковал прежде, чем демон успел снова вызвать огненную бурю. Теперь было

сложнее. Окутанное пламенем лезвие обжигало мне руки и лицо, огонь слепил и дезориентировал. Я чуть не пропустил несколько ударов, и вынужден был отступить. Но Кентаро не дал мне такой роскоши, как передышка. Он напирал, обрушивая на меня удар за ударом и вынуждая уйти в глухую оборону.

И после очередного блока мой танто, нагретый пламенем чужого оружия, вдруг треснул. А следующий удар расколот мое оружие на куски.

Кентаро остановился и отступил на шаг.

— Это конец, господин Вронский, — сказал Кентаро, — Ваш исток теперь бесполезен.

Речь демона из-за его трансформации походила на смесь шипения змеи с рычаньем собаки.

— Ты так думаешь, Кентаро-кун? — я надеялся, что мой голос звучит получше, чем у демона.

— Вы потеряли оружие. Без оружия вы не можете использовать исток меча. Думаю, вы понимаете, что мне теперь не составит труда вас убить, но я предлагаю иное, — продолжал демон.

— Место в вашей организации, так? — хмыкнул я.

— Вы очень проникательны, господин Вронский, — кивнул Кентаро.

— Извини, но я не работаю с мразями, и уж тем более на них, — сказал я.

— Ну что ж...

Кентаро атаковал. Я, не имея оружия, отпрыгнул в сторону. Где-то тут была... Да, вот она! Я сделал сальто и подхватил с земли обломок рейки, недавно бывшей частью бумажного разделителя комнаты в кабинете оябуна, с неё даже обгоревший кусок бумаги свисал. Большого мне на самом деле и не нужно.

— Издеваешься? — прошипел демон и атаковал.

Его выражение лица сильно изменилось, когда тоненькая палочка в моих руках с лёгкостью отбила удар его катаны, а затем на противоходе рассекла широкую грудную клетку.

— Понимаешь, Кентаро-кун, в руках настоящего мастера что угодно может быть мечом, — усмехнулся я.

— Пора кончать с играми, — прохрипел демон.

Похоже, я всё-таки задел его лёгкое. Вот только мне от этого не легче. Кентаро отпрыгнул, и занёс катану для широкого удара. Судя по тому, как усилилось пламя на лезвии, он собирается обрушить на меня мощную площадную атаку, от которой просто некуда уклоняться, потому что она накроет весь двор. Ну что ж. Пора и мне разыграть свой козырь.

Я закрыл глаза. Я почувствовал. Я увидел линию. И разрезал.

Пламенная волна, рассеченная на две части, прошла по бокам от меня. Кентаро зашипел и развалился на две аккуратные половинки, разрезанный вертикально по середине туловища. Следом за Кентаро развалился фасад борделя, несколько припаркованных с другой стороны автомобилей, фонарный столб и дом напротив.

«М-да, кажется, Алиса всё же всыплет мне за побочный ущерб,» — подумал я и наконец позволил себе потерять сознание от давно накопившегося в бою перенапряжения.

Сложно сказать, сколько времени я провалялся в состоянии между сном и комой. Бой видимо измотал меня очень сильно, поскольку того, как я добирался до постели вспомнить не выходило. Кстати, а я сам добирался? Вероятно нет, поскольку первое, что я увидел, открыв глаза, было лицо Алисы. Девушка спала, свернувшись калачиком в кресле. Светлые волосы рассыпались по лицу, на коленях лежала выскользнувшая из тонких пальцев книга.

Не желая случайно разбудить блондинку, я медленно и осторожно встал с дивана, на котором как выяснилось лежал. Хорошо хоть матрас не скрипнул. В висках застучала кровь — м-да, и правда похоже перестарался. Стараясь не шуметь, я обыскал комнату, нашёл свою рубашку. Комната, кстати, была явно не в той квартире, которую выделила мне Алиса. И вроде бы даже не в том здании. Я выглянул в окно — и да, точно, дом стоял совершенно в ином месте, судя по положению башни Эйфеля, до Бастилии отсюда было километров так двадцать.

Впрочем, ванную я нашёл очень быстро и приведя себя в порядок, отправился на кухню, с которой как раз раздавался шум воды.

— Доброе утро, герой дня! — поприветствовала меня Арлетт.

Темноволосая парижанка выглядела совсем иначе, чем я её запомнил — густые волосы заплетены в косичку и спрятаны под косынку, поверх простого домашнего платья — передник с вышитыми цветочками. А самое главное, она стояла у плиты и колдовала над чем-то источавшим вполне приятный аромат. Почему-то ни версия Арлетт из моего мира, ни грозная полицейская из этого не ассоциировались у меня с образом домохозяйки.

Впрочем, дворянину не пристало таращиться на даму, так что я просто подошёл окну и вежливо поприветствовал хозяйку.

— И вам того же, мадемуазель. А где мы? И как сюда попали?

Почувствовав, как закружилась голова я опёрся на подоконник. Арлетт заметила мою слабость и тут же отодвинула стул, указала на него:

— Не стойте, Святослав. Вы похоже ещё не восстановили силы.

Я не хотел спорить и позволил девушке себя усадить. Посмотрел на неё снизу вверх и спросил:

— А сигареты не найдётся?

— Курить вредно, господин князь, — заявила брюнетка и вернулась к плите, — Сейчас завтрак будет готов.

— Спасибо. Но я и сам могу себе еду приготовить.

Парижанка серьёзно кивнула и заметила:

— Может быть и сможете. А может быть потеряете сознание и упадёте лицом прямо в сковородку с борщом, или что вы там предпочитаете на завтрак, господа аристократы?

Я хотел было поспорить, но, к сожалению, голова продолжала кружиться, да и слабость толком не уходила. Поэтому я махнул рукой и перестал строить из себя образец здоровья.

— Яичницу.

— О, тогда вам повезло, князь, — заметила Арлетт, поворачиваясь.

На столе передо мной оказалась тарелка с омлетом, кувшин с компотом и стакан. Сама парижанка сняла передник, повесила его на крючок рядом с раковиной и села напротив. Себе она еду не делала.

— Вы есть не будете?

— Нет, я из дома и успела позавтракать, — она прищурилась, — хотя можно ли это назвать завтраком — большой вопрос. Сейчас уже полпервого, знаете ли.

— Ох. Получается я провалялся в отключке полдня?

— Ну... — Девушка отвела взгляд.

— Не говорите мне, что тридцать часов.

— Нет, всё не так плохо. Просто вы отключились до того, как мы принесли вас сюда, Святослав.

Это многое объясняло. Но только как две довольно хрупкие девушки тащили меня через весь город? Видимо мысли отразились на лице, потому что Арлетт хихикнула.

— Готова поспорить, вы думаете о том, как мы вас сюда привели.

— Такая мысль посетила мою голову, да.

— Да ничего странного — это Париж. Компания из мужчины и двух девушек, нетрезвой походкой идущие куда-то не вызывает ни у кого вопросов. А Эли сильнее, чем кажется на первый взгляд, так что создавать видимость того, что вы идёте сами, лишь опираясь на её плечо, было ей несложно.

— И никто не задал вопросов?

— Нет, потому что рядом была я, — улыбнулась Арлетт, — И возможно, я забыла застегнуть пару верхних пуговиц на платье. Как-то так.

Она расстегнула маленькие пуговицы и приличный вырез тут же превратился в довольно фривольный, учитывая, что лифчик девушка не надела. Я хмыкнул, покачал головой и взялся за вилку.

— Да, я, кажется, понимаю почему никто особо не приглядывался ко мне. Но стоило ли идти на такие сложности? Думаю, я бы мог спокойно восстановиться и в той помойке, где оказался, а красть-то всё равно нечего.

— Может и могли бы, но... — Арлетт пожала плечами, отчего грудь её, не особо поддерживаемая полурасстёгнутым платьем, колыхнулась очень призывно, — Алиса места себе не находила. Она явно беспокоилась, что взвалила на вас одного слишком много работы и то, что вы с ней справились, но при этом сильно пострадали её очень беспокоило.

Девушка говорила вполне искренне, и я на секунду удивился такой внезапной попытке защитить подругу, а потом понял, почему парижанка посчитала необходимым такую попытку предпринять.

— Арлетт, я знаю, что вы слышали, но учтите — то, что я говорил бандитам не является ни в коей мере отражением того, как себя вёл или планировал вести я сам. Я играл роль, не более того.

— Но играли её очень убедительно. Настолько, что сторонний наблюдатель мог решить, что не так уж сильно озвученные вами идеи далеки от ваших собственных взглядов. Все эти тайные круги аристократов, из-за кулис правящие политикой и то, как эти аристократы себя ведут...

Я светски улыбнулся и заявил:

— А вот это действительно было правдой. И когда капитан к нам присоединится, я объясню почему.

— Тогда можете начинать, — раздался от двери голос блондинки, — После того как вы, Святослав, позавтракаете.

Я повернул голову и увидел Алису. Девушка посмотрела на меня, перевела взгляд на

Арлетт, задержавшись на расстёгнутом сверх меры ворота и та поспешила застегнуться обратно.

— Я присоединюсь к вам через пять минут. Арлетт, дай человеку поесть спокойно, — заявила девушка и скрылась в ванной.

Инспектор шутливо отдала честь и рявкнула:

— Так точно, капитан!

— К пустой голове руку не прикладывай, — раздалось из ванной.

Арлетт, очевидно невидимая для собеседницы, удивлённо вскинула брови, и я хмыкнул, отвечая на написанный на её лице вопрос «Но как?»

— Очевидно, капитан вас знает не хуже, чем вы знаете её.

* * *

Поел я быстро, благо и омлет у парижанки вышел на славу, и проголодался я изрядно. Как по часам, через пять минут на кухне появилась Алиса. В отличие от своей подруги, молодая капитан даже на гражданке предпочитала платьям брюки и рубашки, причём кроем они не сильно отличались от её рабочего мундира. Я вдруг понял, что платье, в котором девушка задремала было скорее всего частью маскировки, к которой она прибегла чтобы вытащить меня из той дыры, в которой я оказался после боя с главой Адзума-Гуми. На мгновение меня кольнула досада, что я не успел оценить эту маскировку по достоинству, но отрефлексировать эту мысль не было времени.

Алиса села за стол и начала разговор с очень необычной для сотрудника спецслужб вещи.

— Товарищ Вронский, прежде всего я хотела бы извиниться за то, что втянула вас в наши собственные проблемы, понимая, что вы не являетесь гражданином моей страны. И потому вдвойне хочется поблагодарить вас за качество проведённой операции, — девушка положил на стол бумажку со списком пострадавших, — Ни одной невинной жертвы, все убитые — из числа людей, которых я указала как совершивших очень тяжкие преступления, понести наказания за которые им при текущей системе правосудия центральной Франции не суждено. Скажу честно — сама бы я не смогла сработать даже вполовину так чисто. И именно поэтому я считаю себя виноватой в том, что недооценила противника и предоставила вам неполные данные, из-за которых вы и оказались иссушены. Если вы решите прекратить сотрудничество с нашей службой, обещаю вам, что вам предоставят паспорт гражданина любой страны социалистического лагеря и посодействуют возвращению в ваш мир, хотя успеха в этой операции я обещать вам не могу.

— Несмотря на мои успехи, вы готовы отказаться от моей помощи?

— Не поймите меня неправильно — я хотела бы, чтобы вы и дальше помогали, но учитывая произошедшее вчера, я не могу вас об этом просить. Мы не знали, что у адзума-гуми есть маги вашего уровня, неизвестно нам было и об угрозе, которую представлял Кентаро Муракай. И в конечном итоге пострадали из-за этого вы, а не я.

Голос девушки был предельно серьёзен, а в глазах горела решимость, которую я не мог не уважать. Она прекрасно понимала, какие возможности даёт ей такой инструмент как я, хотя бы оценивая достигнутые за одну ночь результаты моей работы, но готова была отказаться от моих услуг просто потому, что считала себя виноватой в плохом исполнении

своего долга?

«Она ведь и правда себя винит в произошедшем, тут Арлетт была абсолютно права,» — понял я вдруг, — «При этом чудовищно принижает свой вклад в операцию. Без её информации и поддержки, хрен бы всё прошло так гладко — одного хорошего стрелка с ружьём на крыше могло бы хватить за глаза чтобы если не убить меня, то как минимум усложнить мне задачу».

Именно это осознание и подтолкнуло меня к тому, что я делать не привык — а именно, раскрыть карты. Откинувшись на спинку стула, отчего тот скрипнул, я погладил лоб кончиками пальцев и произнёс:

— Алиса, вам не стоит себя винить. Я знал риск, на который иду, более того — предполагал, с чем могу столкнуться. Во главе группировки должен был стоять сильный маг. Просто потому, что иначе не было бы самой группировки. И по аналогии, это верно для более крупных образований, таких как города и государства в целом. Именно поэтому я и представился Муракаю как князь Вронский на службе российской императрицы — потому что наличие этой скрытой императрицы полностью укладывалось в его картину мира.

Девушка нахмурилась.

— Кем бы не был оябун Муракай, но он не был идиотом. Поверить в тайных российских дворян, управляющих всем из-за кулис... Нет, это даже не теории заговора, это полная глупость и легковерие, а Муракай ничем таким не отличался.

— Согласен. Он бы мог верить в такие идеи только если бы имел опыт общения с другими затаившимися аристократами, — кивнул я.

— Вы имеете в виду...

— Именно. Я не успел толком разобраться в местной геополитике, но только Япония или как её там, Ниппонская Империя, Объединённые Сёгунаты — неважно, по сути страна сохранила феодальный строй с императором во главе. Со своим колоритом, конечно, но это детали. Европейские же государства развалились де-юре или де-факто на более мелкие части. Франция вроде как остаётся цельным государством, но при этом Прованс, по сути, живёт в состоянии открытого восстания, Нормандия под управлением ультранационалистической партии. Италия де-факто развалилась на отдельные города под номинальным правлением Ватикана. Вместо Великобритании теперь Нортумбрия, Уэссекс, Уэльс, Шотландия и Ирландия. Все грызутся между собой, но при этом при своей подавляющей мощи СССР остановил свой поход на Германии. Почему так?

Алиса сложила руки на груди и подняла бровь.

— Ваша теория состоит в том, что ими правят из-за кулис аристократы?

— Именно так.

Блондинка покачала головой. На её лице застыла маска недоверия. Арлетт, во время нашего разговора хлопотавшая у плиты, вернулась к столу с чайником и тарелкой печенья.

— Не фыркай, Эли, лучше позавтракай. Ты всегда злая с утра.

— Я не злая! — заявила капитан и тут же покраснела, — ладно, хорошо. Поем.

Француженка победно улыбнулась и поставила перед ней дымящуюся чашку.

— Три ложки сахара и ложка мёда, как ты любишь.

Блондинка покраснела ещё сильнее и отвела взгляд. Она что, стесняется своей любви к сладкому?

— Это просто силы восстановить. Быстрые углеводы, вам бы тоже стоило пару печений съесть.

— Спасибо, я уже позавтракал, — улыбнулся я, — Но от чая не откажусь. Без сахара.

Парижанка поставила передо мной пустую чашку, а потом водрузила на стол чайник и сахарницу.

— Сделайте сами как вам нравится.

Некоторое время капитан пила чай с печеньем. Я же налил себе заварки и лениво прихлёбывал, задаваясь вопросом о том, какие всё-таки отношения связывают капитана русской разведки и французскую полицейскую, что вторая не только знает, какой чай первая любит пить по утрам, но и явно довольна своей ролью «любящей жены».

Чайник, впрочем, опустел довольно быстро, как и тарелка со сладостями. Алиса вытерла губы салфеткой и произнесла:

— Хорошо, давайте попробуем предположить, что вы правы и аристократические рода действительно существуют и правят из теней. Почему же они тогда не объединятся в одно государство и не дадут отпор «Советской экспансии на запад»?

— А оно им надо? — вопросом ответил я.

— Ну, история учит нас, что крупные государства, концентрирующие больше ресурсов в руках многократно успешнее мелких.

— Да, но я говорю не про государства — я говорю про аристократов. Зачем им нужно объединение? У себя они маленькие корольки, а в условной Французской империи стали бы просто аристократами, подчинёнными общему центру.

— Но ведь до этого они были подчинены этому центру! Почему же перестали?

— Тут я отвечу вопросом — мой исток вы видели, — я поднял столовый нож, которым резал омлет и мысленной командой удлинил его до меча, отменил увеличение и положил железку на стол, — Правильно?

— Ну да.

— Тогда что это такое? — послал я девушкам псио-вопрос.

Те переглянулись и удивлённо вскинули брови.

— Не знаю, — сказала Алиса, — Но похоже на нашу спецсвязь.

— Это — Малый Исток Императорского Дома Романовых. Присягнув на верности короне Российской Империи, я получил малую часть силы императора и с этим вместе начал понимать идеи, которые ими движут. Поэтому ни я, ни любой другой дворянин не пытались восставать против императорской власти. Только таким образом и можно объединить магов-аристократов. Они не слушаются равных, они слушаются тех, кто сильнее их. Императоры Империи, короли Европы и прочие отличались от всех остальных магов тем, что изначально имели два истока — большой и малый. И давая дворянам доступ к малому, привлекали их на свою сторону как дополнительной силой, так и объединяющей идеей.

Алиса задумалась, но внезапно заговорила Арлетт. Отставив чашку, брюнетка спросила:

— Вы говорили, что исток — это способ мышления, правильно?

— Да.

— А что будет, если способ мышления дворянина противоречит тому, как думает сюзерен?

— Тогда он либо уйдёт к другому сюзерену, либо его уничтожат, — пожал я плечами, — Ну то есть произойдёт обычный феодальный конфликт, как в старые-добрые времена.

Арлетт замолчала, задумавшись, и вновь заговорила Алиса.

— Хорошо, допустим вы правы насчёт причин распада. Но почему вы решили что

сейчас дворянские семьи остались в строю?

— Потому что политическая карта уж слишком характерна, — хмыкнул я, — Мне хватило новостей чтобы понять, что отдельные прочные образования на европейской карте уж слишком... монолитны. А потом я услышал про Розенкройцев, посмотрел на символику и нашёл слишком много сходств с теми ребятами, которых оставил в прежнем мире. А дальше уже потребовалось совсем немного времени, чтобы дойти до остального. По какой-то причине дворяне не могут выйти в открытую — возможно из-за этих игр в народовластие, не знаю. В конце концов, власть мага подобна власти человека с пушкой Гатлинга на вершине башни острова туземцев. Да, он может в любой момент времени расстрелять всё население, но вот править им, решать проблемы людей, которые сильно отстают в развитии — оно ему надо? Особенно если ваша страна предлагает такую отличную альтернативу откровенно застоявшемуся строю.

Алиса вскинула брови в неприкрытом удивлении:

— Не ожидала услышать таких слов от дворянина, князь Вронский.

— Мой титул не делает меня слепым, капитан, — пожал я в ответ плечами, — Я прекрасно вижу, что то, что вы здесь делаете пошло на пользу как минимум парижанам. В моём мире Париж — это... нет, не деревня конечно, но весьма захолустное место по сравнению со столицами Империи.

— И поэтому вы так легко вызвались нам помогать?

Я моргнул. А вот это был очень хороший вопрос. Нет, конечно, Алиса обещала поискать возможности вернуть меня назад и судя по её словам о других гостях, имела некоторые основания для своей уверенности, но... Действительно, почему я согласился? Почему просто не ушёл и не сделал тоже самое, но без её участия: я мог подмять Адзума-гуми, стать во главе, выйти на аристократов и уже тем или иным способом найти способ вернуться домой.

— Честно говоря, на этот вопрос ответить не могу, — вздохнул я, поняв, что пауза затянулась, — Наверное мне близки идеалы вашей странной новой России? Или может меня расположила к себе смелый офицер разведки, бросающаяся на демона с пистолетом?

Я подмигнул, и девушка закатила глаза и недовольно пробурчала:

— Ну да, не стоило ожидать прямого ответа, — она потёрла виски пальцами и продолжила нормальным голосом, — Ладно, этими разговорами мы ничего не достигнем, надо приступать ко второй части плана. Мои люди уже прошерстили убежище Алых драконов, а ещё пару агентов я отправила по притонам Адзума-гуми. Думаю, они быстро найдут что-то интересное, благо головы обоим змеям вы отрезали.

— Хорошо, — я встал, — Когда отправляемся?

— Я — она произнесла это слово с нажимом, — отправляюсь прямо сейчас, а вы, Святослав, сегодня восстанавливаете силы. Арлетт?

— Не волнуйся, я его не выпущу, — улыбнулась брюнетка, — пусть спит.

— При всём уважении, капитан, я считаю, что должен...

— Нет не должны, товарищ Вронский. От каждого по способностям — каждому по потребностям. Ваши способности не помогут мне в следственных мероприятиях, в то время как ваши потребности состоят в том, чтобы восстановить силы. Потому что, если я действительно найду нитку к вашим аристократам, лемурийцам или ещё кому, мне, несомненно, потребуется ваша помощь для их задержания.

— Значит вы верите в мою теорию?

— Я — капитан КГБ. Мне не надо верить, мне надо предотвращать, и, если появляется

угроза появления дьявола, мне нужно налаживать производство крестов и святой воды, что бы я не думала по поводу религии, — девушка встала и протянула мне руку, — И ещё раз спасибо за вашу помощь, Святослав.

Я встал и пожал руку по местному обычаю, подавив импульс поцеловать тыльную сторону ладони девушки. Это её наверняка смутит.

— Рад был помочь, Алиса. И зовите меня Стас, раз уж начали.

— Хорошо, Стас. Вернусь вечером, отдыхайте.

Сначала я хотел было пройтись по окрестностям, чтобы понять, куда именно на этот раз занесло, но Арлетт мягко, но решительно пресекла мои попытки. Наверное, я мог бы так или иначе выбраться наружу — в конце концов, даже этаж был всего лишь третий, но французенка привела очень хороший аргумент.

— Много людей видело вас на улице в компании двух девиц. Если сейчас вы выскочите в одиночестве, появятся вопросы и к ним, и к вам, — заявила девушка, нахмутив брови, — Люди в этом районе любопытны.

Спорить с этим не получалось — в конце концов, собственных соседей Арлетт явно знала лучше меня.

— Что это вообще за место? Мы же не в той квартире, которую мне выделил комитет.

— Да. Не в той. Это квартира никак не связана ни с комитетом, ни с Алисой, поэтому у ней нас искать не станут. Но если выйдете наружу... — брюнетка улыбнулась, — скажем так, Святослав, вы бросаетесь в глаза.

— *Touche*, — я поднял руки, — Что ж, признаю вашу правоту. Тогда, наверное, придётся отдыхать.

— Вот и правильно, — кивнула девушка и отправилась на кухню, — обед будет в два.

Я покачал головой — всё-таки удивительно, как разнится её ко мне отношение в присутствии Алисы и в отсутствии её. Ну ладно, разберёмся.

Осмотрев квартиру, я понял, что место это довольно просторное — одна, меньшая комната была спальней, другая — гостиной, где я и приходил в себя. Скрытая занавеской дверь вела на маленький балкончик с кованой оградой, где можно было разве что цветы поставить. Зато рядом с диваном обнаружилась оставленная Алисой книжка, до которой у меня так и не дошли руки. Что ж... сейчас самое время заняться, раз уж случился вынужденный выходной.

Усевшись на диван, я открыл книгу и погрузился в чтение.

* * *

Спустя четыре часа, когда Арлетт позвала обедать, вокруг дивана уже образовалась стопка различных книг по географии, истории и геополитике, а я всё никак не мог остановиться. Поблагодарив французенку за приглашение, я присоединился к ней, быстро затолкал в себя еду (не особо поняв, какую именно) и вернулся к чтению. Некоторые интересующие меня детали я выписывал в найденный на одной из книжных полок блокнот и цельная картина происходящего потихоньку становилась всё чётче и понятнее.

В общем-то, развивалось местное общество действительно очень похожим образом, по крайней мере до определённого момента. Та же самая мифическая античность, диковатое средневековье, возрождение и начало нового времени. Но в начале двадцатого столетия кое-что изменилось. Событие, именуемое революцией, сильно перевернуло политические реалии Российской Империи. Страна, совсем недавно проигравшая войну с Японией (вот это вот меня лично наповал сразило даже сильнее всего остального), переродилась в нечто совершенно иное и в разгоревшемся пламени двух мировых войн оказалась одной из

наиболее подготовленных к грядущим испытаниям. Честно говоря, историю обеих войн мне придётся ещё изучить отдельно — уж слишком много необычного в них было. В родном мире похожий конфликт — Великое Объединение — проходил примерно в тот же период времени (собственно, именно в его рамках произошло моё личное боевое крещение в японской операции), но он не ощущался таким масштабным, несмотря на количество участвующих сторон. Мне быстро стало понятно почему — в отличие от Императорской армии, новое государство «рабочих и крестьян» и противостоящий им «третий рейх» воевали огромными массами простых людей с применением продвинутой техники.

Это было... непривычно. Армия Российской Империи, в рядах которой я имел честь служить, конечно, тоже не состояла из одной пехоты, но всё же генералы делали куда более серьёзную ставку на людей, чем на технику. Оно и понятно — местные бронемашины не прожили бы и дня против тех же Огненосных Гусар, в которых каждый всадник владел той или иной версией истока Пламени и был способен без особых проблем превратить в костёр не то что танк, но и целый военный корабль. Но, с другой стороны, само количество участвовавших в войне людей вызывало уважение. Для Российской Империи моего родного мира, война в которой участвуют пятьдесят тысяч дворян уже была огромным событием. А ведь всего дворян было порядка миллиона человек. Событий же, которые требовали участия хотя бы половины этой огромной массы, мне даже вспомнить не получалось. Великая Война 1812–1819 против Наполеоновской Франции, разве что, но то было воистину уникальное событие, где решалось кто именно будет вести Европу в будущее и победа в этой войне определила судьбу Российской Империи как сначала одного из мировых лидеров, а потом и как единственного гегемона.

В этом же мире в войнах участвовало огромное количество простых людей, которым там делать было, по большому счёту вообще нечего. Войны должен вести дворянин — за это он и получает свои привилегии, в конце концов. Простой народ, если уж совсем грубо, платит дворянам своими налогами, чтобы те их защищали, а дворяне тратят своё время и силы на тренировки и поиски новых путей развития истоков и собственного мастерства управления ими. Несомненно, эта система неидеальна, но чёрт возьми — она лучше той, при которой простые люди режут друг друга штыками, расстреливают пушками и ракетами (интересное тут, кстати, применение наши китайским фейерверкам), заливают газами и ядами, превращая плодородные земли в отравленные пустыни, изрытые воронками снарядов, а аристократы отсиживаются где-то непойми где. Неудивительно, что такое положение дел вызывало во мне презрение к местной аристократии. Но их подлость не обязательно означала слабость. Возможно, были и другие причины.

Я отложил на будущее попытки разобраться в мотивах местной аристократии и вернулся к историческим событиям. Выходило примерно так: после того, как Германия объединив в себе совокупную мощь Европы напала на новообразованное Советское государство и проиграла, мир поделился на несколько лагерей. В Европе крупные государства, по сути, развалились — та же Франция, очевидно, удерживалась вместе лишь формально, восточные же страны вошли в сферу влияния Союза либо фактически присоединившись к нему как Финляндское княжество, Речь Посполитая или Германия (всё же удержавшая в своих административных границах Пруссию и Австро-Венгрию) либо оказались под прямым влиянием как Иль де Франс, ставший чем-то вроде свободной экономической зоны. На британских островах продолжалась вялотекущая гражданская война, Италия, по сути, распалась обратно на города-государства. Здесь не было ничего

интересного — как я и предполагал, без высших сил Императорских Истоков, аристократия просто урвала себе куски пожирнее и начала заниматься тем, чем занималась всегда когда оставалась без влияния сильного лидера — то есть грызлась внутри самой себя.

Куда интереснее судьба обошлась с Американскими континентами. Оказалось, что в этом мире Япония, изгнанная со своих островов по итогам войны (причём зная *modus operandi* японцев, я совершенно этому не удивился), оказалась способна захватить североамериканские территории Новой Англии, образовав примерно тоже самое, что имела до этого на своих островах — то есть множество провинций, объединённых властью Императора. Правда, насколько я понимал, самоуправление в провинциях было довольно большим и до такого уж цирка как бывало раньше в ту же эру Сенгоку не доходило. Правда, самих японцев было не так уж много — надо понимать, что под «переселением Японии» подразумевалось переселение в основном элит, так что бывших британцев было на материке намного больше, но это японцев никогда не останавливало. В общем-то несмотря на всё влияние, СССР не мог вести прямую войну с ними, даже несмотря на мощных союзников в Азии, благо Новая Японская Империя обнаружила изрядные запасы ресурсов и живой силы в Южной Америке, где находились колонии ослабевшей Испании и Италии. Правда, там некоторую силу представляла Бразильская Империя, тоже занимавшаяся объединением разрозненных стран в свою сферу влияния, но это уже другая история.

В Азии между тем поднял голову новый Китай, тоже отринувший свою аристократию. Индийские княжества, сбросив Британскую власть (бывшей империи уже было не до колоний) какое-то время сопротивлялись, но вынуждены были отступить, а потом и присоединиться к растущей силе. Собственно, именно Китай, или точнее Китайская Народная Республика заняла территорию Японских островов. Что интересно, КНР и СССР не претендовали на территории друг друга несмотря на то, что вроде бы формально были равноправными партнёрами, а не одним государством. Такие отношения для мощных держав были необычны, но мне показалось в тот момент, что положение стран просто было очень специфическим — их территории, по сути, разделяла естественная преграда в виде Гималаев, а война слишком оголила бы тылы для удара заклятых друзей. Впрочем, никакой военной истерии между странами не было, точно так же, как и пограничных конфликтов, словно страны вполне устраивало положение дел. Странно это было, конечно, но я решил не заострять пока внимания, благо были места поинтереснее. Например — Австралия.

Что именно происходило на самом маленьком материке (или самом большом острове, тут как кто смотрел) не знал толком никто. И это не было преувеличением — после хаоса, последовавшего за Великой Войной, переселением японцев, падением западных империй и прочими вещами, Австралия осталась вне зоны интересов слабеющей Европы, а когда Британия заинтересовалась, что же происходит на континенте и послала на разведку пару лёгких эсминцев, те назад не вернулись. Тоже самое произошло и с более крупной эскадрой, посланной на разведку. Если верить Британцам, к чему я сам относился со скепсисом, верный присловью «Как узнать, что джентльмен врёт? Очень просто — у него двигается рот», доклады были одинаковыми: «видим Сидней, огней в городе нет, только маяки мигают. По крайней мере, я думаю, что это маяки — для этого времени слишком темно. Идём к берегу, поддерживая связь». Собственно, на «поддерживаем связь» последняя обычно и обрывалась. Судя по всему, потеря Австралии и Индии стала для Британской Империи причиной утраты влияния и толчком к последовавшему за этим развалу.

Про то, что случилось с материком каторжников мне было крайне интересно узнать, но

увы — информации, как я упоминал, было крайне мало. Собственно, ни одна экспедиция к берегам континента не увенчалась успехом, хотя предпринимали их практически все крупные державы. Мне это было интересно вдвойне, так как в моём мире сама Австралия ничего интересного не представляла, но рядом с ней были дремлющие силы, которые даже мы предпочитали не беспокоить. Возможно, в этом мире жители континента посчитали иначе, за что и поплатились.

На чёрном континенте прошла эра колоний и началась эра восстановления. Собственно, наряду с Европой, Африка была наиболее ярким полем противостояния. Там было достаточно и могущественных магов, и природных ресурсов. СССР как я понял пытался открывать границы и обучать негров премудростям современных наук, в то время как Япония в основном брала силой то, до чего могла дотянуться. Понятно, что симпатий такие действия не вызывали, но самураям не в новинку было пытаться править при помощи страха, и судя по тому, что происходило в Северной Америке, им это удавалось иногда вполне неплохо. Беда была только в том, что для обеих сторон плечо логистики было слишком большим...

«Так вот зачем им обоим нужна Европа — когда под контролем будет Средиземное море, можно заблокировать проливы и планомерно продвигаться вглубь континента,» — осознал я и тут же зарылся носом в книжку про «великие стройки СССР», которая была в одной из стопок.

Ну да, точно — трансчерноморские энергетические кабели, газо- и нефтепроводы, транспортные артерии Кавказа и Аравийского полуострова. Совершенно очевидно, куда целился Союз и почему Европа была ему так важна. Ну а для Японии, судя по всему, важным была не столько Африка, сколько торможение прогресса Союза в ней, ведь у самой новой империи было более чем достаточно своих проблем на новообретённых континентах. В свете этого, геополитическая карта мира становилась куда яснее. И всё лучше укладывалась в мою теорию. Что бы не случилось с Российской аристократией и куда бы не затаилась аристократия европейская, все они продолжали действовать как минимум из теней. Что именно вынудило их уйти с арены я пока не знал, но собирался разобраться.

«Когда придёт время,» — одёрнул я сам себя, — «Сейчас есть более насущные потребности».

Словно дожидаясь этим моих мыслей, хлопнула входная дверь. Раздались голоса и в комнату влетела Алиса. На девушке был зелёный мундир и кожаный плащ, на поясе висела кобура с уже знакомым мне пистолетом.

— Стас, вы отдохнули? — голос у блондинки был хриплый, почти что лающий.

— Да, а вы, Алиса, видимо что-то нашли.

— Да, я, — девушка закашлялась.

Арлетт показала из кухни со стаканом воды и протянула его подруге, та осушила его жадными глотками, выдохнула и заявила:

— Мы нашли след. Он ведёт к...

— Японскому консулу?

Арлетт удивлённо посмотрела на меня, а сама Алиса только усмехнулась, пробежав взглядом по корешкам сложенных книг.

— Вы всё-таки не отдыхали, да?

— Чтение — это форма отдыха, — пожал я плечами.

— Это верно. Так или иначе — да, вы правы, — девушка скинула плащ и опустилась на

кресло, — Главный посол сейчас находится в городе, у него в гостях консулы и ещё одна «персона особой важности». Как зовут и как он выглядит мне не удалось узнать, но на его катане — печать шинсенгуми. Если поспешим, то сможем взять на месте.

Я посмотрел в окно. Смеркалось.

— Не хочу портить вам настроение, но вы уверены, что он ещё там? Ночь наступает.

— Да, уверена. Я оставила Валентина в наружке, он сообщит если цель покинет здание.

— Тогда идём, — я встал.

— Я привезла ваш кортик. Трофейный нож как я понимаю сломался.

— О, спасибо, но его я брать не буду. У меня другой трофей, — улыбнулся я и вытянув руку сомкнул пальцы на появившихся в руке ножнах меча, не так давно принадлежавшего Кентаро Муракаю. Катана дрожала в пальцах и была тёплой даже сквозь лакированное дерево ножен.

Арлетт удивлённо ойкнула, но Алиса только кивнула:

— Правила поединка, понимаю. Что ж, поздравляю с приобретением.

— Спасибо. Мне правда понадобится ваша помощь, Алиса. Так уж случилось, что вместе с катаной у меня появилась вот эта способность, — я щёлкнул пальцами и на указательном вспыхнул язычок пламени, — Поскольку такое прямо противоречит моему пониманию мира, мне потребуется объяснение.

Блондинка встала и пожала плечами:

— У вас в руках артефактное оружие, полученное после победы над предыдущим владельцем. Вы же знаете законы японского поединка — вы пришли в цитадель Адзума-Гуми и победили главу этого места. Следовательно, получили право на его имущество. Видимо поэтому катана вас и признала.

— Или она уважает силу, — я не успел заметить, как Арлетт исчезла из комнаты, но вернулась она уже в полицейском мундире и с забранными в хвост волосами, — Раз мы спешим, может взять и... другой трофей? — она покосилась на меня.

Алиса встала и повернулась к подруге, нахмурилась:

— Если ты имеешь в виду то, что я думаю, то мне кажется это будет слишком уж ярко.

— Зато мы сразу расставим точки над «i» — заметила брюнетка, — Да и кучу времени сэкономим.

— Что ж, наверное, ты права, — кивнула Алиса, сунула руку в карман и бросила мне сверкнувший в воздухе серебром брелок.

Я машинально поймал и уставился на ключ. Посмотрел на Алису и поднял бровь.

— Что это?

— Другой трофей. Мы не всю дорогу вас на себе тащили, Святослав, — улыбнулась Алиса.

К Японскому посольству Алиса отправилась при полном параде. И я не имею в виду кожаный плащ, фуражку и автоматчиков, я имею в виду настоящий полноценный кортеж, грузовик с солдатами (судя по некоторым деталям, тот самый, который в логово Алых Драконов хлеб вёз, когда я с ним разминулся на набережной, наслаждаясь новообретённым кабриолетом), мотоциклисты и три машины парижской жандармерии, передняя из которых сияла мигалкой господина коменданта.

— Не слишком ли это... напоказ, товарищ капитан? — спросил сидевший по левую руку от Алисы лейтенант Валентин Терехов.

Я лишь улыбнулся уголком губ, но Алиса ответила:

— Нет, товарищ лейтенант, не слишком. Мы всё-таки в посольство ломимся, и посла брать под белы ручки планируем, а не секретаршу какую. Поэтому всё должно быть идеально, и с максимальной оглаской.

— Понял вас, товарищ капитан, — кивнул Валентин и снова повернулся к «своему» окну.

Кортеж притормозил у ворот изящного особняка в стиле позднего восемнадцатого века. Здание было не слишком близко к центру города, но и не слишком далеко. Сам особняк выглядел весьма мило, а садик с живой изгородью безо всякого сомнения был невероятно удобен для побега или ведения оборонительного боя. Впрочем, в текущей ситуации, смысл таких действий был минимален — сейчас кортеж вёз представителей всех трёх ветвей местной власти, бежать после попыток нападения на такое было бы... не особо полезно.

Видимо, внутри это тоже понимали, поэтому вышедший к проходной часовой козырнул кому-то в комендантской машине, выслушал и кивнул, пропуская. Машины одна за другой заехали во двор, притормозили перед входом в само посольство. Из первой вышел комендант. Лицо главного жандарма всея Парижа сложно было назвать радостным, но некое злорадное удовольствие, на нём присутствовало, когда он обратился к появившемуся из дверей низкорослому японцу:

— Господин Ямада, у жандармерии есть причины подозревать вас в весьма серьёзных преступлениях против Республики и её народа. В связи с этим вас придётся немедленно допросить.

Японец удивлённо поднял брови и слегка наклонил голову.

— Месье Дюпре, я стесняюсь спросить — это какая-то странная местная шутка, о которой я доселе не имел представления?

— Отнюдь, я вполне серьёзен.

— Нужно ли мне напомнить вам о дипломатической неприкосновенности посла?

— Попробуйте, — набычился комендант, — Тогда я, пожалуй, напомню вам, где эта неприкосновенность заканчивается.

Он поднял руку и особым образом повернул ладонь. Это и был сигнал. Из грузовика тут же высыпали бойцы КГБ, сверкая чёрным металлом автоматов — вот так оказывается называлось это доселе невиданное мной ручное огнестрельное оружие. Соскочили со своих стальных коней мотоциклисты, перехватывая своё оружие. А посреди этого чёткого безобразия шествовала Алиса, а за ней уже шли мы — так сказать личная гвардия. Подойдя к послу, девушка остановилась, вынула из внутреннего кармана кителя удостоверение с

бронзовым щитом-эмблемой и заявила:

— Юсуке Ямада, вас требуется допросить и вы должны оказать помощь в расследовании организованной группой лиц операции по похищению французских граждан, привлечению организованных преступных группировок, известных как кланы Адзума-Гуми и Алые драконы к незаконным операциям во французской столице, подготовке терактов, склонению людей к терактам, организации терактов... мне продолжать перечислять, или мы уже пойдём внутрь? — блондинка подняла бровь, обрывая сама себя. В общем-то, такая форма не была прямым обвинением именно что по форме — посла нельзя арестовать, ибо та самая неприкосновенность, но подобное «содействие» и будет по факту арестом, ведь допрашивать посла можно хоть лет двадцать.

— Нет, необязательно продолжать, — посол кивнул, даже не изменившись в лице, — Но мадам, это весьма серьёзные обвинения и вам потребуются веские доказательства.

— Не волнуйтесь, у меня есть как бумажный след, так и свидетель.

Алиса сделала быстрый жест, и я шагнул вперёд, снял фуражку конвойного и вместе с ней избавился и от фальшивых усов с бородой.

— Святослав Вронский. Можно сказать, я имел с вашим давним знакомым Кентаро Муракаем самый важный и самый последний диалог в его жизни.

В этот момент я поднял руку и в ней возникла недавно принадлежавшая бандиту катана. Вот теперь Ямада побледнел, хоть и слегка, тут же наклонил вежливо голову и произнёс:

— Понимаю. Извольте следовать за мной, господа.

Алиса кивнула и подозвав к себе Валентина, который как я понял был командиром её ударного отряда, отчётливо приказала:

— Разоружить всех, начать обыски, изъять все документы. О результатах сообщать каждые четверть часа.

Ямада в ответ на это лишь дёрнул щекой.

* * *

Ямада провёл нашу группу внутрь. Собственно, группа состояла из Алисы и меня как свидетеля, а также коменданта Дюпре и Арлетт в качестве его заместителя. Так сказать — допустимый минимум. Правда до дверей нас должны были сопровождать ещё два бойца из числа жандармов Дюпре, но эти останутся снаружи — разговор не предназначался для их ушей.

Вслед за послом мы проследовали в просторный зал. Жандармы, как и положено, остались у дверей. Оставшиеся, то есть я, Алиса, комендант Дюпре и Арлетт в качестве его заместителя прошли следом за послом.

Тот уже занял место за столом, так чтобы его не было видно снаружи. Алиса посмотрела на окно, хмыкнула, задёрнула шторы и села напротив японца на одно из кресел.

— Снайперов боитесь? — спросила она Ямаду.

— Боюсь, — признался тот, — Многим может не понравиться то, что я скажу.

— Например тем, кто стоит за всей операцией на самом деле? — спросила Алиса.

Ямада сделал непроницаемое лицо:

— С чего вы взяли, что не я стою за операцией?

— Комендант, не хотите ответить на вопрос господина Ямады? — повернулась капитан

к Дюпре.

Тот недовольно поёрзал на своём диване. Морж был явно политическим зверем, а потому не стремился подставлять голову под пули. Но всё же правда об этом аспекте была известна многим, так что он всё-таки сообщил:

— Посол — слишком публичная фигура, его действия известны слишком многим, господин Ямада.

— Не хотите ли вы сказать, что жандармерия за мной следила? — спросил японец с лёгкой улыбкой.

Морж покраснел от негодования и фыркнул в густые усы:

— Как будто вы сами так не делаете с нашими людьми! Таковы правила игры — посол неприкосновенен, но именно поэтому его действия всегда под наблюдением. Я, кстати, даже не говорю о том, что вы делаете тоже самое.

— Допустим. Но раз мы такое делаем, мы знаем о правилах игры? Хотите сказать, что, зная их вы всё равно зафиксировали мою встречу с преступниками?

Тут уже Алиса посмотрела на меня и кивнула. Я шагнул вперёд и вызвал катану, положил её на стол перед послом.

— Знаете, что означает тот факт, что я ей так легко управляю, не так ли? — я коснулся лакированных ножен.

— Вы победили её предыдущего владельца, — ответил посол, а потом с улыбкой добавил, — Кем бы он ни был.

— Правильно. Только вот вы прекрасно знаете, кем он был, не так ли? — Алиса достала из своей сумки толстую папку, извлекла из неё несколько листов и положила их на стол перед мужчиной, — Снимки датируются восемьдесят пятым годом. Как раз вы только вступили в должность помощника консула Японии во Франции. И вот как раз вы жмёте руку господину Муракаю, который только открывает своё респектабельное заведение, не так ли?

— При всём уважении, капитан, я жал руки многим. Особенно когда был младшим клерком. И не смог бы упомянуть всех.

— Несомненно. Но вы легко упомянули бы того, с кем отмечали пятидесятилетие. Ну знаете, тот праздник, на котором были сделаны эти снимки, — на стол лёг ещё три фотокарточки. На этих люди уже были на куда менее официальном мероприятии, — Или ваше назначение полноценным консулом, — ещё три снимка, сделанных явно в одной из комнат того самого борделя. Мистер Ямада не был на этих изображениях без штанов, но, пожалуй, это максимум, что можно было сказать в его защиту, — Возможно вам будет интересно знать, что эти снимки входили в личную коллекцию господина Муракая и он хранил их в особом месте, отдельно от обычного компромата.

Посол не был удивлён и спокойствия тоже не потерял.

— Понимаю, это может вызвать некий скандал, но я не обязан отчитываться перед вами за то, на что трачу своё свободное время. Да, у вас есть снимки, где я развлекаюсь в доме утешения, — щуплый немолодой азиат пожал плечами, — И что? Я не отвечаю перед вашими «избирателями», господин комендант. Точно так же, моё правительство не руководствуется такими вещами для установления моей пригодности к этой службе.

— Нет, но местное правительство может, — заметила Алиса, — В конце концов, вы ведь не абы с кем развлекались — многие из тех, кто оказывался в борделях Адзума-гуми попадали туда не добровольно.

— Ну так это уже проблема жандармерии, не так ли? — он посмотрел на Дюпре, — Уж

простите меня, господин комендант, но если вы не можете выполнять свою работу хорошо, то не меня здесь надо выгонять. В конце концов, гостями Муракая был не только я — в его «Фонтанах» побывал чуть ли не весь высший свет как минимум Парижа. И если это все улики, которые у вас есть, то поздравляю — вы доказали, что мужчина без семьи, живущий в чужой стране уже пятнадцать лет, пользуется услугами ночных бабочек, а самих бабочек вероятно курирует организованная преступность. Я бы не назвал эту цепочку рассуждений заслуживающей тех громких угроз, с которыми вы пришли к моей двери, не так ли?

Многое из им сказанного было правдой: я узнал в некоторых гостях людей, которых увидел потом по телевизору. И, я уверен, тот же морж вряд ли избегал борделей сам, даже если не присутствовал конкретно в этом. В конце концов, французы, а особенно парижане, давно же прославились своим любвеобилием.

Знал это, конечно же и сам Дюпре. Но всё равно не спешил покидать кабинет посла. Вместо этого комендант стиснул зубы, наклонил голову и спросил:

— Что насчёт недавних терактов? Вы ничего не знаете о людях, которых направляли для убийства простых парижан? О ваших собственных согражданах, которых обманывали, которым лгали и которыми манипулировали? Вас не смущает, что вы являетесь частью этого?

Вот теперь на лице Ямады появилась эмоция: недовольство, гнев и что-то ещё, может быть — стыд? Нет, не стыд... иное, глубже...

— Мне известно об этих терактах немного — два произошло, один вы предотвратили с помощью вот этого вот гостя — он махнул рукой в мою сторону, и я картинно поклонился, — После чего вы разрушили всю сеть, опять же воспользовавшись помощью этого человека. Конечно, вы можете возразить, что я-де оплачивал услуги девочек Кентаро, а он на эти деньги готовил свои операции, но с таким же успехом я могу сказать, что ваша, капитан, покупка круассанов в одной из пекарен «У Моря» оплачивает теракты Армии Свободной Ирландии, которую эти самые пекарни спонсируют, поддерживая определённые политические партии. У вас всё ещё нет доказательств.

— И всё же вы не выставили нас за ворота, — заметила Алиса, — Не заперлись в посольстве, не призвали силу Истока. Вы хотели видеть нас здесь, почему? Потому что это было в планах тех самых сил, которые вас наняли или...

Девушка посмотрела на меня, и я кивнул, делая шаг вперёд. Наклонил голову и спросил, прищурившись:

— Или потому, что как раз этого эти силы и не хотят? А заводя вас сюда, мы создаём нужную картинку, которая всполошит того, кто может наблюдать, вынудит его действовать. И таким образом даст вам шанс... сохранить лицо?

Я замолчал и задумался, мысленно перебирая варианты. Капитан КГБ очевидно была быстрее меня в этом анализе. Или просто знала заранее.

— Вас не пугают жертвы, господин Ямада, — заметила Алиса, вставая из кресла, — Вас не отторгают эти жертвы. Вас не смущает то, что мы узнали ваши секреты. Но знаете, что вас пугает, отвращает и позорит? То, что эти секреты ничто перед главной правдой — а она заключается в том, что всё это время, вы не работали на благо Японии. Вы не работали во имя своего Императора и не осуществляли задачи, поставленные вашей разведкой. Наоборот — вас лишь использовали, не так ли?

Мужчина поджал губы, но не возразил. Алиса же кивнула и продолжила:

— Легко заметить то, что объединяет эти теракты — в конце концов, почерк настолько

чёткий и столь явно указывает на Новую Японию, что... — она задумалась на мгновение и пожала плечами, — Нет, не могу ничего придумать очевидно-японского, ведь ваши характерные мечи и ещё более характерные образы демонов и боевых самоубийц использовали. Так или иначе, эти теракты могли вести только к одной стране. И вы были не против, потому что получили прямые приказы от наиболее надёжного источника...

— Шинсенгуми, на которого обратили внимание даже якудза, — вставил я.

— Именно так. Спасибо, Стас. Знаете, господин Ямада, что меня поражает в вашей японской преступности? — блондинка посмотрела на посла, — Меня поражает то, насколько они готовы, при всей мерзотности своих основных занятий, прийти на помощь своей стране, стоит этой стране лишь попросить. Казалось бы, люди, исключённые из общества, находящиеся вне закона, — она покачала головой, — а всё равно бросаются делать то, что их просят стоит лишь мелькнуть намёку на волю императора.

«Если посол Ямада умён, он скажет что-то вроде „на что вы намекаете, господа?“ Если же он *очень* умён, то не скажет вообще ничего.» — подумал я.

Ямада молчал. Алиса обозначила лёгкую улыбку и продолжила:

— Значит вот как всё просто оказалось... Вы думали, что исполняете приказы начальства, делаете всё, что говорит шинсенгуми, предоставляете ему свою сеть, а когда до вас доходит, к чему привели эти действия, этот шинсенгуми уже подставляет и вас, господин Ямада, и ваших исполнителей, да так, что вы начали думать — а не лучше ли сдать властям? Может смерть быть лучше позора?

Посол всё ещё молчал, но сцепленные на столе пальцы побелели. Японец практически всем видом представлял живую аллегория нервного напряжения. Комендант Дюпре между тем представлял собой полную противоположность. Морж уже откровенно потерял мысль и повернувшись к молчавшей заместительнице спросил:

— Инспектор Ревиль, о чём они говорят, я уже запутался.

Арлетт посмотрела на Алису, та кивнула. Брюнетка наклонилась к начальнику и негромко подытожила выводы подруги:

— Он говорит о том, что шинсенгуми, который приходил к Ямаде и Муракаю — ненастоящий. Или по крайней мере — работает не только и не столько на Японию.

В тишине вдруг раздались резкие хлопки. Стена за спиной посла вдруг задрожала как водная гладь. В которую бросили камень и из этого странного явления появился мужчина в маске лиса и богато украшенном чёрном костюме. На поясе гостя была катана с характерным для шинсенгуми символом бесконечности на цубе. Меня тут же окатило чудовищной волной псио, которая на мгновение пригнула меня к полу, пока я не подстроился, остальных же присутствующих могучий псио-удар практически парализовал.

— Bravo, — произнёс воин и у меня засосало под ложечкой. — Bravo, господа. Вам потребовалось всего два дня, чтобы раскусить этот план. Признаюсь, я ставил на пять дней. Ты никогда не казался мне способным к быстрому мышлению, Святослав, — сказал Виктор фон Меттин, снимая дурацкую маску.

— Зато я всегда умел разбираться в людях, друг мой, — ответил я, глядя в глаза человеку, который, несомненно и отправил меня в этот мир.

Граф в ответ улыбнулся и посмотрел на Алису и Арлетт, пытавшихся вытащить оружие. Дюпре уже просто валялся в отключке, опрокинутый волной псио-удара.

— Не стоит, дамы, вы не сможете мне навредить, так что даже не пытайтесь. Святослав подтвердит.

Алиса бросила на меня короткий взгляд, и я кивнул, скривившись:

— К сожалению, он говорит правду. Я даже не уверен, что перед нами его основное тело, а даже если оно, навредить ему я не смогу. У него нет линий смерти.

— Вот так-то, — сказал мужчина, когда девушки оставили попытки выдернуть оружие, — Это лучше, а то...

Он не успел закончить фразу, поскольку прыгнувшая мне в руку катана покинула ножны и ударила бывшего друга в плечо. Тот отбил мой меч своим и укоризненно посмотрел на меня:

— Ну и зачем?

— Во-первых, я сказал, что тебя нельзя ранить, а не что я не попытаюсь, а во-вторых, я ведь знаю зачем ты появился, Виктор. И именно этого я тебе сделать не дам, — заметил я и нанёс ещё один удар.

— Дурак. Ты сам сказал, что не видишь линий моего разрушения.

— Да, но я недавно понял, что надо смотреть глубже — например на линию разрушения самого заклятья, — сообщил я и нанёс удар. Сила его истока звякнула как натянутая струна а затем лопнула. Виктор фон Меттин, оказавшийся загадочным шинсенгуми, рассеялся в воздухе как дым, только его смех продолжал висеть какое-то время.

Вместе с ним исчезла и псио-аура, Алиса, тяжело дыша выдернула наконец пистолет из кобуры, Арлетт сделала тоже самое. Только стрелять было не в кого. Разве что в меня. Я же убрал катану в ножны и внимательно изучил лёгкий иней, выступивший на ковре, где мгновение назад стоял Виктор. Сколько его знаю, без понятия, как именно он это делает.

— По крайней мере, мы получили ответ на вопрос, случайно ли вы здесь оказались, Святослав, — заметила Алиса.

— Не только это, — сказал я, — Мы ещё выяснили, что Ямада может быть нам полезен.

— Почему ты так решил? — спросила Арлетт.

— Потому что Виктор появился только тогда, когда Ямада решился что-то нам сказать. Он явно хотел его заткнуть, — ответила за меня Алиса, — А значит нам он будет полезен. Господин Ямада, вы едете с нами, — ответом ей было молчание. Блондинка повернулась к столу и тряхнула мужчину за плечо, — Господин Ямада?

Седовласая голова посла качнулась и отделилась от шеи, со звоном упала на стол и разбилась ледяным крошечком.

— Дьявол, когда он успел? — выругалась Арлетт, поворачиваясь ко мне.

— Даже не представляю. Мои знания о его истоке ненамного глубже твоих, — заметил я, — Но одно я знаю точно: Виктор что-то готовит, и это что-то серьёзное.

— Почему? — удивлённо спросила Арлетт.

— Потому что он только что подтвердил, что, по сути, спровоцировал международный инцидент и возможно войну, лишь бы задержать Святослава в Париже на пару дней дольше, — ответила за меня Алиса, — Возникает логичный вопрос — что именно он успел сделать за эту пару дней?

Я поймал её взгляд и покачал головой — я не знал, что делал Виктор, не имел ни малейшего представления.

О дальнейших событиях я, в основном, узнавал от Арлетт, безвылазно сидя в ведомственной квартире, куда Алиса спрятала меня от греха подальше.

После нашей операции было много криков, много воплей, много угроз, но большую их часть Алисе удалось избежать, поскольку капитан КГБ был неподотчётен никому кроме своего московского начальника. А вот Дюпре пропесочили по первое число — коменданту досталось и за вторжение в посольство, и за угрозы послу, и за то, что не смог этого самого посла защитить.

Правда, о последнем упоминали совсем скороговоркой, ибо... ну в общем подвергнуть сомнению КТО и КАК убил господина Ямаду у самураев не вышло, а они, без сомнения пытались, но потом, когда Алиса предоставила протокол встречи (заверенный каким-то не очень понятным мне образом, но вопросов о подлинности у самураев не возникло), наши свидетельские показания и прочие куски расследования, которыми КГБ было готово поделиться с парижской Жандармерией, вопросы у последней отпали совсем. Даже наоборот, так что комендант Дюпре оказался в смешном положении — с одной стороны, он получил выговор за не совсем чёткое следование протоколу, с другой стороны — медаль за невероятно быстро проведённую операцию. Арлетт, которая была в опергруппе, удостоилась целого Ордена Почётного Легиона, а мы с Алисой по понятным причинам не получили ничего: сыграла как мелочность чиновников, так и необязательность награждения подданных другого государства.

Впрочем, ни я, ни Алиса не жаловались. Капитану было совсем не до того: её собственное начальство явно требовало куда больше, чем политиканы хотели от Дюпре, но в отличие от французов, тут уже ничего на поверхность не всплывало. Впрочем, даже при всей занятости, обрушившийся на капитана в последовавшие дни, она всё-таки не забывала о том, чтобы уделять мне время, когда у меня появлялись мысли и теории связанные с неожиданным раскрытием личности кукловода.

Собственно, к первой теории меня подтолкнули слова Алисы в первый же вечер, когда мы втроём (я, Алиса и Валентин, по окончанию операции снова ставший одним из моих охранников) сидели и резались в карты. Так вот, когда я в сердцах воскликнул после второго подряд поражения, что-то вроде «Грёбанный Виктор мог бы закинуть меня в мир, где люди играют в покер хуже меня!» Алиса, которая просто наблюдала за партией, вдруг заметила:

— А почему он, собственно, вас сюда закинул, Стас?

Эти слова заставили меня замереть от внезапного осознания. Валентин же, с которым мы сдружились, видимо заподозрил в этих словах обострение свойственной Алисе профессиональной подозрительности. Могучий мужик нахмурился и протянул:

— Тацкапитан, Святослав вместе с нами рисковал, неужели вы всё ещё его подозреваете?

Алиса лишь улыбнулась сквозь клубы сизого дыма (играть в карты без сигар — вот настоящее извращение, которое я с огромным удовольствием поправил) и пояснила:

— Нет, Валентин, я не подозреваю нашего нового союзника, я всего лишь задаюсь вопросом, который, если честно, крутится в моей голове с того самого момента, как Фон Меттин раскрыл карты. Мы выяснили, что попадание сюда Святослава не было случайностью, так? — Валентин кивнул, он имел достаточный уровень доступа к секретной

информации. Собственно, отчасти поэтому и присутствовал за столом, — Тогда вопрос — а зачем ему это понадобилось? Причём замечу, ему потребовалось вас сюда закинуть, а потом на некоторое время чем-то занять, причём занять вас было настолько важно, что Меттин был готов пожертвовать прикрытием образа Шинсенгуми.

— Думаете, оно было настоящим, Алиса? — спросил я, прищурившись и затянувшись сигариллой.

— Судя по тому, что самураи под ковром бегают как курицы с отрубленной головой, — я чуть не подавился дымом, услышав столь изящный оборот, — и в высших эшелонах трёх правящих корпораций летят головы близкие к самому верху... Да, я уверена, что прикрытие было настоящим. Более того — не только прикрытие было настоящим, но и разведывательная сеть, созданная под этим прикрытием. Ведь Меттин не только смог всё это провернуть, он смог и удержать информацию достаточно, чтобы высшие эшелоны японской власти не обратили внимания на столь наглую и показную *акцию* в самом центре столицы недружественного государства.

— Хм. Почему вообще потребовалась столь сложная интрига? — задал я вопрос в пустоту и сам себе ответил, — Потому что ему требовалось, чтобы я точно попал в неё. А для этого сеть должна быть раскинута максимально широко, ведь я в этом мире впервые. Поэтому такая наглость.

— Но всё-таки, операция уж слишком удачно по времени встала, — заметил Валентин, — этот шинсенгуми знал, когда вы окажетесь на месте. Это может говорить о каком-то взаимодействии между мирами?

— Да нет, когда я попаду и куда пойду Меттин как раз прекрасно знал.

— Откуда?

— А мы с ним пили, как раз перед тем, как меня в этот мир закинуло, — улыбнулся я.

Алиса переглянулась с Валентином, после чего наклонилась вперёд:

— «С ним» вы имеете в виду — с его версией из вашего мира?

— Нет, «с ним» в смысле — с ним. Конкретно с ним. Тот, кого мы встретили в посольстве под маской Шинсенгуми был тот самый Виктор фон Меттин, граф восточной Эстляндии, с которым я напивался в своём мире. Поверьте, его я ни с кем не спутаю — мы вместе тянули лямку сорок лет в десанте.

— Сорок лет? — брови Алисы взлетели, — А сколько вам простите лет вообще?

— Ну, я не считаю. В моём мире маги не умирают от старости, да и вообще не особо стареют. Но боевое крещение я прошёл в русско-японскую войну. А она у нас была примерно в те же годы, что и в вашем мире.

Алиса сделала быстрый подсчёт и уточнила:

— То есть вам больше ста двадцати лет?

— Ну да, вероятно, — я помахал рукой, — Как я сказал, мы возраст не считаем.

— Товарищ князь, а почему мы узнали о том, что вы старше всех живущих ныне ветеранов только сейчас? — очень мягко спросил Валентин.

— Потому что до этого мы как-то об этом не говорили, — пожал я плечами.

Алиса, которая отвлеклась, погрузившись в собственные мысли подняла руку, и мой соперник по карточной дуэли проглотил готовый выскочить комментарий.

— Нет, Валентин, это всё неважно, хоть и объясняет некоторые детали, например то, как именно Меттин оказался так глубоко законспирирован — подозреваю, когда у тебя над головой не висит проблема возраста, глубокое внедрение становится проще. Гораздо важнее

другое — Меттин обладает способностью перемещаться из мира в мир, ну или, по крайней мере создавать убедительные копии своего тела в другом мире, скажем так для абсолютной точности.

— Да, несомненно, я не уничтожил его основное тело — это был материальный фантом, не более, — кивнул я.

— В таком случае, мы возвращаемся к предыдущему вопросу: почему он с одной стороны переместил вас к нам, а с другой — пошёл на крах своей легенды лишь бы удержать вас в Париже хотя бы несколько дней?

Я откинулся на спинку стула, затянулся сигариллой и задумался. Перед глазами плыл слоистый сизый дым, и задача казалась толь же зыбкой, как и рисунок этого дыма, но вместе с тем пару раз мне казалось, что я почти понимал, что происходит, но убедительные теории раз за разом разваливались. Не знаю, сколько времени я так просидел — господа офицеры меня не торопили, но наконец я заметил, что огонь на сигарилле дошёл до пальцев. Затянувшись последний раз, я потушил огарок в пепельнице и заявил:

— Насчёт первого вашего вопроса, Алиса, я так и не смог придумать убедительной версии. Он явно не нуждается во мне как в союзнике, он точно не хотел вывести меня из игры в моём мире... — поймав вопросительный взгляд Алисы я пояснил, — Скажем так, там политическая ситуация намного стабильнее, чем здесь. Но при этом ему явно нужен именно я.

— Или ваш исток, — заметила девушка.

— Может и так, но я не понимаю, как он может использовать мой исток, настроив меня против себя. Впрочем, Виктор всегда был хитрым засранцем. Так или иначе, с первым пунктом ничего не ясно. А вот со вторым, мне кажется, наоборот — ему либо нужно было, чтобы я несколько дней провёл именно в Париже, или ему было нужно чтобы я не провёл эти несколько дней где-то ещё.

Алиса посмотрела на Валентина, видимо используя его мнение как маркер беспристрастного источника. Мужчина несколько мгновений думал, а затем кивнул:

— Как по мне, звучит разумно, товарищ капитан. Правда ни на что не отвечает.

— Ну да, — девушка тряхнула светлыми волосами, — Ответ математика из того анекдота про воздушный шар: абсолютно точный и совершенно бесполезный.

Я усмехнулся — анекдот я слышал, ввернула его Алиса его к месту, а немного посмеяться над собой я умел и любил.

— Боюсь, что-то менее очевидное потребует тщательного изучения предшествовавших событий, — заметил я, — Очевидно, что Виктор бросил вызов мне, так что видимо мне и разбираться. Я благодарен за вашу помощь, капитан, и за помощь вашей службы, но думаю, скоро каждому придётся пойти своей дорогой.

— Нет, — покачала головой Алиса, — бросил вызов он именно КГБ, замаскировав его под вызов вам, товарищ князь. Сами подумайте — как мы можем отступить, если в нашу зону влияния приходит некий аристократ, и начинает разборку с другим аристократом, да так, что побочный ущерб от их противостояния исчисляется миллионами рублей. Нам придётся заниматься этим делом вместе, уверена, что именно такое решение примет руководство, когда получит мой отчёт.

— Не знаю, мне кажется, что комитету будет чем заняться в ближайшие дни и без наших проблем, — заметил я, — В конце концов, скандал разыгрывается нешуточный.

Блондинка улыбнулась:

— Не волнуйтесь об этом, что для одних скандал, для других — возможность, так что скорее всего, когда пыль осядет мы окажемся на коне. Единственное, чего мне жаль — это времени, которое уйдёт на эти разборки.

* * *

Алиса оказалась права — неведомые мне начальники-директоры, судя по всему, прекрасно умели ловить рыбку в воде любой прозрачности. На исходе второго дня после нашего визита к послу, на пороге ведомственной квартиры, в которую я вернулся, когда необходимость в конспирации отпала, показался Эдмонд. Брюнет был в отличие от своего напарника немногословен и по-русски изъяснялся с некоторым акцентом.

— Товарищ Вронский, вы должны прибыть к капитану Стрелецкой в течении тридцати минут. Форма одежды — парадно-выходная.

— Хорошо, раз должен — прибуду, — кивнул я, — Ты будешь сопровождающим?

— Нет, такого приказа не было, — Эдмонд снова отдал честь и развернувшись направился к лестнице.

Я проводил его взглядом и покачал головой. Вот вроде и «приказа не было» и Валентина с Эдмондом из комнаты напротив выселили, а ведь всё равно недалеко пересадили наверняка. Демонстрируют увеличение длины поводка? Так сказать, пряник перед кнутом?

Помотав головой, я закрыл дверь.

«Ты бесишься, потому что Меттин тебя обыграл. Причём обыграл настолько, что ты даже не понял, что играешь,» — одёрнул я сам себя.

Упрёк был справедливым — с чего вообще я решил, что из-за попадания в другую ойкумену, интриги родной Империи вдруг остались позади? Как будто до этого моих высокородных «братьев, сестёр и кузенов», как называли друг друга аристократы, часто — как и я сейчас, с изрядной долей иронии, — чурались выносить сор за пределы родных областей, стран, а то и материков. Великая игра не прекращалась ни на секунду, всё что сделал Меттин — напомнило мне об этом (а также о том, что такие понятия как «дружба и верность» не особо работают в нашем кругу общения).

Я подошёл к шкафу и извлёк почищенный и отглаженный костюм, в котором прибыл в этот мир. Конечно, по моим собственным оценкам он слабо подходил под определение «парадный», но тут уж ничего не поделаешь — ничего из того, к чему я привык, в этом мире не носили. Правда, плюсом было то, что парадный мундир, даже мужской, не так-то просто надеть без помощи слуг, а с этим пиджаком и брюками таких проблем не было. Переодевшись, я внимательно изучил своё отражение.

Пожалуй, короткая стрижка по местной моде — с почти что по-польски бритыми висками и затылком мне нравилась: голова меньше потела, волосы не лезли в глаза. При этом в отличие от принятой у панов дурацкой стрижки, где виски сбривались в ноль, а наверху волосы оставляли средней длины, из-за чего выходил довольно дурацкий аналог крестьянской причёски под «горшок», здесь переход был плавным, а потому сама форма головы выглядела более выигранно.

Смахнув невидимую пылинку с лацкана, я развернулся и тут же упёрся взглядом в катану, которая лежала на комод. Подставка для неё, кстати, входила в комплект, так

сказать: стоило мне подумать о том, что неплохо бы её иметь, как я понял, как именно призвать её.

«Вообще, парадно-выходной стиль предполагает наличие оружия, в СССР точно так же, как и в родной Империи. Можно конечно взять кортик, но...»

Скажу честно — катана мне нравилась. Вот нравилась и всё тут — и это при том, что я не любил японское фехтование, считал все сабли в принципе довольно грубым оружием и тем более не одобрял японской любви к минималистичным гардам. Вместе с тем была у этой конкретной катаны какая-то минималистичная завершённая, которая и была настоящей красотой оружия — красотой функциональности. Кстати, как и любое оружие в моих руках, катана подстраивалась к моему стилю боя — нет, конечно привычным длинным мечом она не стала, но всё-таки теперь имела весьма приличную длину и гарду, которая хотя бы теоретически способна прикрыть пальцы от удара. В каком-то смысле, по классификации японских мечей, это уже скорее была Тати, чем, собственно, Катана, причём Тати весьма странная — сложная гарда намекала на более позднюю эру, в то время как длинное лезвие с небольшим изгибом скорее говорило о более раннем периоде.

«Впрочем, не наплевать ли чем сочтут моё оружие? Функциональность важнее,» — подумал я и в последний раз взглянул на своё отражение.

В голове что-то дёрнулось — увидев себя с оружием в руках, я вдруг подумал — а может ну нахрен эти игры, просто взять шашку, благо она есть, прыгнуть в окно и отправиться ковать армию, хоть из тех же якудза? А потом уже навестить, собственно, фон Меттина? КГБ меня не остановит и не найдёт, если я этого не захочу — я уже достаточно освоился в новом мире. Исчезнуть будет проще простого...

«Ну и что дальше? Гоняться за Виктором, искать следы его деятельности, марать руки тем, на чём на хлеб зарабатывают те же якудза? Князь Вронский — глава клана, крышующего бордели, великолепно».

Я покачал головой и направился к двери. В отличие от Виктора, я не собирался продавать свою честь и совесть ради промежуточной победы в Великой Игре.

* * *

Бастилия меня встретила прохладой воздуха и отстранённостью персонала. Ни моё оружие, ни одежда не вызвали вопросов у часового на входе. По-моему, это был лейтенант Иван Рыкин, но сквозь решётчатое окно непросто было разглядеть.

— Фамилия, имя?

— Воронцов, Святослав, — ответил я.

— Куда идёте?

— Капитан Стрелецкая вызвала.

Солдат опустил взгляд на невидимый мне отсюда экранчик и кивнул:

— Всё правильно, вам назначено на полседьмого, — я глянул на часы на стене. Стрелки показывали двадцать две минуты, — Помните куда идти, товарищ Воронцов?

— Помню.

— Тогда проходите.

Мужчина нажал кнопку и турникет открылся, пропуская меня внутрь.

Знакомые уже коридоры и лестницы привели меня к дверям кабинета Стрелецкой. Я

постучал.

— Войдите, — раздалось из-за двери.

Я так и сделал. Алиса сидела на подоконнике у раскрытого окна и курила тонкие папиросы. Увидев меня, блондинка виновата улыбнулась.

— Простите, всё-таки не такая уж я хладнокровная как мне казалось. Испугалась сильнее, чем ожидала.

— Чего испугались?

— Прощания, Святослав, — девушка посмотрела мне в глаза.

Я хмыкнул:

— Неужели мои намерения настолько легко угадать?

— А что тут угадывать? — она пожала плечами, — Крючком была помощь в возвращении вас в родной мир, сейчас выяснилось, что в нашем мире обретается ваш товарищ Виктор Фон Меттин, который точно имеет больше шансов отправить вас обратно чем мы. Кроме того, мстить ему вы захотите самостоятельно, я же вижу, что для вас это дело чести. В текущих обстоятельствах, помощь нам становится для вас обузой — на одного человека проще охотиться в одиночку, а не привлекая силы огромной неповоротливой структуры.

Пожав плечами, я подошёл к ней, сел рядом и взял из пачки сигариллу и закурил, вызвав огонёк пламени прямо на кончике палочки.

— Признаюсь, такие мысли меня посещали, Алиса. Наверное, вы правы — найти Меттина в одиночку было бы проще, но... — я посмотрел на площадь за окном, затянулся, прищурился, стряхнул пепел в медную пепельницу, — Я в конце концов дал вам слово и заключил договор, что помогу вам в поиске виновного и его наказании. Найти его мы смогли, а вот наказать нам только предстоит. И нарушать своё слово только потому, что в этот конкретный момент мне вдруг стало неудобно — ну, я в конце концов не Виктор Фон Меттин, предавший свою присягу Императрице ради собственных целей.

Алиса встретила мой взгляд и медленно наклонила голову.

— Спасибо, — она явно хотела добавить что-то ещё, но не решилась. Вместо этого девушка потушила сигарету, встала с подоконника и вернулась к своему столу, — В таком случае, вот — директор решил передать.

На столе оказалась небольшая деревянная коробочка, размером примерно с книжку. Я открыл крышку. На алом бархате лежала прикреплённая к георгиевской ленте простая медная звезда, в центре которой было изображение кремлёвской башни и надпись «слава», небольшой прямоугольник с надписью «Паспорт Гражданина СССР» на имя Святослава Ростиславовича Вронского и корочка удостоверения. Я открыл последнее и прочитал вслух:

— «Специальный сотрудник КГБ СССР лейтенант Святослав Ростиславович Вронский Отдел К. Куратор — капитан КГБ СССР Алиса Стрелецкая,» — я поднял бровь, — Орден документы и должность? Знаете, это могло бы стать хорошим грузиком на весах моего решения остаться, скажи вы мне сразу.

— Могло бы, — кивнула Алиса, — Но я не верю в то, что верность можно купить, только что её можно продать.

— Как и я, — я покрутил в руках удостоверение, — Поэтому с присягой будут проблемы.

— Не думаю — вы не первый, кто к нам попадает, — блондинка улыбнулась, — Мы выработали довольно подходящую форму.

На стол лёг лист. Я пробежал глазами убористый текст и кивнул — действительно, никаких противоречий с тем, что было в моей клятве верности Императорскому дому.

— В таком случае, товарищ капитан, у меня есть что вам доложит, — заявил я, — Это касается возможного местоположения Виктора Фон Меттина.

Салон трянуло. Опять. Я вздохнул и повернулся к маленькому окошку и тут же отвернулся. Вид в иллюминаторе настроение не улучшал. Аппарат летел на высоте, куда ни один нормальный капитан небесного крейсера и не подумал бы забираться — поля и леса в разрывах даже не слоистых, а *перистых* облаков казались неровными многоугольниками, разделёнными сетками дорог. Горы превращались в непонятные гребни-насыпи.

— Бойтесь летать, Станислав? — ехидно поинтересовалась яркая брюнетка в новеньком мундире, которая заняла кресло напротив моего.

— Полёт меня не пугает, мадам Арлетт Ревиль.

Брюнетка наклонилась вперёд, уперевшись локтями в столик и положила чётко очерченный подбородок на переплетённые пальцы рук.

— А что тогда заставляет вас ёрзать? Падение? — она улыбнулась, явно наслаждаясь моментом.

— Нет, даже не само падение, — я ответил светским наклоном головы, — Только резкая остановка в конце.

Девушка рассмеялась, прикрыв рот ладошкой, а отсмеявшись спросила:

— Хороший ответ. Но всё же, в чем причина вашей тревоги? Вы не летали до этого?

— Летал, просто наши воздушные корабли были иные. Больше всего они похожи на ваши цепелины, только иных форм. И в воздухе их держала не подъёмная сила газа, а...

Я пошевелил пальцами в воздухе, пытаюсь подобрать слова. Сложно объяснить принцип действия истока, которым сам не обладаешь, особенно если он тебе чужд. А капитаны воздушных кораблей обладали, по моим ощущениям самыми непохожими ни на что истоками в мире.

— В общем — магия их держала в воздухе, — наконец сдался я.

— Вот даже как, — заметила Арлетт, надула губки и приложила к ним изящный пальчик, в выражении комичной кукольной задумчивости, — Что ж, тогда я понимаю ваши эмоции и не буду заострять внимания на их причинах.

— Благодарю вас, — произнёс я, церемонно наклонив голову.

Арлетт величественно махнула рукой. Замечу, что несмотря на форменный мундир, она не забыла ни про маникюр, ни про макияж. Впрочем, длинные волосы были уложены тоже не совсем по-уставному.

— Пользуйтесь привилегиями своего положения, *лейтенант*? — спросил я, выделяя голосом её недавно полученное офицерское звание и кивая на её ногти.

Девушка взглянула на свои пальцы, будто только сейчас заметив маникюр.

— А, это? Ну да. Почему бы мне и не воспользоваться в кои-то веки. Вы не представляете, насколько меня бесит каждый раз красить ногти в туалете после смены, ведь маникюр могут только офицеры носить, — девушка фыркнула, — К тому же это просто дорого — я не могу сделать долгий маникюр, знаете, есть такая услуга в салонах красоты, наложить на пальчики такой лак, который держаться будет несколько месяцев, только меняй цвет по желанию.

— К сожалению, о таком я не слышал. Ваши артефакты не перестают меня удивлять.

— О, я заметила. Вы очень быстро приноровились к ним, — добавила она, кивнув на мой наряд.

Я опустил взгляд — собственно, Арлетт не ошибалась, я действительно довольно специфически носил положенный мне по статусу мундир. На мне были чёрные брюки, заправленные в высокие сапоги на среднем каблуке, форменная белая рубашка под жилетом-разгрузкой, кармашки которого я заполнил всякими полезными предметами, а поверх самого жилета был перекинут пояс-перевязь с двумя кольцами на бедре, в которые я продевал ножны катаны, закрепляя её таким образом скорее на западный, чем восточный манер. Поверх этого жилета должен был быть надет китель, который висел на вешалке во встроеном в стену шкафу. Впрочем, даже если бы он был на мне, более похожим на нормального солдата я бы не стал. Китель был притален и его полы доходили почти до щиколоток, превращая форменный пиджак скорее в привычный мне самому выходной китель офицера Российской Империи.

— Хорошо, что у вас нашлась штука, подгоняющая одежду под боевой стиль носящего, — заметил я, поправляя шейный платок, который естественно входил в комплект.

— Удивительно только, что она подошла под вот это — раздался у меня за спиной новый голос.

Капитан Алиса Стрелецкая показала в дверях салона. Девушка была всё той же уверенной в себе снежной королевой, и даже планка ордена, слишком высокого для её звания и возраста, не делала её образ мягче.

— Приготовьтесь к действию, мы снижаемся через пять минут, — сказала она, прошествовав в хвост самолёта.

— А где садимся? — спросил я у Арлетт, которая как раз начала вставать.

— В Вердене нельзя сесть, — покачала головой брюнетка, — Только смотреть сверху.

Несколько дней назад

Виктор фон Меттин в моём мире был родом из Пруссии, и именно там находился его лен. Как ни странно, это было очень хорошим местом для начала поисков — изрядная доля силы мага всегда остаётся в месте, где маги этого рода жили поколениями. Поэтому мой изначальный план был прост — я знал, где в Империи находился его лен, а следовательно, мог локализовать его и в этом мире. А если Виктор и открыл способ путешествия между мирами, то точка перехода должна быть именно там, ну или, по крайней мере — остатки методов, допустивших переход.

Алиса выслушала эту идею с уже знакомым мне сосредоточенным вниманием. Читать её мысли по лицу было практически невозможно (блондинка обладала каким-то невероятным уровнем контроля эмоций — может один из её мини-истоков?), но кое-что я всё-таки научился замечать. Когда я ткнул в место на разложенном на столе атласе, девушка слегка дёрнула щекой и я почувствовал, как она напряглась.

— Да уж, стоило ожидать, — вздохнула капитан Стрелецкая, откинувшись на спинку кресла. Её пальцы задумчиво крутили коробочку с орденом, таким же, какой достался мне, — Просто ничего не бывает.

— Что-то не так? — я изогнул бровь.

— Да нет, просто ваш визави, Святослав, прекрасно выбрал место для своего логова. Верденская зона отчуждения — не то место, в котором я бы хотела побывать. Почему кстати

Верден, вы же говорили он из пруссии, а это Франция?

— В моём мире Пруссия имела несколько иные границы. Но что значит «Зона отчуждения»?

Алиса вздохнула и покачала головой. Потом встала из своего кресла, подошла к шкафу (обычному, не несгораемому), провела пальцем по корешкам и вытащила книжку толщиной в палец. Передала мне.

— Вот, тут всё расписано. Почитай на досуге.

— Ага, почитаю. А что насчёт Виктора, капитан?

— Ну, мне не нравится идея лезть в Верден, но поскольку это единственный след, а времени нет... — Алиса пожала плечами, — Я обеспечу нам транспорт в самое ближайшее время.

* * *

«Ближайшим временем» оказалось послезавтрашнее утро, так что весь следующий день я посвятил тому, чтобы понять пределы открывшихся мне вместе с присвоением воинского звания возможностей, параллельно наслаждаясь разворачивающейся бурей из самого центра шторма. Надо сказать, буря была знатная.

Японского дипломата поймали на горячем — и не просто на горячем, а на самом мерзком преступлении из имеющихся — торговле людьми. Причём человек, который его на это толкнул принадлежал к весьма тайной японской государственной конторе и Империя, безо всякого сомнения, не могла даже нормально отбиваться, ведь пришлось бы раскрыть настоящий статус Виктора, что несомненно подвергло бы опасности другие операции, в которых он был задействован.

Если же Фон Меттин был абсолютным самозванцем и не имел к шинсенгуми отношения, то выходило, что один человек водил Имперскую Японию вокруг пальца хрен знает сколько времени, что означало такую потерю лица, от которой страна не отмылась бы лет двадцать. Наверное, европейское государство или даже моя родная империя предпочла бы проглотить подобную пилюлю, но для самураев, помешанных на чести и принципе «главное не быть, а казаться» такой вариант был практически неприемлем.

В общем, в результате японцы отбивались только по формальным признакам типа жалоб на штурм посольства и нарушение дипломатической неприкосновенности посла. В Европе такая линия защиты работала плохо — в паре шоу, на которые я наткнулся по телевизору, даже люди, которые вроде бы были апологетами курса Империи в основном признавали, что таки да, хреновая защита.

Впрочем, особого времени на наблюдение за тем, как одни политики с наслаждением песочат других, у меня не было. Во-первых, мне удалось принести присягу. В реалиях конторы, которой мне предстояло служить, это не означало публичного действия: на принятии присяги присутствовала сама Алиса и несколько мужчин, которых я не знал. Причём произошло всё рутинно — вышел, положил руку на прибор, подтверждающий клятву, и произнёс слова. По сути, это была одна из форм магического договора и именно она, как оказалось, наделяла агентов ограниченными силами истока. Правда, разбираться с ними мне предстояло на лету.

Во-вторых, в мою квартиру доставили обмундирование — зелёный китель, галстук,

рубашку и прочее. Но самое главное — Валентин Ивакин передал мне конфигуратор. Это был небольшой прибор, размером с портсигар, который был способен изменить вид форменной одежды так, чтобы наилучшим образом подходить истоку владельца этой формы. Причём, изменения эти происходили очень быстро — то ли мундиры у КГБ были артефактными, то ли конфигуратор был столь могуч. Впрочем, лишних вопросов я не задавал — Очевидно, что в узком кителе и штанах я вряд ли смог бы нормально махать мечом, так что конфигуратор превратил незапоминающийся китель в удобный и привычный мне длиннополый пиджак, добавил к набору жилет-разгрузку (который и делал мой новый мундир столь похожим на костюм, в котором я в этот мир прибыл).

В-третьих, тот же Валентин провёл меня в арсенал и предложил выбрать оружие. Ключевым здесь было «выбрать», так что, потыкавшись в различные версии самозарядных пистолетов, автоматических пистолетов и прочего добра, я остановил свой взгляд на громадном револьвере. Бирка на ящике гласила:

Револьвер штурмовой РШ-12.

Калибр — 12.7 мм, (12.7*55 мм).

Емкость барабана — 5 патронов.

Длина ствола: 270 мм.

Макс. Дальность: 300 м.

Габариты, мм: 357*53*159.

Масса, кг: 2.2 (без патронов).

Я вытащил здоровенного монстра из коробки и взвесил в руке. Наблюдавший за моими действиями Валентин немного иронично хмыкнул:

— Не компенсируешь ли, Стас?

— Знаешь... не думаю. Мой дуэльный пистоль был тяжелее, — ответил я, поднимая оружие одной рукой.

Впрочем, изрядный вес оружия всё же ощущался и в отличие от дуэльного пистоля, стрелять из этой мортиры предстояло более одного раза. Кстати, об этом...

— А тир тут есть?

Валентин кивнул, нажал на кнопку на стене и часть металлической панели ушла вверх, открывая обзор на очень длинный зал с выставленными мишенями.

— У нас всё тут на месте, никуда ходить не надо, — заметил Валентин и протянул мне наушники, — Дистанцию ставлю на... десять, тридцать, пятьдесят и сто метров.

— Поставь ещё и на триста, — попросил я, — Всё-таки написано, что это максимальная.

— Оно так написано потому, что к этой пищали можно приклад присобачить, вместе с оптическим прицелом, — пробурчал Валентин, — Впрочем, как хочешь.

Кстати, длина зала достигала, по-моему, метров пятисот, так что просьба была выполнима. Впрочем, ростовая мишень уже на ста метрах превращалась во что-то едва различимое.

Я надел наушники, открыл барабан и зарядил три патрона — для самых близких целей. Поднял тяжёлый револьвер, выдохнул и нажал на спуск, и почти сразу — ещё два раза.

Валентин, наблюдавший за моими действиями через оптику, уважительно присвистнул.

— Ну ты даёшь, Стас! Удержал-таки одной рукой. И как отдача?

— Подбрасывает изрядно, — признал я, — но в целом жить можно. Дай-ка я вдаль попробую.

— Хорошо, двигаю новые дорожки.

Я переломил револьвер, отчего три дымящиеся гильзы выскочили из барабана и зазвенели по бетонному полу. Вытащив ещё три патрона из пачки, я загнал их в барабан, привёл оружие в боевое положение и взвёл курок.

— Первый — на сто, — сказал я Валентину, прильнувшему к окуляру. Мужчина кивнул.

Я тщательно прицелился в мишень, которая на такой дистанции была едва ли крупнее мушки, выдохнул и нажал на спуск. Револьвер с грохотом подпрыгнул в руке.

— Девятка, — заметил Валентин, — сантиметр выше центра.

Кивнув, я перевёл прицел на последнюю мишень. Эта была уже размером меньше мушки и без подсветки была бы совсем неразличима. Я снова сосредоточился, прицелился и нажал на спуск.

— Семёрка, пять сантиметров выше центра.

Я выдохнул, сосредоточился и очистил разум. На мгновение перед глазами промелькнул образ Виктора и мои губы скривились в злобной усмешке. Вот в кого я хотел вогнать пулю!

Револьвер грохнул, подпрыгивая в моей руке.

— Десятка, — произнёс Валентин, — Точно в центр. Как ты вообще умудрился?

— У меня было много практики, — заметил я, подумал и добавил, — И правильный настрой.

— Что ж... поверю на слово. Ладно, распишись за эту мортиру... Да, вот здесь и тут. В ящике два запасных барабана, их можно менять отдельно. Три пачки патронов, каждая на пятьдесят. С собой все сразу таскать не надо, но, если что — вот лента, можно к разгрузке приспособить... Ну да, и вот аксессуары: приклад, глушитель ШШС-2... только не надейся, что сильно снизит этот грохот. Штатный коллиматорный прицел и оптический с трёхкратным увеличением.

— Спасибо, — сказал я, поставив последнюю подпись, — А сменные стволы есть?

* * *

В общем, остаток дня я собирал свой скарб, но закончить не успел. Пришлось продолжать следующим утром. За этим меня и застала появившаяся вечером Арлетт. Вообще она пришла к назначенному времени, поскольку Алиса упоминала что собирается всё обсудить накануне отлёта, но только сама капитан задержалась. Брюнетка же увидела здоровенный револьвер, который я бросил поверх рубашек в чемодан и следующие полчаса превратились в непрекращающийся поток шуток про размеры. Блондинка же пришла как раз с опозданием на эти самые полчаса и застала уже стадию пантомимы, в которой Арлетт кричала что-то про «О нет, офицер! Ваш пистолет слишком большой!» а я пытался сохранить на лице хоть какое-то подобие серьёзного выражения. Что было сложно, поскольку играла Арлетт очень убедительно.

Алиса, увидевшая этот цирк, захлопала глазами, а после пояснения, с некоторым изумлением воззрилась на мой «табельный револьвер».

— Ну ладно, ты можешь удержать отдачу, но всё равно — зачем тебе такой огромный револьвер?

— Затем, что он закрывает дыру, на средне-дальней дистанции, — заметил я, — и сложность работы по крупным целям. Помните облако, капитан? Мне непросто применять

некоторые приёмы на средних дистанциях, а с этой штукой я получаю возможность компенсировать. Потому что на самом-то деле моим основным оружием останется вот это, — я материализовал трофейную катану.

— Что ж, тогда я, пожалуй, понимаю вашу мотивацию, Стас. Хотя думаю, что какой-нибудь ГТ справился бы с задачей ненамного хуже... Впрочем, если мы говорим о цели с живучестью японского демона... вероятно, да, такая артиллерия может оказаться полезной. Ладно, машина внизу стоит, пора выходить. Готовы, Стас?

— Готов, — кивнул я, забирая у Арлетт револьвер, после чего бросил его в кобуру на груди и застегнул клапан, — А на чём мы поедем, кстати?

— Не поедем, а полетим, — улыбнулась Алиса, — Готова поспорить вы такого ещё не видели!

У меня неприятно засосало под ложечкой. Что-то мне подсказывало, что ничего похожего на привычные мне воздушные корабли мир победившего пролетариата предложить не сможет. И это, честно говоря, не радовало.

«Впрочем, жаловаться на то, что иной мир развивается иначе наверное глупо,» — подумал я и бросил в чемодан книжку про Верден, которую мне вчера выдала Алиса.

— Забыла спросить, зачем тебе чемодан, кстати? — шепнула Арлетт, — Мы надолго не задержимся.

— Привык готовиться к худшему, — ответил я брюнетке.

Транспорт, на котором предстояло лететь, доверия мне совершенно не внушал — ребристый сигарообразный корпус длиной метров наверное десять-пятнадцать, с узким носом и сужающейся кормой казался гротескным подобием птицы, разве что крылья и... хвост видимо? Ну в общем они не двигались, в отличие от тех, что были на оригинале, а сам транспорт сильно напоминал линейно увеличенный в размерах воздушный змей или планёр.

«И они вот на ЭТОМ летают?» — подумал я, выходя из машины и качая головой.

Алиса, заметив моё удивление, спросила:

— А в вашем мире не было полётов?

— Нет, были, просто аппараты совсем иные. Честно говоря, этот вот — я кивнул на серебристый корпус, — не выглядит особо надёжным.

— Другого, к сожалению, нет, — пожалала плечами девушка, — И я говорю «к сожалению» безо всякой иронии. Там, куда мы направляемся, я бы предпочла надёжность, но... Имеем что имеем.

— А что такого в Вердене? Это вроде бы часть Франции в этом мире.

— Стас, неужели вы опять не прочитали книгу, которую я дала? — вздохнула Алиса, укоризненно глядя на меня.

— Ну, времени не было, — улыбнулся я, — Думал почитаю в полёте.

— За тот час, который мы будем до Вердена лететь?

— На воздушном корабле из моего мира мы летели бы дольше — около суток.

Алиса открыла рот и тут же его закрыла, указав пальцем на мой багаж.

— Это объясняет наличие чемодана. Что ж... Ладно, тогда сами увидите, что нас ждёт.

С этими словами девушка направилась к серебристой сигаре, к которой как раз подали самоходный трап. Люк откинулся в сторону и из него показалась голова Арлетт. Увидев направляющуюся к трапу Алису, брюнетка улыбнулась и помахала рукой:

— Всё готово, Эли! Взлетаем, как только вы сядете!

— Вот и хорошо, — кивнула блондинка, повернулась и обратилась ко мне, — Пойдёмте же, Стас.

Взлёт, набор высоты и выход на курс мне практически не запомнились — ну кроме того пугающего чувства на взлёте, когда тело становится невесомым и словно проваливается в пустоту. Наверное, я побелел — во всяком случае, хитрая ухмылка Арлетт сменилась тогда на выражения искреннего беспокойства. Впрочем, стоило мне отдышаться, ухмылка вернулась на место. Впрочем, на Арлетт я зла не держал, скорее наоборот — её подтрунивания и болтовня успокаивала, да и, сказать честно, заняться на борту было особо нечем.

Собственно, кроме нашей тройки на борту было лишь два члена экипажа — командир и первый помощник/бортмеханик/мастер на все руки. Что интересно, судя по разрозненным обрывкам диалогов между ними и Алисой, весь полёт бегавшей между какими-то приборами в хвосте корпуса и кабиной пилотов, ни экипаж, ни сам аппарат, который как я узнал называли самолётом, не были приписаны к КГБ. Правда, и совсем уж гражданскими они не были — скорее что-то вроде вольных исследователей, которым Алиса доверяла лично, во всяком случае, говорила она с ними не так, как с тем же Валентином или Эдмондом, а скорее, как с Арлетт.

Само транспортное средство тоже к стати не было из числа самых удобных, но небольшой вытянутый салон был полностью в нашем распоряжении, правда поскольку ни я, ни Арлетт помочь Алисе ничем не могли, нам оставалось только пересучиваться и глазеть по сторонам. Впрочем, ни сам салон (не слишком богато обставленный, скорее даже наоборот), ни вид за маленьким окном не представляли ничего интересного. Правда меня беспокоила тряска, которой иногда подвергалась наша железная птица, но эта тряска приходила и уходила, а Арлетт сообщила, что всё вполне нормально.

* * *

— И где мы садимся? — спросил я, пялясь на пелену облаков, в которую погружался самолёт.

— В Вердене нельзя сесть, только смотреть сверху, — сообщила Арлетт внезапно посерьёзневшим голосом.

— Мы будем смотреть сверху — сообщила Алиса, — Искать то место, где, по вашим словам, скрывается Меттин.

— Ну тогда искать не придётся долго — его фамильное гнездо — это замок семнадцатого века в полумиле на север от Вердена. Там такой заросший лесом холм и... — я наклонился к иллюминатору и осёкся.

Облака за иллюминатором исчезли, вместе с туманом. Самолёт летел по абсолютно чистому небу, в котором не было ничего вообще кроме далёкого солнца. Я посмотрел в другой иллюминатор и увидел, что облака словно бы обрезало ножом в паре миль позади. Впереди же под нами лежал Верден. Или точнее — что от него осталось.

— О боже, — пробормотал я, вглядываясь в перекрученный дрожащий пейзаж за окном, — что же вы натворили...

Алиса покачала головой, но отвечать на риторический вопрос не стала. Вместо этого девушка сообщила:

— Мы не можем опуститься ниже, придётся смотреть отсюда. Пойдём, в грузовом отсеке есть наблюдательный пост...

Словно дожидаясь этих слов, самолёт снова тряхнуло, но на этот раз ощущения были другие. Пространство и время вдруг как будто замерли на мгновение, растягивавшееся до бесконечности... А потом меня, Алису и Арлетт словно бы растащило в разные стороны, во внезапно подступающую тьму.

* * *

— *Винсент. Винсент!* — голос ударил по ушам как молот.

Я с трудом продрал глаза. Передо мной в дрожащем свете свечи сияло лицо Жака. Впрочем, «сияло» — это не совсем правильное слово, учитывая количество грязи.

— *Что... что случилось?* — пробормотал я.

— *Грохот стих, слышишь?*

Я прислушался и тут же вскочил на ноги, чуть ре разбив лоб о низкий потолок бункера. Не смолкавший последние два дня грохот разрывов и правда пропал.

— Как ты думаешь, что это значит? — протянул Жак.

Я не ответил, вместо этого я развернул ординарца к себе и приказал:

— Подними сикха и живчика, нам нужна разведка и прикрытие. Путь осмотрят траншеи с первой по третью — говоря это, я натягивал китель и застёгивал кобуру с пистолетом, — Потом зайти в расположение «воронов» и скажи, что мне нужно предзнание на ближайший час...

Я пригнулся, выбираясь в траншею и поднял взгляд на чистое небо и так и застыл.

— Что за чертовщина?

Вот уж действительно — чертовщина. Видение? Сон? Непонятно. Магические энергии были переплетены так плотно, что даже с закрытыми глазами мне хватало одного колдовского зрения, чтобы ориентироваться. Впрочем...

Я мысленно проверил каждую конечность, незаметно для возможного наблюдателя пошевелил пальцами на ногах и потом — на руках, и только после этого поднял веки. В глаза ударил резкий свет, лившийся сверху. Мне потребовалась пара секунд, чтобы сориентироваться, но потом я понял, что свет падает из прорехи в потолке. Сначала я подумал, что упал, пробив спиной потолок, но потом понял, что в случае такого падения, вряд ли я бы отделался потерей сознания и видением. Пошевелив пальцами, я обнаружил под левой пластинку странной формы. Я поднёс её к свету и понял, что вижу перед собой бронзовую медаль. На аверсе выбито какое-то имя, но время его давно стёрло. Может быть, из-за этой медали я и увидел видение? Память предмета?

«Думать об этом не время,» — решил я и сунул медаль за пазуху.

Подняться на ноги удалось безо всяких усилий, за исключением того, что земля была довольно скользкой. Я вытащил из кобуры револьвер и осмотрелся. Света было немного, но достаточно, чтобы понять, что я нахожусь в каком-то подземном укреплении. Может быть, в том бункере из видения? Не знаю, сложно сказать — тёмные деревянные стены везде одинаковы, а незнакомый мне Винсент явно слишком хорошо знал свой окоп, чтобы его внимательно изучать, так что увидеть я успел немного. Но главное было понятно — с этой зоной многое было совершенно не так. Вот прям — совсем. Мир вокруг словно застыл — никаких звуков ветра, никакого движения, отчего мои собственные шаги отдавались в ушах та, будто я в кованных сапогах шёл по колоколу.

«Впрочем, неважно. Надо не изучать эту дыру, а выбираться из неё» — подумал я, направляясь к тёмному провалу тоннеля.

* * *

Ход петлял и извивался во все стороны, но наконец вывел в открытый бруствер. Я поднял взгляд на небо. По крайней мере оно было сверху, что для этого странного места уже было достижением, поскольку после тоннеля, в котором мне пару раз пришлось, я уверен, идти вниз головой, даже такие базовые вещи уже не могли восприниматься как данность.

С другой стороны, само небо было более чем странным. Во-первых, на нём не было облаков, вообще никаких. Во-вторых, оно темнело к центру, причём так, что этот самый центр был практически ночного оттенка. Наличие на небосклоне солнца, которое стояло почти в зените, на эти выверты атмосферы никак не влияло.

«Может над зоной более разряженная атмосфера? Ну или рефракция другая,» —

подумал я, продолжая наблюдать за небосводом.

За спиной раздался шорох, и я тут же повернулся на звук. Из-за угла тоннеля, который я недавно миновал, показалось бледное лицо под шапкой растрёпанных волос. Я слегка опустил револьвер, зная, что успею поднять его случись что, и прошептал:

— Что ты тут делаешь?

Тонкие губы изогнулись в улыбке, а на стенку тоннеля легли длинные пальцы.

— Сюда... Иди сюда... — прошелестел тихий голос.

«Ну да, побежал,» — подумал я, но тут осознал, что ноги двигаются помимо моей воли. Как интересно! Ну ладно, поиграем.

Продолжая идти к тоннелю, я поднял револьвер, взвёл курок большим пальцем и выстрелил. Грохот прокатился по застывшему в тишине миру. Тяжёлая пуля со свистом улетела внутрь тоннеля, прошила стену рядом с тонкой рукой неведомого гостя и взорвалась огненным вихрем где-то во тьме за поворотом.

Тонкогубый рот существа раскрылся в диком крике, который тут же потонул в рёве магического пламени. Чужая воля отпустила меня, и я остановился, призвал меч. Пара мгновений ушла на оценку обстановки, а затем я опустил клинок вертикально вниз резким быстрым ударом. Волна энергии переливаясь устремилась внутрь коридора, туда, где в языках пламени извивалось длинное, червеобразное и ничем не напоминающее человеческое тело, на которое был как перчатка насажен кусок торса с рукой и головой.

Что это было? Мутант, эксперимент пошедший не так, необычная форма жизни, возникшая в этом странном месте? Впрочем, неважно. Главное, что путь назад мне, судя по всему, заказан — не имею никакого желания встречать подобную тварь в узком подземном тоннеле, в котором ещё и творится всякая чертовщина с физикой и гравитацией. Значит, придётся выбирать.

Я спрятал оружие в кобуру, убрал меч в ножны и закрепил последние на поясе. Огонь в тоннеле уже стих, оставив после себя дымящуюся обугленную тушу. Бросив на неё короткий взгляд, я подошёл к стене бруствера, взялся за край укреплённой брёвнами и досками траншеи и подтянулся. Несмотря на тяжесть разгрузочного жилета и снаряжения, сложности это действие не вызвало, что прямо намекало на то, что если я и получил какие-то повреждения от падения, то явно не слишком серьёзные.

Поднявшись на гребень, я тут же понял, что это ещё не вершина. Спереди была ещё одна стена, а за ней — ещё одна. Судя по всему, местные укрепления имели как минимум по пять метров в глубину. Интересно, от чего нужна такая защита? Огненный смерч, вроде высвобожденного мной выстрелом из револьвера в общем-то справится и с такими защитными стенами. Были бы мы рядом с берегом, я бы поставил на защиту от корабельной артиллерии, но здесь, в глубине суши, куда не дострелит ни один корабль... даже не знаю. Возможно, мне просто повезло упасть на бывший штаб? По крайней мере это объяснило бы беспрецедентные фортификации...

Размышляя подобным образом, я прошёл вдоль стены бруствера к примеченной заранее лестнице из всё тех же брёвен. Стараясь не оступиться, я поднялся на следующий уровень, а потом уже и взобрался на последнюю стену. И только тут понял свою ошибку — увиденные мной фортификации отнюдь не были «беспрецедентными», скорее уж — наоборот. Всё поле, докуда видел глаз было изрыто траншеями, окопами, огневыми точками, перемотано колючей проволокой и утыкано какими-то сварными конструкциями. И этот безрадостный вид простирался до самого горизонта, причём в любую из сторон.

За следующий час я прошёл не более километра. И за это время вопросов появилось куда больше, чем ответов. Зачем нужна столь глубокая эшелонированная защита? Кто и с кем тут сражался? Почему это место стало «зоной отчуждения»? Ничего из этого я не знал. Но я знал другое: против кого бы её не строили, в конечном итоге это не помогло. Огневые точки были разворочены, доты смотрели в небо балками перекрученного металла, колючая проволока местами проржавела и осыпалась, в то время как в траншеях иногда плескалась непонятная жижа. Война превратила эту зону укреплений в пустошь, мёртвую зону, в буквальном смысле — мёртвую. И как тут надо искать Виктора мне было абсолютно неясно...

В голове вдруг взвыло чувство опасности — не какая-то конкретная магическая способность, а ощущение неправильности, обманчивости того, что передо мной. А что, собственно, передо мной? Я прищурился, глядя на клочок земли между двумя траншеями. Он был не шире десяти метров и вроде бы ничем не отличался от соседних. И вместе с тем, инстинкт опытного ветерана так и орал «не лезь туда!» и ему я был склонен поверить.

Я осторожно подобрал с земли обрезок проволоки с прикрученными к ней колючками, снял одну такую и бросил перед собой. Снаряд не долетел и до середины странного участка. Из-под земли взметнулись искры, огненные плети рассекли воздух и схватили кусочек железа, сжали, сдавили и нагрели так, что он каплями серебристого металла упал на землю, где уже виднелись другие скопления подобных странных капель.

«Так вот на что я обратил внимание,» — пришло вдруг осознание, — «Эти странные капли металла на земле, угольки невесть из чего образовавшиеся и прочее. Причём, судя по количеству этой дряни, запас энергии в этих заклятьях может ещё меня пережить».

Для проверки, я запустил ещё одной стальной колючкой — её постигла та же самая участь, что и первую.

Я присел на корточки и задумался. В принципе, мне виделось три пути: пройти другим путём, изучить и попробовать обойти ловушки или пройти напролом. Наткнись я на эту дрянь скажем полчаса назад, я предпочёл бы обойти, но сейчас... Я окинул взглядом соседние участки.

Слева виднелась дыра в земле, над которой дрожало странное синее свечение, справа же была одна из залитых непонятной жижой траншей. Честно говоря, лезть ни в одну, ни в другую зону мне совершенно не хотелось. Траншеи и без мутной дряни были местом неприятным (наткнуться на ещё одного червяка, каким-то манером обладающего даром внушения мне не улыбалось, не говоря уже о пространственных аномалиях), а уж лезть по хрени, которая была похожа на загустевший туман и в которой я пару раз наблюдал всплывающие кости и черепа, желания точно не было.

Вторым вариантом было изучить ловушку. Для проверки, я кинул несколько завитушек и убедился, что некоторые из них действительно не попали под воздействие огненных плетей. И в теории за пару часов я мог натаскать мусора и обозначить зоны этих самых ловушек. Только вот у меня не было этих часов. Почему-то мне совершенно не улыбалось оставаться в этих полях ночью. И даже если я сам это всё переживу, переживут ли остальные? Мысль резанула как нож — как там Алиса и Арлетт? Им повезло также. Как и мне или... В голове тут же начали всплывать довольно мрачные перспективы. Не был ли

один из черепов, которые я видел в траншеях, некогда увенчан шапкой светлых волос?

Я скрипнул зубами, глубоко вздохнул пару раз и заставил себя успокоиться. Паникой делу точно не поможешь. Надо действовать разумно. А разум подсказывает, что раз два первых варианта не работают, остаётся только третий — идти напролом. И он, как ни странно, мог оказаться самым подходящим. Вытащив меч из ножен, я опустил в низкую стойку и ввёл себя в нужное состояние. Перед глазами вспыхнули линии, не тоньше волоса, блестящие как паутины они висели в воздухе, соединяя ничто с ничем. И в том, что я их видел, состояла часть моего Истока. Взмахнув мечом, я перерубил ближайшую к себе нить силовой волной. Из-под земли взвились плети и тут же опали, осыпались хлопьями пепла. Я повернулся и нанёс следующий удар, и ещё один и ещё. Не прошло и четверти часа, как я в буквальном смысле прорубил себе дорогу дальше. И всё же, наступая на осыпанную пеплом землю я чувствовал тревогу. Пожалуй, даже страх — мало кто так боится остаточной боевой магии, как ветеран многих магических войн, потому что мы-то знаем, насколько мерзкими могут быть последствия таких кампаний. Но ничего страшного не произошло — я без приключений пересёк разряженный участок, спрыгнул в очередную траншею и...

Увидел впереди наш самолёт.

Серебристому аппарату не повезло. Очень сильно не повезло. Самолёт продолжал висеть в воздухе, поддерживаемый незримыми магическими нитями, словно муха, попавшая в паутину. Вид у него при этом был весьма непрезентабельный: заднюю часть фюзеляжа оторвало напрочь, вместе с левым крылом, кабину выгнуло наверх, почти размазав о металл. Что именно произошло при этом с пилотами, несложно было угадать. А вот что касается моих спутниц — тут уже всё могло быть не столь печально.

Первым делом я уже привычно выбрал траншею, пойдя вдоль которой я дойду до самолёта. Последний висел вроде бы обманчиво-близко, но я понимал, что на самом деле, скорее всего напрямую до него около километра, но напрямую, как говорится, только вороны летают. Мне же придётся выбирать маршрут из тех, которые имеются, а уж будет он лучшим или наиболее удобным, я вообще скорее всего никогда не узнаю.

Я залез на какой-то перекрученный кусок металла, несомненно, когда-то бывший частью оборонительной гряды и осмотрелся. Система траншей, как следовало из предыдущего опыта, была эдаким слоёным пирогом, и наиболее опасные для пересечения участки находились как раз между ними — что и логично, никто не хочет ведь, чтобы солдатам было легко брать подобные укрепления. Так что да, по сути, структура этого пирога была простой: средства дальнего поражения (я видел могучие осадные жерла, спрятанные в бронированных башнях) стояли дальше всего, надёжно прикрытые от вражеского огня изгибами местности, перед ними были бетонные стены с дотами, в которых были установлены пулемёты и автоматические малокалиберные пушки. На самом стыке линий тем временем находились самые обычные траншеи, пусть и состоявшие из нескольких уровней. Несложно догадаться, что ничейную землю между направленными друг на друга траншеями обе стороны наштагивывали всеми ловушками, которые имели, поэтому перемещаться, так сказать, через линию фронта (постоянно меняющуюся, судя по всему) было намного сложнее, чем даже идти по тоннелям с пространственными аномалиями и червяками.

Я усмехнулся. Командиры небось думали, что в момент неизбежного наступления отключат «свои» ловушки и полезут вперёд, понеся «приемлемые» потери. Откуда им было знать, что магия имеет свойство менять структуру и суть когда долго находится в близком контакте с другой магией? А потом получают вот такие вот огненные щупальца-хваталки, которые, судя по всему, смогли бы пережарить абсолютно любое количество солдат, которых через них прогонят.

Впрочем, мне повезло — самолёт находился почти на одном слое со мной — серебристая сигара его корпуса мерцала в застывшем воздухе совсем рядом с одной из массивных артиллерийских башен, в самой глубине укреплений. Поэтому мне предстоит «всего лишь» идти вдоль этих самых траншей, не особо беспокоясь о том, как именно мутировали заклятья, наложенные сражавшимися здесь бойцами.

«Зато тебе придётся беспокоиться о том, как именно мутировали заклятья, наложенные на пушки, пулемёты, боеприпасы и самих защитников,» — ехидно заметил внутренний голос, — «Та странная светящаяся синим воронка, в которую ты решил не лезть, ведь тоже осталась от чего-то опасного».

Я кивнул, признавая правоту своей более пессимистичной стороны, и стал спускаться в

траншею — по крайней мере, ближайшие пару сотен метров можно пройти в относительном комфорте, благо траншея не была залита непонятной дрянью, да и тоннелей не имела.

* * *

Следующие полчаса я не особо быстро продвигался по извилистым траншеям. Растянутый на невидимых нитях самолёт был отличным ориентиром, да и оборонительная гряда дальних укреплений тоже была более чем заметна на фоне застывшего неба. За время путешествия по траншее мне лишь трижды встретились преграды, потребовавшие для их преодоления усилий, сходных с теми, которые я приложил чтобы пройти через кусок ничейной земли.

Сначала в траншее, по которой я шёл обнаружилась непонятная лужа словно бы жидкой ртути, из которой к стенам шли толстые нити чего-то, похожего на серебристую паутину. Лезть через эту дрянь мне не хотелось, уж очень субстанция показалась подозрительной своей... демонстративностью что ли? Огненные хлысты-ловушки прятались от глаз, а эта фигня была прямо на виду. В общем, я поднялся на следующий уровень траншеи, а потом и вовсе на поверхность, обходя странное место через витки колючей проволоки.

Второй раз, когда ртутная лужа осталась в сотне метров позади, мне встретился достаточно хрестоматийный случай магических отходов: случайное анимирование материи. Глина и камень шевелились в подобии жизни вокруг ржавых боеголовок, во время битвы видимо попавших на заминированный участок земли между двумя соседними траншеями. Магические энергии переплелись самым причудливым образом и придали неживой материи признаки живой. Нет, конечно, не гуманоидных големов — такой уровень убывания энтропии был уж слишком невероятным, скорее это было что-то вроде примитивных одноклеточных, выросших в размере в тысячи раз. Эта амёба медленно двигалась по ничейной земле, движимая лишь одним инстинктом — она хотела жрать. Ну или, если точнее — поглощать энергию, накопившуюся в ловушках. Возможно, одна из этих ловушек амёбу прикончит. Возможно, омерзительное создание дойдёт до конца своего пути, напитавшись энергией и перед ним встанет вопрос, что делать дальше. Возможно было всякое, но я взял на себя смелость решить будущее этой твари самостоятельно. Меч взвизгнул, рассекая воздух, и незримая волна отсекала и нарезала боеголовку на десяток частей. Странный симбиоз магических энергий исчез вместе с детонировавшими наконец заклятьями боеголовки, и куча земли и камня рассыпалась по траншеям, потеряв обретенное подобие жизни.

Третий раз проблема подкралась незаметно — дело в том, что я только-только перешёл в следующий «уровень» оборонительного пояса, а именно — бетонные укрепления с орудиями средней дальности. В силу того, что я только-только тут оказался, я не осознал в должной мере опасность, когда сунулся в длинную вытянутую залу, потолок которой тонул во тьме. В мою защиту можно только сказать, что я привык видеть преграды как ту или иную форму магической ловушки или чего-то живого или оживлённого той же магией. Тем временем, локальных изменений законов реальности я после первого путешествия по странно изгибающемуся тоннелю больше не встречал. До этого момента, я имею в виду.

Я шёл по кромке зала, вдоль стеллажей давно застывших аппаратов, освещая себе путь клинком катаны, вокруг которого закрутилось маленькое огненное торнадо. В другой руке я

держал заряженный револьвер. Последний, кстати, я держал в руке взведённым скорее для спокойствия, а не из-за каких-то опасений. Наоборот — никаких опасений у меня не было, потому что ни моё чутьё, ни ощущение магии ничего опасного не наблюдали.

Но вот завернув за очередной угол, я как-то слишком неудачно оступился, взмахнул рукой и нажал на спусковой крючок. Револьвер полыхнул мощной дульной вспышкой, тяжёлая пуля вылетела из среза ствола и устремилась вперёд, набирая свою чудовищную скорость... а потом начала её терять, причём очень быстро. С изумлением я наблюдал, как тридцатиграммовая пуля летела всё медленнее и медленнее, а потом и вовсе застыла в воздухе, примерно в четырёх метрах передо мной. Сначала я подумал, что это просто... ну, местная странность, которых в Верденских траншеях хватало, а потом... потом на эту странность начали наслаиваться другие детали.

Самой первой была та, что я собственно пулю видел — и это несмотря на то, что в густой тьме мой самопальный факел освещал не более чем на метр-полтора вперёд. Быстро проследив взглядом источник света, я поднял глаза к потолку и увидел словно бы... цепочку событий. Вот я спотыкаюсь, вот нажимаю на курок, вот стреляю и вот вспышка выстрела освещает всё вокруг. Только вот изображений в этом калейдоскопе было, наверное, бесконечное количество и все они уходили, уменьшаясь, складывались в сложную фрактальную фигуру. Именно она, теми частями в которых «я» только нажал на спуск и освещала всё вокруг. И вот этот последний факт испугал меня по-настоящему. Отражение не может освещать реальность, это очевидно, но кто тогда стоит в бесчисленных отражениях надо мной? Что будет в тех кадрах, в которых калейдоскоп догонит реальность и какой-нибудь из этих «я» поднимет голову и увидит меня?

«А ведь что-то такое и произойдёт,» — пришла на удивление спокойная мысль, — «Я ведь двигаюсь в сторону замедления времени. Вон там, в четырёх метрах передо мной — горизонт событий, за которым кроется что-то, информация о чём не может даже вернуться ко мне в виде света. Пока что меня защищал от участи познания этого странного места однообразный поворот коридора — он всегда сворачивал налево. Но вместе с тем, это не диск, это спираль и с каждым новым витком я приближаюсь к точке, за которой лежит неизведанное.»

Вот от последней мысли меня прошиб пот. Первое что узнаёт каждый маг, буквально первый урок, который он учит и чаще всего — ценой своей ошибки, крови и страданий заключается в том, что Неизведанного надо бояться и избегать. Потому что в магии и истоках Неизведанное — это не обещание увлекательного приключения, это символ пути к сердцу вселенной, настолько для тебя непостижимому, что ты запнёшься только при встрече с дверью.

«Уважай тайну. Не беги за знанием вслепую — некоторые знания лучше не получать. Уважай магию. Бойся старой крови,» — так меня напутствовал мой лучший учитель и ни разу его наука не оказалась лишней.

К счастью, я не успел углубиться достаточно глубоко, а вернуться по своим следам было гораздо проще — пока что. Одновременно с моим возвращением, картинки в калейдоскопе надо мной начали двигаться быстрее и когда я вернулся к двери, через которую вошёл в этот странный зал, один из «я», самый близкий к актуальному мне току времени наконец поднял голову. Он увидел меня, в глазах его, освещённых пламенем множества дульных вспышек, промелькнула цепь мыслей, которые роились в моём собственном черепе, а потом... он улыбнулся и шагнул вперёд. Потом ещё раз и ещё. Остальные отражения, я видел, поступали

похожим образом.

Признаюсь — я не стал смотреть на то, что произойдёт когда тот первый «я» замрёт рядом с пулей. Не хотел я этого знать. Поэтому я бросился назад, спиной открыл дверь и резким движением выпрыгнул в ближайшее окно, благо до земли было недалеко. Да, лезть снаружи по полуразрушенной бетонной кладке будет непросто, но...

Некоторые знания лучше не получать.

* * *

«А теперь вопрос на миллион червонцев — и как мне дотуда добраться?» — подумал я, глядя на серебристый корпус в доброй полусотне метров впереди и надо мной.

После долгого перехода, я наконец добрался до оборонительной крепости. Времени ушло конечно куда больше, чем обычно нужно для того, чтобы пройти километр-полтора по пересечённой местности. Собственно, солнце уже начало потихоньку клониться к закату, а это значило что я гулял в общей сложности почти полдня — учитывая, что очнулся в той пещере около полудня.

И теперь я стоял у разрушенной стены оружейной башки, рядом со здоровенным жерлом осадной мортиры и думал, как мне добраться до висящего в воздухе самолёта. Наклонившись вперёд, я опёрся о ножны и вглядывался в серебристые изгибы корпуса. Может закинуть крюк? Я видел какой-то в одной из подсобных комнат. Если найти достаточно прочный трос, то...

— Стоять! — раздалось за спиной, — Повернись, медленно.

Скрипучий голос дрожал, а его обладатель находился похоже на грани паники. Поэтому я и не стал спорить. Осторожно подняв меч за ножны, я развёл руки в стороны и повернулся.

— Святослав? Неужели это вы? — раздался не верящий голос.

От тени у стены отделилась женская фигура, но голос на этот раз я узнал.

— Да, это я, лейтенант. Всё в порядке, — тут я всё-таки не удержался от улыбки, но попытался сделать так, чтобы она выглядела ободрительно, а не саркастично.

Арлетт всхлипнула, руки, державшие пистолет задрожали. Девушка и правда находилась на грани паники. Не сводя рук, я сделал три шага к девушке и только тогда ушёл с линии огня и осторожно опустил её оружие, о котором брюнетка похоже забыла. После чего убрал собственный меч на пояс и обнял дрожащую девушку.

— Всё хорошо, Арлетт, по крайней мере мы живы.

Брюнетка не отвечала мне, но я чувствовал, как её тело сотрясают рыдания.

* * *

— Нас с Алисой разделило. Мы убегали от... не знаю, чего, но чего-то огромного, оно обладало влиянием на разум.

— Звало к себе?

— Нет, скорее — наводило иллюзии. Поэтому я не знаю, какую форму оно приняло, — девушка покачала головой и отхлебнула из кружки.

Вообще выглядела Арлетт неважно — мундир порван, левого рукава кителя нет.

Изящные туфли на низком каблуке куда-то делись и вместо них девушка носила явно мужские армейские ботинки, тяжёлые и грязные. Надеюсь, хоть не с трупа их снимать пришлось.

Я наклонился вперёд и негромко попросил:

— Начни с самого начала.

Когда я её встретил, брюнетка была на грани паники и истерики. К счастью, я вспомнил, что некоторое время назад миновал относительно невредимую кухню, где несомненно должны были найтись припасы. Они и нашлись. Правда, ничего кроме консервов я решил не касаться, но остаточных следов магии вроде бы не было, а в кладовке даже нашлась банка кофе. Я усадил Арлетт за стол и начал хлопотать, рассказывая историю о своих приключениях при штурме Йокогамы. Конечно, процентов на сорок история состояла из вранья, но мне не нужно было донести правду, мне нужно было, чтобы Арлетт слышала спокойное журчание моего голоса и успокаивалась. Этого мне достичь удалось. Когда я наконец снял с огня турку (плитка была многофункциональная, и потребляла в том числе и дрова) в котором кипела набранная из бочки в кладовке вода и налил в чашку кофе, она уже не выглядела так, будто готова сломаться в любую секунду. А спустя ещё пять минут, девушка уже достаточно успокоилась, чтобы рассказать мне, что случилось.

Алиса и Арлетт остались внутри самолёта, когда он переломился, а вот меня из него выкинуло словно бы неизвестной силой.

«Я вообще не ожидала, что ты выживешь. Высота была километров пять,» — сказала Арлетт откровенно.

Я в ответ на это кивнул — ну да, очевидно, что после такого падения не живут. Остаётся вопрос, а почему я-то стал исключением?

Самолёт переломился в хвостовой части, попав в то, что когда-то видимо было противозащитной сетью. Я хотел задать вопрос о том, почему тогда мы полетели на самолёте, но решил, что не стоит уж слишком давить на девушку. В конце концов, маршрут выбирала Алиса и она в конечном итоге решала, что и как делать, а учитывая какие близкие отношения связывали девушек... лучше не лезть с критикой, по крайней мере сейчас.

Особенно учитывая, что Алиса проявила себя прям очень достойно — бросилась в кабину, чтобы спасти пилотов, но было уже поздно — обоих уже прошло заградительной картечью.

— Отсюда не видно, но на самом деле вся передняя проекция изрешечена, — негромко сказала Арлетт, — Это уже когда мы упали почти на башню, кабину изогнуло.

В общем, увидев положение дел, Алиса вернулась, схватила Арлетт за руку и утащила в хвостовую часть самолёта. На вопрос, зачем, капитан ответила так:

«Нас поймало в сеть, которая перехватила крылья и нос. Но хвост цел и, если мы его отсечём... у меня как раз есть подходящий инструмент для обеспечения посадки».

— Посадка правда не была мягкой, — скривилась девушка, — Скорее она была сродни тому, как лодку на берег выбрасывает: нас протащило по траншеям, ничейной земле и минам. Не знаю, каким чудом мы это пережили, если честно.

— Понимаю, — кивнул я.

— В общем, мы выжили, только вот всполошили всё поле. Пришлось бежать от... — девушку передёрнуло, — всякого. Хорошо, что у Алисы были при себе очки ауроспектра, а то я свои в багаже оставила, а он оказался недоступен. Из тоннелей полезли очень странные твари.

— Червяки с человеческими торсами, обладают ограниченным влиянием на сознание?

Девушку передёрнуло:

— Да, ты тоже таких встречал?

— Одного, — кивнул я, — и для червяка это плохо кончилось.

Арлетт вздохнула, снова отхлебнула кофе и продолжила:

— В общем я немного запаниковала: без тебя наш полёт был лишён смысла, Святослав, — моё имя она произносила с правильным ударением, благо оно было на привычный ей последний слог, но странно растягивала «е», — Но Алиса была уверена, что ты в порядке, и я не знаю почему.

«Потому что присяга — это магический контракт и все участвовавшие в заключении знают состояние всех других сторон,» — подумал я, но вслух говорить не стал. Объяснять, что и почему пришлось бы долго. Вместо этого я сказал полуправду:

— Мы знаем это из-за отношений начальник-подчинённый. Собственно, я тоже знал, что она жива и искал вас, хотел как раз у обломков следы посмотреть.

Брюнетка вздохнула и вдруг лицо её просветлело:

— То есть ты знаешь, что она в порядке?

— Да, знаю, — сказал я, мысленно обратившись к струнам магического договора.

— Тогда мы должны её искать! — девушка вскочила.

— Должны и пойдём. Но сначала ты галеты съешь, которые я нашёл, и допьёшь свой кофе, — сообщил я, указывая на её стул, — Тебе может и не ощущаешь сейчас, но ты едва на ногах держишься, на одном адреналине.

— Но...

— Послушай, ты дольше спорить будешь, чем жевать.

— Хорошо, я поняла.

После того, как мы поели (я тоже перекусил галетами, благо они не имели признаков порчи), нам предстояло выдвигаться вперёд. Арлетт явно не пришла в себя до конца, но задерживаться не стоило — чутьё подсказывало, что ночью безопаснее не станет, скорее наоборот, а ведь солнце уже миновало зенит довольно давно.

Правда, прежде чем двигаться дальше, предстояло понять, куда именно. В комнате рядом с офицерскими покоем обнаружилась довольно большая карта местности, по которой Арлетт смогла примерно указать, как она двигалась. Сравнив полученные от неё данные с видом из окна дальнего укрепления, я действительно увидел хвост самолёта именно там, где и должен был. К сожалению, найти место, где Арлетт рассталась с Алисой было сложнее — в той зоне, как сама Арлетт и рассказала, клубился странный туман и дымка искажала картину. Возможно, Алиса была где-то там, но... Не знаю.

— Мы пойдём туда, — сказал я, указывая на корму самолёта.

— Зачем? Туда же сбежались червяки и прочие твари.

— Как сбежались, так и разбегутся, но нам нужны припасы. Это во-первых, а во-вторых, искать Алису в дыре, из которой ты чудом выбралась — бесполезно. Если туман и правда такой плотный и скрадывает действительность, то мы в нём можем проплутать до ночи и даже дольше. Мы должны идти к заметному ориентиру, а такой тут только один. Из тех, о которых знают все присутствующие. Если Алиса будет нас искать, то несомненно пойдёт туда.

Брюнетка нахмурилась:

— Ты не слишком переоцениваешь её экстрасенсорные способности? Она может решить продолжить путь к самолёту, ведь мы видели его от места падения.

— Нет, потому что мы скажем ей, куда идти.

— И как мы это сделаем?

Я указал на пистолет парижанки:

— Это ведь не штатное оружие?

— А? — она посмотрела на потёртую кобуру, — Нет, я тут нашла. Этажом ниже есть оружейная комната.

— Вот туда и пойдём, — кивнул я.

* * *

Оружейная была наполовину завалена, но необходимые мне вещи нашлись. Пока я ковырялся в ящиках, Арлетт взяла с одной из полок длинную винтовку, разрядила, заглянула в казённик и зарядила обратно, после чего взяла сумку для гранат и стала складывать в неё патроны, после чего повесила сумку через плечо крест-накрест с другой сумкой, на которой был изображён красный крест.

— Ты думаешь, медицина не протухла?

— Бинты не протухают, если герметичны, — пожалала девушка плечами, — как и хирургические наборы и морфий, если правильно хранить. А я взяла из холодильника.

— Где это?

— Тут рядом небольшой лазарет, видимо тоже для командного состава. Там был ледник.

— Он работал спустя столько лет? Тебя это не удивляет?

Вместо ответа, девушка зарядила в винтовку один патрон направила оружие в зарешёченное окно и нажала на спусковой крючок. Громоздкая винтовка гулко бумкнула, окно разлетелось на осколки, а с потолка посыпалась штукатурка.

— Если работает винтовка, почему бы не работать лекарствам?

— Справедливо, — я скривился, стряхивая с шевелюры побелку.

— А ты что искал?

— Вот это, — сказал я, указывая на ящик, — Сигнальная ракетница и ракеты трёх цветов, полный комплект. Мы подадим Алисе сигнал при помощи них. Если вы шли к этой башне, значит сможете их увидеть.

— А если она идёт по средним галереям? — девушка имела в виду оборонительный пояс с теми самыми пулемётами и автоматическими пушками, — Из бетонных траншей много не увидишь.

«Резонно».

Я закрыл глаза и прислушался к ощущениям, а затем покачал головой.

— Нет, она довольно далеко, минимум в километре от нас. Но тем не менее, ты права — один сигнал она может и упустить. Поэтому я и взял столько ракет: если будем повторять будем каждые полчаса, то хватит, наверное, на десяток сеансов, — я пожал плечами, — Хоть один из них Алиса увидит.

— Хорошо, — девушка улыбнулась, — Главное, чтобы она увидела. Но почему бы нам просто не позвать её сюда?

Я покачал головой:

— Кто бы не устроил крушение самолёта, он явно хотел, чтобы тот упал как раз на это укрепление. Мне не хочется быть здесь, когда наступит ночь — мало ли.

— Да, ты прав, — девушка повесила на плечо ремень винтовки.

Я изогнул бровь. И спросил:

— Ты её с собой возьмёшь?

— Просто следую твоему совету. Если до ночи не справимся, — настала очередь Арлетт многозначительно пожимать плечами, — По крайней мере у меня будет что-то приличного калибра.

* * *

Выбирались мы в молчании. Сначала из-за осторожности — мы шли по залам, где до этого не бывали и встретиться нам могло абсолютно что угодно. Потом молчали уже скорее по привычке. Но молчание затягивалось и мы начали перебрасываться односложными репликами, а потом брюнетка всё-таки задала вопрос, который явно беспокоил её довольно давно.

— Почему ты такой спокойный? — поймав мой вопросительный взгляд, она пояснила, отведя глаза, — Я не горжусь тем... что со мной было часа полтора назад, но не понимаю, почему ты, Стас, так легко воспринимаешь окружающее.

Сначала я хотел отшутиться, но увидев выражение лица Арлетт, передумал. Для неё мой

ответ был важен, и я даже понимал почему. Ну что ж...

— К сожалению, мой способ тебе не поможет, — вздохнул я, — Видишь ли, мой малый исток, как и у любого верного солдата Империи, завязан на доступе к Псио — особому экстрасенсорному полю, которое мы используем для обмена информацией и защиты от чужого воздействия на наш разум. Я, например, предпочитаю использовать его для внушения эмоций-приказов, вынуждающих людей без защиты от ментального воздействия эти приказы исполнять.

— Но как защита разума защищает от естественных эмоций?

Я улыбнулся:

— Потому что никакие эмоции на самом деле не являются естественными. Понимая, что страх, гнев, ярость и прочее возникают лишь под действием гормонов в нашей крови, я могу отсечь эти действия и подавить их при творческом использовании этого истока.

— Что ты имеешь в виду под «творческим использованием» — Арлетт даже остановилась на секунду, — Исток это лишь исток, разве нет? Ты получаешь возможность зажигать огонь на пальце, какое тут творчество? Температурой манипулировать?

— Ты привела хороший пример. Ведь на самом деле, получая возможность зажигать огонь на пальце, ты не создаёшь огонь, точнее — огонь который ты создаёшь это не тот же огонь, который горел на пальце неолитического шамана, — пришла пора мне ловить удивлённый взгляд спутницы и пускаться в разъяснение, — Ну, тот шаман не знал ничего о газе, который может гореть, о температурах горения и состоянии вещества, поэтому в его руке горящий огонь был всегда огнём. Зато сейчас мы понимаем процесс перехода из состояния в состояние и знаем о плазме, например.

— Ты хочешь сказать, что реальность с тех пор изменилась? Что тогда не было плазмы?

— Не совсем, всё-таки сознание не до конца определяет бытие. Скорее... — теперь уже я замер среди коридора, подбирая нужные слова, — Скажем так, в вашем мире, Арлетт, истоки рассматривают как простой инструмент. А в том, который я покинул, из-за ограниченности в использовании и доступе к истокам, мы использовали их гораздо более творчески, чем вы. Поэтому, например, я могу использовать псио вместе со своим наследственным истоком для того, чтобы «отсекать» опасные или лишние эмоции.

— Ты можешь «отсекать» нематериальные абстракции, такие как эмоции? — уточнила Арлетт.

«Чёрт, слишком много сказал».

— Это всего лишь подбор слов. Не забывай, что исток определяет мышление и мне привычно смотреть на вещи с перспективы разделения и соединения. В конце концов, так уж я мыслю. А вот и конец этой зоны, — заметил я, предвосхищая новый вопрос, — пойдём, нам не так уж далеко осталось идти. Только...

— Не говорить без нужды, я помню.

С этими словами я вышел на балкон и спрыгнул на насыпь, по которой предстояло спускаться. Арлетт следовала за мной в молчании, видимо обдумывая услышанное.

* * *

Идти здесь было легче, чем с той стороны крепости, откуда я пришёл. Может быть, это было из-за того, что до линии соприкосновения были дальше? Хотя, с другой стороны, здесь

тоже виднелись линии разнонаправленной эшелонированной обороны, а далеко впереди, километрах в десяти от нас высилась артиллерийская крепость, близняшка той, которую мы только что покинули.

Местные траншеи и окопы уже походили на ближайший тыл, а не на линию соприкосновения: нам встречались стоявшие в траншеях артиллерийские установки, небольшие укрепленные здания, служившие чем-то вроде ремонтных цехов и прочие элементы военной инфраструктуры. Причём, судя по глубине укреплений и разветвлённости сетей снабжения, складывалось очень странное ощущение, словно...

— Эта линия окопов тут что, несколько месяцев стояла? — произнёс я, глядя на железнодорожный терминал, крыши и краны которого показались из-за очередной сопки.

— Около года, — заметила подошедшая Арлетт. Брюнетка, не обладавшая моим чутьём на опасность, зато вооруженная дальнобойной винтовкой, старалась держаться на несколько шагов позади, — Верденская битва длилась триста тридцать дней. Победителей не было.

— Битва с применением магии длилась почти год? — я покачал головой, — В таком случае, я не удивляюсь тому, что победителей не было. Я скорее удивляюсь тому, что последствия ограничились относительно небольшой зоной отчуждения.

— Почему?

Я нахмурился. Трудно объяснить такие тонкости человеку, не погружённому в детали магической теории. Впрочем, я никогда не боялся трудностей, да и долгий разговор отвлечёт девушку от размышлений о нашем положении.

— Магия не исчезает бесследно, когда ты используешь заклятье. На самом деле, чтобы вернуться в нормальную ткань реальности после использования простого огненного касание, — я зажёл на пальце огонёк, воспользовавшись предоставленным трофейным мечом силами, — материи нужны часы. После разрывного огненного шара — дни и так далее. Чем менее естественно явление, вызванное магом, тем больше времени нужно природе чтобы прийти в норму. Именно поэтому сильная магия в моём мире обычно носила черты природных явлений: штормы существуют в реальном мире, и перенаправить или ускорить образование имеющегося куда лучше, чем создавать аналогичное по разрушительности синтетическое заклятье. Сложнее, требует большего мастерства и таланта, а также соблюдения определённых условий, но всё же несравненно лучше. Потому что последствия для ткани реальности от перенаправленного шторма куда быстрее рассасываются. С другой стороны, когда используется огромное количество синтетических заклятий, эти последствия могут не успеть уйти, прежде чем наступят последствия следующего заклятия. Они будут наслаиваться одно на другое, всё больше и больше искажая реальность и... — я многозначительно обвёл мёртвые траншеи взмахом руки, — Результат ты видишь.

Арлетт кивнула как зачарованная и замолчала. Мы пошли дальше и прошли ещё метров двести, прежде чем брюнетка спросила:

— Но если сильная магия опасна такими последствиями, то зачем её вообще изучать? Использовать ведь не выйдет.

— Такого я не говорил... Осторожно, мне не нравятся эти пузыри, давай поверху, — я подал девушке руку и мы обошли опасное место по более высокому яруса каскадной траншеи, после чего я продолжил, — Так вот. Да, подобные использования опасны для реальности, но использовать их можно не только там. Можно создавать небольшие карманы реальности, где проводить магические дуэли, можно использовать для этих целей мёртвые

линии пространства-времени или иллюзорные отражения, — я поднял руку, увидев, как в девушка готова задать вопрос, — Не спрашивай, что это, отвечать придётся с месяц. Главная мысль в том, что, в принципе есть места, где использовать такие заклятья можно. Можно даже использовать самоподдерживающийся принцип в своих интересах.

— Это как?

— А вот так. Достаточно сильный огненный взрыв в карманном измерении даст тебе поддерживающийся цикл термоядерной реакции на миллиарды лет. Имея доступ к этому измерению, ты можешь черпать эту энергию. А знаешь, как мы называем самоподдерживающиеся термоядерные реакторы, висящие в пустоте мёртвого пространства?

— Звёзды? — Арлетт посмотрела мне в глаза, не до конца уверенная в правильности ответа.

— О, я не ожидал, что угадаешь. Но да, ты права — такая энергия сродни той, которую мы получаем от звёзд в виде света и радиации. Сама понимаешь — имея доступ к таким ресурсам, можно сотворить очень многое. Главное — не творить это в нашем мире или другом обитаемом, где эти эксперименты могут многим навредить. Потому что последствия использования магии большим количеством людей на маленькой площади невозможно предсказать и практически невозможно обратить вспять, когда нечистоты, так сказать, начнут заливать улицу.

Блеск слева привлёк моё внимание, и я остановился, приглядываясь.

— Арлетт, а ты не об этих «туманах», в которые вы с Алисой вляпались говорила?

Девушка поднялась на гребень рядом со мной, пригляделась и кивнула:

— Да, очень похоже.

— Тогда я даю сигнал.

— На сколько сеансов тебе ещё хватит ракет?

— На два. Хватит?

— Должно хватить. Место крушения уже близко... По-моему вон за той грядой — девушка провела пальцем вдоль укреплений в паре километров впереди.

Я кивнул и посмотрел на небо. Солнце уже начало клониться к закату.

— Надеюсь, что мы успеем затемно.

* * *

Успели. Правда во многом тут сыграла не наша скорость, а тот факт, что в этих траншеях не было живых или квазиживых противников, только разного рода аномалии, странности и пакостные вещества, которые мне было куда проще заметить и найти способ избежать. Винтовка Арлетт тоже пригодилась: девушка точными выстрелами выбила центр баланса у странного явления, больше всего напоминавшего виноградную лозу с ломавшими вокруг себя реальность зеркалами вместо виноградин и дрожащими пространственными искажениями вместо ветвей. Всадив по моему совету пули с кристаллизирующей руной в переменчивую воронку в центре этой композиции, девушка разрушила или скорее — на время остановила аномалию, что дало нам пройти. Кроме того, черви, которых привлекло падение самолёта, тоже не успели разбежаться и меткость француженки при стрельбе на дальнюю дистанцию стала хорошим подспорьем моему чутью, позволяя не связываться с тварями в ближнем бою. Они вроде бы не представляли большой угрозы, исходя из опыта

предыдущей встречи, но кто знает, как оно могло обернуться? Поэтому мы старались двигаться вперёд по открытым местам, лишь после того как тщательно осмотрим местность.

Вот и сейчас мы с Арлетт заняли позицию на гребне воронки, оставленной артиллерийским снарядом и смотрели на пропахавшую изрядную борозду хвостовую часть самолёта, серебристым огрызком сверкавшую в грязной мути древних траншей. Движения вроде бы не видно, хотя черви уже доказали свой талант.

Я извлёк ракетницу и открыл сумку.

— Последние, — заметил я, извлекая сигнальные ракеты.

Арлетт кивнула.

— Стреляй, я прикрою.

Мы уже некоторое время назад выяснили, что черви как-то опознают место запуска ракет и двигаются к нему, так что стрельба парижанки лишней не была. Впрочем, когда в небе расцвели один за другим четыре ярких дымных цветка, окружающая пустошь никак не среагировала. По крайней мере поначалу. Вдруг в одной из траншей, впадавших в наш кратер, возникло движение. Арлетт вскинула винтовку и прильнула щекой к прикладу, её палец лёг на спусковой крючок, а глаз сузился. Из-за поворота траншеи показалась фигура и парижанка, вздрогнув, убрала палец с крючка.

— Вы молодцы, что выбрались, — сказала Алиса, — И что сигнал смогли придумать. Спасибо.

— Не за что, капитан, — кивнул я.

Алиса с удовольствием налегала на найденную в чудом уцелевшем самолётном холодильнике провизию, а то время как Арлетт смотрела на подругу сияющими глазами. Мне было понятно почему — одно дело слышать мои увещания о том, что с Алисой всё в порядке, а другое — самостоятельно в этом убедиться.

— Никогда не думала, что самолётные обеды могут быть такими вкусными, — заметила наконец блондинка, открывая третий по счёту лоток.

— Это не обед вкусный такой, это ты проголодалась, — заметила Арлетт, — Только непонятно почему, мы же одно время на ногах.

— Потому что капитан использовала силу истока намного интенсивнее, — ответил я, — Без специальной тренировки, магия сильно тратит энергию организма.

— А ты разве не использовал свой исток, чтобы сюда добраться? Да и чтобы выжить при падении? — Арлетт удивлённо посмотрела на меня.

— Использовал. Но я и тренируюсь всю жизнь, — усмехнулся я в ответ.

— погоди, это интересный вопрос — как именно ты выжил? — спросила Алиса, — Мне удалось слегка замедлить падение обломка и спланировать на поле используя воздушный противоток, а ты же не обладаешь таким истоком.

Я неопределённо пожал плечами. Собственно, как я выжил, мне самому было неизвестно, хотя имелись догадки. Делиться же последними я посчитал... преждевременным. Даже не из-за недоверия или паранойи, просто мысль материальна, и даже более материальна если дело обстоит именно так, как я думаю. Поэтому я предпочёл ответить обтекаемо:

— Моё тело гораздо крепче ваших, — это было правдой, хотя конечно всей этой крепости абсолютно недостаточно для выживания после падения с такой высоты. Но чтобы эти вопросы у спутниц не возникали, я задал собственный, — Меня другое интересует — почему мы, собственно, упали? Капитан, разве не вы говорили, что на той высоте и том векторе входа нет никаких опасностей?

Алиса кивнула:

— Так и было. То, что с нами произошло было для меня такой же неожиданностью, как и для вас, Святослав. Мы попали в... я даже не знаю, во что именно, — девушка откинулась на спинку стула и помассировала лоб обеими руками, — Я как раз была в кабине и видела, как мы влетели в это. Будь мы ниже, я бы предположила, что мы оказались перед «кривым зеркалом» — так мы на профессиональном жаргоне называем особую гравитационно-пространственную аномалию, создающая словно бы отражение объекта. Зеркало существует недолго, но когда оно исчезает, разбиваясь под собственным весом, с объектом происходит тоже самое, что произошло с отражением. Поэтому самолёт и порубило на кусочки.

Я погладил пальцами подбородок и кивнул:

— Да, и правда похоже. Но почему ты сказала «будь мы ниже»?

— Потому что кривые зеркала не образуются в воздухе, только близко к поверхности, обычно — в тоннелях и замкнутых помещениях без доступа света. Это не одна аномалия — есть разные типы, множественные отражения, калейдоскопы, фракталы... Ой, что случилось?

— Да ничего, вилку уронил, — сказал я, поднимая с металлического пола предмет обихода.

Появившаяся из вечернего тумана девушка была мало похожа на ослепительную красавицу, встреченную мной на площади Бастилии. Ещё меньше она походила на строгую, точно с плаката сотрудницу спецслужб, которая допрашивала меня. На лице потёки грязи и крови, но ни ран ни шрамов нет — я знал почему, почувствовав знакомый запах исцеляющего заклятья. Колдовство, являющееся обращением вспять течения времени и таким образом закрывающее большинство ран широко применялось и в моём мире, мы, как и местные, предпочитали использовать его в артефактных формах.

Рука девушки сжимала длинноствольный автоматический пистолет, но магазины в кармашках на широком поясе-разгрузке были уже пусты, это я видел. Тёмно-зелёный полевой китель помялся и местами порвался, демонстрируя металлические нити внутренней поддёвки антимагического контура.

«Объясняет, как она умудрилась пережить магическую схватку, о которой говорила Арлетт» — осознал я, подходя к блондинке.

— Капитан, я вижу вы успешно расшифровали мой сигнал.

— Ну, это было не так уж сложно, — пожалала плечами девушка, — Куда проще, чем, собственно, сюда добраться.

— Боюсь, дальше легче не станет, — заметил я и показал француженке большой палец.

— Эли, слава богу ты в порядке! — воскликнула подбежавшая брюнетка, и заключила подругу в объятия — Я боялась, что ты...

— Да ладно, всё в порядке, — ответила капитан слегка неловко обнимая девушку и косясь на меня. Я же в ответ отвернулся и отошёл к краю воронки. Слышать я их конечно продолжал, но зато предоставил хотя бы иллюзию уединённости.

— Мне надо было с тобой остаться... — всхлипнула Арлетт.

— Слушай, не вини себя, я просто была больше готова к противостоянию. У тебя даже оружия толком не было, — ответила подруге Алиса, — Значит мне и надо было отвлекать.

— Но...

— Никаких «но!» Ты на моём месте поступила бы также.

Я поймал краем глаза алый луч, пробивавшийся через низкие облака (видимо, на облака за пределами самой Верденской аномалии, странности вроде всегда чистого неба не распространялись) и повернулся к спутницам. Те всё ещё обнимались.

— Не хотелось бы прерывать ваше воссоединение, дамы, но я скоро закат, а я бы хотел оказаться внутри самолёта до того, как он наступит.

— Почему? — спросила Алиса, неохотно отпуская Арлетт из объятий.

— Потому что моё чутьё вопит, что ночью лучше не станет, а скорее наоборот, — я пожал плечами, — И поэтому лучше бы нам найти наш багаж, нет?

— Чутьё вас не обманывает, Стас, — кивнула Алиса, — ночью и правда регистрируются куда более высокие уровни аномальной активности. Пойдём к самолёту? — последнее она спросила, повернувшись к парижанке.

— Да, пойдём... жаль, что нам было не до багажа, когда мы убегали, — вздохнула Арлетт, тоже отпуская подругу, — простите, я сегодня слишком... эмоциональна.

Хвост, а точнее — задняя треть самолёта закопались в землю на добрую треть. К счастью, местные обитатели успели потерять к самолёту интерес, и мы добрались до неё без приключений. Вот-то и выяснилось, что кроме багажного отделения уцелела и кухня, на которой обнаружился запас быстрых обедов, поэтому первое что мы сделали — это соорудили ужин из уцелевшей провизии, поели, а потом уже спустились в багажный отсек. Правда я когда говорил «отсек» подразумевал что-то привычное, вроде грузовой палубы, в то время как в этом небольшом самолёте багажное отделение представляло собой что-то вроде глубокого шкафа. Впрочем, оно и хорошо, потому что этот самый шкаф уцелел при падении и потери в экипировке были не так чтобы велики.

Я извлёк из своего чемодана жилет-разгрузку, надел, после чего достал из защищённого отделения револьверные барабаны и пачку крупнокалиберных патронов, затем распахнул это богатство по карманам жилета. Алиса вооружилась короткорылым автоматом с длинным изогнутым рожком магазина (у меня всё ещё не дошли руки разобраться в точности какое именно оружие использовали местные, так что аббревиатура АКСУ мне ничего не сказала, хотя, судя по лицам обоим девушке должна была) и облачилась в полноценный противопульный жилет. Такой же жилет она отдала Арлетт, вместе с амулетом на серебряной цепочке, после надевания которого у парижанки пропало из глаз выражение затравленности — видимо, артефакт имел какое-то успокаивающее зачарование. Мне оставалось только вздохнуть — очень жаль, что девушкам требуются артефакты для столь базовых вещей как контроль эмоций и защита от наведённого страха. Когда капитан предложила защитный жилет мне, я только покачал головой.

— У меня свои методы защиты от пулевого оружия.

— Уверен? — прищурилась Алиса, — Будет поздно жаловаться, если пулемётным огнём накроет.

— Абсолютно уверен, — кивнул я, — В ваших примитивных жилетах слишком сложно двигаться.

Блондинка покачала головой и посмотрела на подругу. Арлетт как раз застегнула свой жилет и теперь надевала свой то ли китель, то ли плащ (форма у французской армии странная). Та встретила взгляд контрразведчицы и развела руками:

— А что ты на меня смотришь? Думаешь я смогу переубедить господина князя?

— Вот именно, не сможет, — я рубанул воздух рукой, — И хватит об этом. Давайте лучше выберем место для наблюдения за изменением.

— С эти успеем, гораздо лучше сначала подумать о другом, — сказала Алиса, — Что мы, собственно, будем делать дальше?

— А у нас есть выбор? — грустно заметила Арлетт, — Как я помню, из Вердена пути наружу нет.

— Люди выбирались, — парировала Алиса.

— Не из самой глубины. Тут зеркальное озеро в пределах видимости, так что мы разве что не в центр вляпались.

— Да, но...

Я поднял руки, останавливая спор:

— Стоп. Я ничего не знаю о ваших зеркальных озёрах и прочем, так что давайте не

бросаться жаргонными словечками. А ещё лучше — просто перечислим возможные варианты.

Девушки замолчали на некоторое время, потом Арлетт заметила:

— Мы можем попробовать выбраться. Если достаточно долго идти по траншее, то мы выйдем к границе.

— Идти только придётся тридцать километров почти, — Алиса покачала головой, — даже по асфальтированной дороге это займёт несколько дней, а мы пойдём по забитой аномалиями местности. Удача рано или поздно нам изменит. Лучше попробовать изучить проблему — вернуться к самолёту, найти оборудование, вычислить точку напряжённости и выбраться так.

Девушки обменялись взглядами, после чего Алиса повернулась ко мне.

— Стас, а вы что думаете? — меня веселило как девушка постоянно перепрыгивала с «вы» на «ты», казалось, безо всякой логики, — Какой из этих вариантов предпочитаете?

— Хм, — у меня на языке вертелось ехидное «ты же офицер, вот и приказывай», но я проигнорировал подобное ребячество. Самому впору у Алисы амулет просить, честное слово, — Я не вижу тут разных вариантов, только варианты одного и того же: Арлетт предлагает идти к границе аномальной зоны налегке и без подготовки, в то время как вы, капитан, хотите сначала разведать местность.

— Вас удивляет такой подход?

— Да нет, просто кажется странным, что никто из вас не подумал о том, чтобы продолжить выполнение задания. Мы же пришли сюда за Виктором. Очевидно, что Виктор поспособствовал падению нашего самолёта, и судя по логике этого места, Виктор в том или ином виде здесь присутствует. Так почему бы нам не разобраться с ним и не выбить способ вернуться наружу из господина графа?

Девушки ошарашенно замолчали на добрый десяток секунд, после чего Алиса осторожно спросила:

— Князь, даже если мы решимся на такое безумие, с чего вы взяли, что мы найдём пристанище вашего визави?

— Ну... у меня хорошее предчувствие на этот счёт, — улыбнулся я. Но поймав встревоженные выражения на лицах девушек тут же посерьёзnel, — Слушайте, вы обе сошлись на том, что выбраться отсюда будет почти невозможно. Ну так давайте хотя бы попробуем достать козла, за которым мы сюда пришли!

— Это... не самая плохая мотивационная речь, — вздохнула Арлетт, — Учитывая обстоятельства, так точно.

— Что ж, значит ищем графа Фон Меттина, — Алиса пожала плечами, — Но где именно?

— Думаю, ваше «зеркальное озеро» звучит как хорошее место чтобы начать.

— Почему?

— Потому что аспект Меттина — это отражения.

* * *

Ждать ночи сидя на корпусе самолёта было опасно, да и внутри могло произойти непонятно что, поэтому после некоторых раздумий, Алиса предложила соломоново

решение. Теперь мы втроём сидели на покосившейся палубе перед самым местом, где магия Виктора разрешила самолёт. Алиса даже хотела сесть прямо там, где кончался пол, но я возразил:

— То, что мы думаем, что действие заклятья, поймавшего наш самолёт закончилось, не означает, что оно закончилось на самом деле.

— Ты очень уверенно говоришь о его заклятиях. Много знаешь о том, как Меттин использует свой исток?

— Нет. Почти ничего не знаю, ровно, как и он про мой. И именно поэтому настаиваю не лезть на рожон — и я и граф трактуем «идею» наших истоков достаточно вольно и поэтому как спектр использования для них весьма широк.

Как ни странно, этот аргумент сработал. Алиса кивнула и встав на ноги, отошла вглубь остатков салона, поближе к уцелевшим креслам вдоль стены. Когда девушка садилась слева от меня, я заметил мелькнувшую на её губах улыбку и понял, что Алиса опять почти незаметно выгащила из меня немного интересующей её информации.

«Впрочем, возможно я просто слишком люблю разглагольствовать,» — позволил я себе толику самокритики, закинул ногу за ногу и начал наблюдать за тем, как последний краешек солнца скрывается за горизонтом.

Арлетт глядя на медленный закат поёжилась и дёрнулась, явно желая схватить меня за руку, но поборола страх.

— А нам не слишком опасно вообще быть здесь? Всё-таки самолёт для этих мест — чужеродный объект...

— Именно поэтому лучше находиться в нём, — ответила подруге Алиса до того, как я успел открыть рот, — Всё-таки самолёт неплохо экранирован от чужеродного воздействия и по крайней мере от части опасностей корпус может защитить даже в таком плачевном состоянии.

Я кивнул, подтверждая слова блондинки:

— Я ощущаю, что внутри нам грозит меньше опасностей, чем снаружи. По крайней мере в ближайший час, — скорректировал я собственный прогноз, прислушавшись к чуйке.

Арлетт покосилась на меня.

— Хотела бы я понять, как твоё чутьё вообще работает, Святослав.

— Хотел бы я иметь возможность это вам объяснить, — ослепительно улыбнулся я, но тут же стёр с лица все эмоции, — Так, похоже начинается. Я ощущаю напряжение в течении нематериального потока...

Конец моей реплики потонул в грохоте, как и ответ на неё то Алисы. По обшивке самолёта застучали камешки и бетонная крошка. Мы с капитаном вскочили на ноги, а вот Арлетт наоборот — припала на одно колено, подняла винтовку и выстрелила куда-то в темноту. Один из загоревшихся огней в далёкой траншее тут же погас.

Алиса что-то крикнула, но не смогла перекрыть грохот артиллерии. Помотав головой, девушка сосредоточилась, коснулась торчавшего из кармашка жилета верньера и спросила уже на том, что местным сходило за псио:

— *Что это было?*

— *Не знаю, Эли. Но вроде оно мертво...*

Я быстро устремил свой разум к жертве меткого выстрела и тут же отдёрнул мысль обратно.

— *Думаю, ты права лишь отчасти. Оно мертво да, но вряд ли это его остановит.*

— А?

— *Вы увидите. А пока...* — я прислушался к звенящему в ушах чувству опасности. В силу природы моей службы, чутьё было намного точнее, когда вокруг шёл бой, в конце концов, оно именно на предсказание связанных с войной проблем и было заточено, — *Нам пора отсюда убираться.*

— *Назад?* — я узнал мысль Алисы, — *В сторону французских укреплений?*

— *А зеркальное озеро там?*

— *Нет, оно рядом с городом, на немецкой части укреплений,* — ответила за подругу Арлетт, — *Оно там, где бомба попала в старый замок.*

Я вздрогнул и посмотрел на француженку:

— *Я же спрашивал, есть ли тут замок поблизости?*

— *Стас, он ещё в прошлую войну был разрушен,* — пришла на помощь подруге Алиса.

Мне оставалось только покачать головой и отвесить себе мысленный подзатыльник — за то, что не догадался сразу.

— *Поверь, тот факт, что он был разрушен, не особо мешает опытному магу. Но зато мы знаем, куда идти,* — я поднял катану и наклонил голову, — *За мной!*

Не успел я прыгнуть на землю, как рядом застучали выстрелы. Удачи господам солдатам — мне даже не нужно было доставать клинок чтобы защититься от столь примитивного оружия. Пули разлетались в воздухе, испарялись до атомов, подпитывая сеть моей интуитивной защиты. Я мог бы просто заставить отлетать их в стороны, но кто знает, не попал бы кто-нибудь из ретивых стрелков в бежавшую следом за мной Алису?

А так никакого риска. Я пронёсся на очень низком уровне и буквально влетел в немецкую траншею. В мою сторону повернулась проржавевшая винтовка, которую сжимали полупрозрачные гниющие пальцы. Беззубый рот давно мёртвого солдата раскрылся в то ли в ругательстве, то ли в крике, но на этом его роль закончилась: огненная пуля Арлетт расцвела в мёртвой голове, отправив отголосок войны обратно во тьму.

— *Теперь ясно, что тут по ночам происходит!* — раздался в моей голове голос Алисы, за секунду до того, как девушка следом за мной упала в траншею и не вставая с корточек прошила стоявших слева от неё солдат длинной очередью из автомата, отчего те вспыхнули как спички, — *Огонь должен сработать, попробуй!*

Я ничего не стал отвечать, просто взмахнул трофейной катаной, и воины на «моей» половине траншеи исчезли в рёве огненного вихря, на мгновение заглушившего даже рокот артиллерии. Я тоже умею учиться.

Вот я бегу по траншее, передо мной появляется шепчущий что-то непонятное сгнивший воин и направляет на меня оружие. Изогнутый клинок разрубает его пополам, я шагаю через дымящийся труп и поднимаю револьвер. Грохот РШ-12 на мгновение перекрывает свист артиллерийских снарядов и двое врагов, как раз начавших поворачиваться ко мне, падают со снесёнными головами.

Я выскакиваю за поворот и тут же прячусь обратно, а в стену, напротив которой я стоял, с хлопом влетает добрая тридцатка мелких пистолетных пуль. Выдыхаю, поднимаю меч, но тут рядом оказывается Алиса. Блондинка снимает с пояса металлический кругляш, проводит по нему пальцем, отчего ободок начинает светиться, и бросает пластинку в коридор. Несколько мгновений ничего не происходит, а потом раздаётся взрыв и из-за поворота валят клубы белого дыма.

Разглядеть в густом дыму никто ничего не может, но я вижу дрожащие рисунки магических энергий, составляющие «тела» солдат словно на ладони. Благодарно киваю девушке, бросаюсь за угол и припав на колено наношу удар. Режущая волна сносит одного и тот выпускает винтовку, которая со стуком влетает в оружие его соседа. Тот замешкивается и пара солдат подальше открывают по нему огонь, видно приняв источник шума за врага. Мне остаётся только снести ещё одну голову, а бесшумно появившаяся из-за поворота Алиса меткими выстрелами превращает убивших своего товарища бойцов в два факела. Последний фриц теряет самообладание и вопя что-то непонятное на странном, будто вывернутом наизнанку немецком, он бросается к краю траншеи, поднимает голову над бруствером и в тот же миг крупнокалиберная пуля навывлет пробивает стальную каску и бросает труп бойца на дно траншеи.

— *Чисто,* — сообщаю я Алисе.

Капитан кивает, пересчитав трупы на земле. Она не видит в дыму так же хорошо, как я, но массивные очки на её лице являются неплохой заменой моим талантам. Убедившись в моей правоте, девушка снимает с пояса новую другую пластинку и сжимает её в руке. Дым струйками уходит в небо. Я высовываю из-за бруствера руку и подаю условный сигнал. Вскоре раздаются выстрелы со стороны следующего ряда траншей, но никакой пользы они не приносят.

Арлетт с винтовкой в правой руке падает в траншею вслед за нами. Вокруг её левого запястья кружатся светящиеся голубые огоньки, образуя защитный экран. Девушка выдыхает, заряжает в винтовку старомодную обойму (ту самую, которая была без стенок) и смотрит на Алису. Блондинка кивает ей, потом мне и спрашивает:

— *Следующим будет укрепление. Готовы, Стас?*

Я киваю. Дверь бункера слетает с петель, я оказываюсь внутри и разрубив пару офицеров что были ближе всего ко входу, замираю на корточках. Капитан влетает следом за мной и даёт очередь поперх моей головы. Кровь и ихор забрызгивают глиняные стены. Офицеры бьются на полу. Я подзываю Арлетт к забрызганной кровью карте и показываю ей выделенную зелёным кругом точку.

— *Да,* — кивает парижанка, — *Мы на правильном пути.*

— *Ещё две линии,* — поясняет Алиса.

Я снова киваю, толкаю дверь и оказываюсь в очередной траншее. Следом за мной

выходят и девушки. Всё начинается вновь.

* * *

Сложно вспомнить, сколько раз подобный цикл повторялся. Грохот артиллерийских разрывов, свист снарядов, крики раненых и умирающих слились в одно бесформенное месиво. Мы с Алисой и Арлетт не общались иначе, чем при помощи псио, да и к нему прибегали нечасто. Опасность подстерегала на каждом шагу, за каждым поворотом траншеи, а слух, зрение и обоняние легко могли подвести, особенно в тёмных, влажных, пропитанных пороховой гарью и кровью полях битв.

Узкие траншеи, по которым мы пробегали, менялись полями колючей проволоки, где двигаться приходилось медленнее. Арлетт умело снимала снайперов, но ни с колючей проволокой, ни с минами она ничего делать не могла. За минными полями шли пустоши, которые разрывала на части артиллерия. Эти земли удавалось пройти лишь только потому, что снаряды пушек падали, как это ни удивительно, в одни и те же воронки, так что составить маршрут в безопасной зоне было не так сложно, как показалось, когда мы такое поле увидели впервые. Потом были затопленные траншеи, овраги, залитые голубоватым газом (я понял, откуда появилась осевшая на дне некоторых траншей дрянь, из которой лезли днём странные создания) в которых нам пригодились резиновые противогазы, запасённые предусмотрительной Алисой.

Спасал лишь тот факт, что вражеские солдаты очевидно не были лучшими в своём ремесле или просто растеряли навыки с момента своей кончины, стреляли не особенно метко, реагировали заторможенно, а защитное снаряжение явно со времён той войны сильно шагнуло вперёд. Правда, пули из их проржавевших винтовок летели настоящие (мы это знали точно, поскольку одна клюнула Алису в левое плечо, рану ей Арлетт моментально залечила, но с тех пор мы стали осторожнее), равно как и падавшие в одни и те же воронки снаряды разлетались на вполне настоящие осколки. Так что расслабляться не стоило. Кроме того, остановиться и отдышаться нам бы всё равно не дали — через некоторое время после зачистки сектора траншеи или дота, солдаты вновь появлялись из земли и стен как ни в чём не бывало. Оставался лишь один вариант — идти вперёд и надеяться, что предчувствие меня не обмануло.

Что удивительнее всего, пожалуй, так это то, насколько быстро и не сговариваясь каждый из нас выбрал себе роль и стал её выполнять. Я конечно же шёл первым. Способности моего истока словно бы были созданы для мест, подобных таким вот траншеям, хотя я знал, что мой исток предвосхищает подобные стили ведения войн на добрую тысячу лет. Пистолет я старался использовать по минимуму (поскольку найти боеприпасы для него в текущей ситуации представлялось маловероятным), а вот защитные техники — наоборот, и именно поэтому до сих пор меня не коснулась ни одна пуля или вражеский нож.

Алиса, как главный специалист по многофункциональной магии и, пожалуй, лучший тактик нашей тройки, предпочитала двигаться сразу за мной, пользуясь создаваемым мной хаосом для того, чтобы прикрыть фланги и выбрать удобные цели. Так же она очень быстро соображала, поэтому я быстро привык к тому, что, если мы застреваем, она придумает решение раньше, чем я смогу сообразить.

Арлетт взяла на себя роль стрелка-шарпшутера и на удивление очень умелого. Также она весьма неплохо справлялась с медицинским комплектом и поэтому держаться в заднем ряду для неё было самым удачным решением. Особенно учитывая, что её первоначальный страх ушёл очень быстро, уступив место профессиональной отстранённости и спокойствию снайпера.

Так мы и шли, оставляя позади траншею за траншеей, поле за полем. Головоломки и аномалии, требовавшие индивидуального и осторожного подхода, сменил грохот и горячка боя, в котором за каждое промедление придётся дорого заплатить. Я начал понимать, почему никому не удавалось обеззаразить это проклятое место — слишком сложно было бы собрать специалистов по обезвреживанию несработавших заклятий, которые при этом умели бы хорошо уворачиваться от пуль. К сожалению, мы тоже не совершенны.

Очередное поле сменилось траншеей, но на этот раз казалось — пустой. Я бесшумно подбежал к брустверу, заглянул внутрь и спрыгнул на землю, повернулся чтобы подать руку Алисе и тут меня настиг удар такой силы, будто я поцеловался с паровозом. Единственная радость — приклад (а это был он) скользнул по плечу миновав затылок, иначе моя жизнь вполне вероятно в этой траншее и завершилась бы. А так я оттолкнул в сторону Алису, выхватил меч и повернулся к врагам. Черви, двое, непонятные длинные туши, на которых словно бы покоятся человеческие тела в разной степени разложения. Только вот на этот раз эти самые человеческие половины контролировали процесс и сейчас именно они, забыв обо мне, воззрились на последнего члена нашего отряда.

— Арли? Неужели это ты? — спросил черноволосый мужчина.

Арлетт шагнула к стене и замотала головой, поднимая оружие.

— Она тебя не знает, капрал, — сказал второй, — Давай к командиру их.

Черноволосый товарища словно бы не услышал. Он сорвал с головы берет и пробормотал, обращаясь к брюнетке:

— Разве ты меня не узнаёшь, Арли, я к вам на рождество приезжал?

Я попытался незаметно обойти этих тварей со спины, хоть и понимал бессмысленность попытки: кем бы получерви не были ранее, сейчас они явно не полагались на человеческое зрение и слух. Я убедился в этом, когда одно из щупалец явно абсолютно намеренно преградило мне дорогу. Вздохнув, я положил ладонь на рукоять меча, но тут раздался удивлённый возглас Арлетт.

— Дедушка? Дедушка Янг?

— Да! — с улыбкой воскликнул мужчина.

— Ты так изменился, я не сразу узнала, — пробормотала Арлетт.

Солдат покачал головой:

— Понимаю. Узнать непросто. А эти двое — твои товарищи? Друзья или...

Его глаза опасно блеснули, и я вдруг вспомнил виденных в траншеях костях. К счастью, ответ у меня был, привычно — интуитивный. Сунув руку в карман кителя, я извлёк до сих пор лежавший там кругляш и показал червю:

— Винсент Арно, пятый мотострелковый. Сопровождаю разведчицу из России, — я кивнул на Алису, которая резко наклонила голову в коротком салюте — Арлетт идёт с нами от парижской жандармерии.

Янг задрожал всем длинным телом, что, как я понял, должно было означать задумчивое покачивание с мыска на пятку.

— Они собрали народный легион? — спросил изменённый солдат, потирая гладкий

подбородок.

— Нет, просто Арлетт очень хороший стрелок, вот и попала в добровольцы, — ответил я моментально, — А теперь вам стоит отвести нас к командиру.

Янг наклонил голову и задумался на добрый десяток секунд. Когда он заговорил вновь, его голос лишился приятных слуху вибраций, и только тогда я осознал, что солдат-гибрид даже находясь в сознании, инстинктивно использовал убеждающие умения червя.

— Я отведу, Винсент, но зачем? Что ты хочешь от моего командира?

Вот тут я уже замешкался, но на помощь пришла Алиса. Девушка шагнула вперёд и уверенно заявила:

— Нам нужна помощь в том, чтобы попасть к зеркальному озеру.

— Зачем вам туда?

— Чтобы закончить эту битву.

* * *

Удивительно, но никаких приключений по дороге к заглублённому штабу с нами не приключилось, возможно из-за медали, которую я закрепил на куртке, возможно по другим причинам. Солдаты, мимо которых мы проходили, косились на нас, но без особого интереса. Кстати, не все французы были изменёнными, подобных Янгу и его товарищу червей мы встретили всего дважды, и оба раза эти солдаты служили часовыми. Они прижимались к брустверам, почти неразличимые на фоне стен, длинные туши цеплялись многочисленными отростками за брёвна, и только холодные безразличные глаза провожали нас.

Кроме них, в окопах было достаточно обычных солдат. Ну или как — обычных... Французы не выглядели гниющими трупами как немцы, но и обычной я бы их внешность не назвал. Скорее они были... оплывающие что ли? Словно и тела, и одежда и волосы были сделаны примерно из одного материала, похожего на воск, а форму им придавала память владельцев. Там же, где с этой памятью у владельца было не очень, встречались очень интересные образы.

«Впрочем, какая мне разница,» — подумал я, отведя взгляд от запавшего внутрь лица одного из солдат, чьи глаза оплавилась и стекли куда-то под скулы, но при этом, судя по всему, продолжали видеть.

— *Вы в порядке?* — направил я псио-сообщение девушкам.

— *Да,* — ответила Алиса, — *Давление эмпатического поля в пределах нормы. Эти солдаты не могут контролировать наше сознание.*

— *Я не была бы так уверена,* — ответила Арлетт, — *В конце концов их таланты сложно объяснить с высоты наших знаний.*

— *Янг действительно твой прадед? Или ты подыгрываешь?*

— *Он... похож?* — через псио сложно передать невербальные знаки типа пожимания плечами, но я отчётливо представил как брюнетка делает именно это, — *Моего прадедушку по материнской линии действительно отправили в Верден и назад он не вернулся.*

— *Прадедушку?*

— *Да. Я просто очень похожа на мать, и её имя тоже часто сокращали до Арли.*

— *Интересное совпадение,* — заметил я.

— *Не такое уж странное, как может показаться. Большая часть жителей Иль де*

Франс знает семьи пострадавшие от этой бойни максимум через одно рукопожатие. Каждый десятый житель области пал в этой битве ведь.

— Сколько же людей тут погибло? — несколькоошарашенно спросил я, пытаясь в уме посчитать нужные цифры.

— Куда больше, чем надо, — ответила мне Алиса и подала знак завершить разговор.

— Мы пришли — заявил Янг, подведя нас к прочной провалу двери, — После вас.

Я замешкался, поскольку не хотел ни пускать никого из девушек в неизвестность первыми, но и подставлять их спины замыкающим изменённым бойцам мне тоже казалось плохой идеей. Впрочем, Алиса решила за меня, решительно направившись в проём. Следом за ней пошла Арлетт, а я, получается, шёл последним, и черви образно выражаясь наступали на пятки именно мне. Что ж, ну хоть так.

Тоннель не был длинно-извилистым как тот, который я прошёл днём. Собственно, мы прошли метров пять и повернуть коридор успел лишь однажды, без сомнения это было сделано для того, чтобы случайный снаряд не смог залететь прямо в дверь штаба и взорваться у командира под ногами. Ну в общем — никаких пространственных странностей, обычные заглублённые укрепления.

Я следом за Арлетт и Алисой вошёл в комнату, освещённую тусклым светом фонарей, закреплённых под потолком. В центре комнаты стоял длинный стол, по которому были разложены карты. Над столом склонился мощный темноволосый мужчина с густыми бакенбардами и пышными усами. Его кожа и волосы не были похожи на воск, как у его подчинённых, но всё же что-то во внешности мужчины было не так. Мне потребовалось несколько секунд чтобы понять, что он не отбрасывает теней. Мужчина поднял взгляд и изучил меня холодными серыми глазами, словно бы игнорируя моих спутниц.

— Я о вас слышал, Винсент, — сказал он наконец. Низкий голос тоже звучал странно, словно бы не отражаясь от стен. Было ощущение, что слова раздавались словно бы в ушах, будто в наушниках от музыкального проигрывателя, — Говорят, вы её заслужили, — он кивнул на медаль, украшавшую мой китель.

— Не могу сказать, что узнал вас, полковник, — ответил я, наклоняя голову.

Мужчина кивнул и представился:

— Мелвин Раднек. Командир первого линейного полка. Ну или того, что осталось. Это на наши позиции вы забрели.

— Вас это не смущает? — спросил я.

— После вчерашнего? — мужчина пожал плечами, — Меня уже ничего не удивляет, гвардии капитан.

«Это Винсент что ли капитан гвардии? Надо запомнить.»

— Понимаю.

— Ладно, зачем вы тут оказались? Разведчики говорят, что вы напролом шли по краутским траншеям. Весьма с хорошим темпом, надо заметить. Это твоя заслуга или твоих спутников?

— Спутниц, с вашего позволения, — заметила блондинка, шагнув вперёд, — Алиса Стрелецкая, капитан Императорской Армии, по заданию генштаба.

Я с некоторым сомнением посмотрел на подбоченившуюся девушку. Нет, понятно, что эти солдаты все тут не слишком нормальные, раз уж во мне «узнали» Винсента только из-за медали, но не слишком ли это рискованно? В конце концов, полковник-то точно мог быть в курсе порядков поведения союзников.

— Ты уверена, что справишься с этой ролью? — спросил я на псио, — Он может тебя и расколоть.

— Не может. Потому что тебя не расколол до сих пор, а ты даже честь ему нормально не отдал. Не знаю почему, но они словно... видят только то, что хотят видеть?

Конечно! Память! Они не видят нас, они видят объекты, которые могут связать с какими-то событиями! Поэтому Арлетт узнал её прадед, а меня опознали по медали.

«Может сработать.»

Полковник тем временем уточнил у Алисы.

— Да? И в чём же заключается ваше задание?

Девушка взглянула на меня, и я кивнул, решившись. Надо играть до конца.

— Как я и сказала вашим бойцам — в принесении окончания этой войне. И для этого нам нужно оказаться рядом с Зеркальным озером.

Полковник нахмурился, постучал пальцами по столу.

— До озера сложно добраться, у нас нет связи с линиями с первой по тринадцатую, а в зоне два предзнание отказывает. Путь будет непростым, хотя... — на лице мужчины расцвела странная улыбка, — У меня есть кое-что что вам может пригодиться...

— Ландшафт сильно изменился за последний десяток циклов. Вода просела, так что квадраты а-1, а-2 и б-2 сильно подтопило. На своих двоих там и так пройти было бы непросто, но на вашу беду, по болотам любят ходить Фонарщики, так что... — полковник пожал плечами, — Без транспорта вы не дойдёте, по крайней мере за остаток ночи. К счастью для вас, как я и сказал, у нас есть решение. Идёмте.

Мужчина развернулся и направился к выходу в траншею, не к тому, через который мы, собственно, зашли в бункер. Нам оставалось только идти за ним. Я взглянул на Алису, та пожала плечами — мол, а что ещё делать-то?

Тоннель вывел нас в траншею поглубже, пройдя по которой мы прошли около трёхсот метров, понукаемые грохотом артиллерийских разрывов и сыпящейся за шиворот землёй с содрогающихся от ударов брустверов. Говорить в таких обстоятельствах было невозможно, так что мы молчали. Молчали и конвоиры, незаметно возникшие в какой-то момент у меня за спиной. Не выказывая удивления, я просто смирился с их наличием, благо это была всё та же пара — Янг и его напарник.

В конце концов мы оказались у бетонной стены бункера, в которой была врезана металлическая дверь. Полковник потянул на себя ручку и пропустил нас внутрь. Небольшой шлюз — скорее всего шумовой в той же мере, в какой и воздушный (мало ли что именно могло оказаться в покинутых нами траншеях?) и ещё одна дверь вывела нас в просторный ангар, в котором стояли... плавали... мда... Такое даже объяснить непросто.

Представьте себя резервуар с водой — ну знаете, как например для субмарин иногда строят такие подводные тоннели, которые ведут в спрятанные под скалами резервуары, чтобы базу подлодок было не видно снаружи? Вот тут было что-то похожее, только в доках находились не подлодки. В рыхлой земле, которая казалось постоянно дрожала, стояли четыре странных обтекаемых металлических транспорта. Сначала я подумал, что они очень глубоко завязли в земле, а потом понял, что земля дрожит вокруг металлических корпусов и словно бы держит технику... на плаву?

Мы с Арлетт находились в одинаково поражённом состоянии, и только Алиса присвистнула удивлённо, но явно понимая, что перед ней.

— Неужели... погружённые танки? Вы довели до ума этот проект?

— О, я смотрю вы неплохо осведомлены, госпожа капитан, — ухмыльнулся Мелвин и удовлетворённо пригладил бакенбарды, — Да именно так. Погружённые танки. Последняя разработка наших лабораторий.

Он подошёл к ближайшему корпусу, маня нас за собой:

— В-21с, лучшая работа наших остеомантов обеспечила машину надёжной бронёй, а встроенный Ворон обеспечивает предзнание почти на полторы минуты вперёд, — полковник кашлянул, — В полигонных условиях, конечно. Впрочем, и в бою Ворон надёжно предзнает минимум на пятнадцать секунд вперёд. Более чем достаточно против любой угрозы.

— Кроме Фонарщиков, — негромко заметила Алиса.

Полковник кивнул.

— Да, кроме фонарщиков.

Я решил не спрашивать, кого они имеют в виду — незачем выдавать свою

неосведомлённость. Тем более, что полковник явно хотел покрасоваться. Подойдя к борту, он указал на незамеченные мной сразу словно бы лепестки, очень быстро двигавшиеся в земле, будто миксер.

— Лопатки удерживают машину в состоянии готовности. Их три тысячи на весь корпус. Когда требуется двигаться в определённом направлении, усилие прилагается волнообразно и танк может перемещаться внутри рыхлой почвы.

— Планируете использовать их для прорыва укреплений? — спросил я.

— Думали об этом, но штаб решил — слишком опасно. Немцы могут стянуть специальные подразделения, те же противотанковые отряды или вообще упомянутых госпожой капитаном фонарщиков, а броня у нашего детища не такая уж мощная, да и восполнять их потери мы быстро не сможем. Зато вам такой танк пригодится — путь к зеркальному озеру лежит через болота, как я уже говорил, укреплений там нет, поскольку в них нет смысла — пролезть через те места очень сложно. Но с одним из этих красавцев вполне.

Полковник снова похлопал по гладкой броне. Алиса кивнула.

— Хорошо, вы правы. Какого вы нам выделите?

— Они все рабочие, но я рекомендовал бы Эску, — он махнул в сторону танка, стоящего в третьем бассейне, — у него в качестве оружия установлена турель с автоматической двадцатидвухмиллиметровой пушкой и бомбарда в корпусе на случай чего-то серьёзного.

— Сколько выстрелов у бомбарды? — поинтересовалась блондинка.

— Пять стодвадцатимиллиметровых осколочно-фугасных. Дальность стрельбы очень скромная, не более сотни метров, но как вы понимаете, Эска может на эти сто метров подойти, если припрёт. А основное орудие мелкокалиберное что как раз позволит легко бороться с пехотой и артиллерией. К ним снарядов прилично — два ящика бронебойных и ящик осколочных в заряднике. Вам более чем достаточно.

Я взглянул на дрожащий в земле как свинья в луже танк и склонил голову.

— А мы сможем им управлять вообще, Мелвин?

— Сможете, тут обычный ноо-интерфейс. Подключаетесь к Ворону и отдаёте команды, танк их выполняет. А вот башню уже можно крутить по старинке — рычагами.

— Понятно, — кивнул я с видом знатока.

— *Ты правда что-то понял?* — услышал я псио-вопрос от Алисы.

— *Нет, но думаю разберёмся. Надеюсь, у тебя есть опыт управления такими машинами.*

— *Только если без ноо-интерфейса, чем бы он ни был.*

— *Мы в броневиках ездили, тут думаю схожий принцип,* — включилась в диалог Арлетт.

Вот так, подбадривая друг друга, мы и подошли к дрожащему в зыбкой почве танку. Залезать предстояло через люк маленькой башенки и заглянув в чёрный провал, я на секунду задумался, не является ли это всё какой-нибудь хитрой ловушкой, и не лезу ли я сейчас в пасть какому-нибудь чудищу. Впрочем, это чувство быстро прошло. Подняв руки над головой, я прыгнул в люк и почти сразу почувствовал, как по подошвам ударил металл. Я присел от неожиданности, но тут же разобрался — кабина «танка» была довольно тесной, но всё же три человека могли поместиться тут без особых проблем, учитывая, что каждому предстояло занять своё место. Я зажёл на пальце огонёк и тут же услышал голос полковника, который здесь звучал ещё более странно, из-за того, что до сих пор был лишён эха.

— Выключатель генератора слева от лестницы.

— Благодарю, — я щёлкнул тумблером и что-то внутри танка затарахтело, загорелся свет, — Всё работает, можно спускаться!

— Сейчас будем! — крикнула мне в ответ Алиса.

Когда девушки спустились по узкой лестнице башни, я успел найти моторный отсек и теперь с интересом наблюдал за «двигателем», который ворочался в темноте. Больше всего этот «двигатель» напоминал приснопамятных червей — непонятная масса плоти и мышц, в которой виднелись зубы и непонятные трубки-жилы.

— *Что это?* — раздался вопрос сразу же, едва тень Алисы упала на меня.

— *Думаю, это наш двигатель,* — ответил я, — *Табличка по крайней мере утверждает именно это.*

— *И что нам с ним делать?*

— *Полагаю,* — я сверился с небольшой брошюрой, лежавшей в металлическом кармашке на внешней стороне двери, — *Кидать топливные брикеты по мере необходимости. Вот эти брикеты, видимо.*

Алиса покосилась на поленья, спрятанные в небольшую нишу перед моторным отсеком.

— *Как ты думаешь, из чего эти... брикеты сделаны?*

— *Честно?* — я захлопнул дверцу, — *Даже думать об этом не хочу.*

Блондинка кивнула и спросила уже вслух:

— Справишься с ролью механика, Винсент?

— Придётся, капитан — ответил я, — придётся. Арлетт, будешь водителем.

— Так точно, — ответила девушка.

Я бросил пояс с пистолетом под сиденье механика, открыл люк в крыше корпуса и поднялся по приставной лесенке. Полковник ждал у стены, похожий на плоскую картину без теней. Я кивнул ему и сказал:

— Спасибо, Мелвин. Куда нам доставить Эску когда закончим?

— Если вы справитесь, то какая разница? — пожал плечами мужчина, — Вы главное справьтесь.

Было в его голосе что-то такое... странное, просительное. Будто старый солдат, понял выпавшую ему странную роль в этом жестоком спектакле или даже...

— Не волнуйтесь, мы справимся, — кивнул я и отдал полковнику честь первым, как и полагалось.

* * *

— Соединение в норме, — раздался голос Арлетт из громкоговорителей танка, — Простите, не разобралась, — на этот раз звук шёл куда тише.

— Ага. А как с вооружением?

Я показал большой палец, и Алиса кивнула.

— Хорошо, тогда задраиваем люки, — сказав это, девушка подала пример, закрыв лючок командирской башенки.

Остальные люки я уже проверил, так что осталось только запечатать главный люк на крыше танка. Хотя может «запечатать» — не совсем правильное слово. Всё-таки герметичности лючки не предполагали.

— *Готово, капитан,* — сообщил я Алисе, — *Надеюсь, мы знаем, что мы делаем.*

— *Вы всё такой же неизменный оптимист, князь,* — ответила мне блондинка, — *С другой стороны, хотелось бы мне верить, что ваши опасения беспочвенны.*

— *Поздно уже заламывать руки,* — сообщила Арлетт, — *Готовы?*

— *Нет,* — мы с Алисой ответили одновременно.

— *Вот и хорошо. Погнали!*

Я почувствовал толчок и ухватился за скобу, которые в достатке были натканы повсюду в корпусе. По моим ощущениям, Эска резка нырнул под землю, но я не чувствовал ничего кроме дрожания корпуса.

— Ух ты! — раздался голос Алисы, — Вы не поверите.

— Что такое?

— Мы заглубляемся под углом в шестьдесят градусов к поверхности земли. То есть почти отвесно. Ты чувствуешь гравитацию?

— Не чувствую, — ответил я, — И скорости тоже не чувствую, только пол дрожит. Погоди, что-то такое было в тоннелях червей, куда меня забросило, там тоже пространство выкидывало фортели.

— Это ненадолго, — раздался голос Арлетт из громкоговорителей, — погружение мы можем удерживать только в течении десяти минут, потом надо подниматься.

Я оглянулся на сидевшую в водительском кресле девушку. Она, казалось, не двигала ни единым лишним мускулом, глаза смотрели в пустоту из-под вороха проводов ноо-коннекторного шлема, только пальцы филигранно манипулировали рычажками и верньерами управляющей панели.

— Ты уверена?

— Да, потом удерживать контур будет слишком накладно, и мы сожжём излишне много топлива.

Алиса бросила на меня удивлённый взгляд, но я пожал плечами — ну правда, наша время удивляться странностям. Раньше надо было.

— Хорошо, — вздохнула капитан, — тогда выводите нас на нужный курс. У тебя там карта местности есть или достать?

— Нету, но пока она не нужна. Эска видит мир особым образом... — девушка замолчала на мгновение и сказала резко, — Готовьтесь к всплытию, Ворон говорит впереди опасность.

— Где именно — впереди?

— Впереди по линии времени, — ответил я за Арлетт.

Блондинка моргнула, но уточнять не стала. Чёрт, похоже её сопротивление ментальному воздействию будет продолжать создавать проблемы...

Я вздохнул и положил руку на створку люка. Надеюсь, я правильно прочитаю течения ноо-соединения...

Танк трянуло и словно бы разом вернулись все звуки, чувства и нормальная гравитация. Алиса издала удивлённый возглас и тут же прильнула к прицелу автопушки. Её руки сжали спусковую скобу и двадцатимиллиметровое орудие с грохотом начало выплёвывать снаряды.

Я в этот момент уже открыл люк и выскочил на крышу танка. Естественно, мы всплыли посреди немецкой траншеи, ну где же ещё? Впрочем, обитателей укрепления уже разнесло огнём Алисы. Проблему должна была представлять артиллерийская установка в

бетонированном доте в сотне метров к западу.

— *Сможешь повернуть пушку в корпусе? Турельной пушкой мне туда стрелять смысла нет,* — сообщила Алиса. Она была права — несколько снарядов до этого выбили искры из бронешитка зенитного орудия.

— *Нет, не поднимем корпус, да и бомбарда не добьёт нормально.*

— *Значит разберёмся как обычно,* — сообщил я и извлёк катану, — *Прикройте.*

И только я успел выбраться наружу, как пушка наконец опустилась, дуло окутало пламя и...

Я моргнул. Так вот оно какое — предзнание. Что ж, значит тратить время нельзя. Выскочив на крышу танка, я пригнулся, позволив Алисе расчистить траншею огнём, присел в низкой стойке, глядя на опускающееся дуло зенитного орудия и махнул клинком. Немецкий бункер окутало пламя и дым, когда ударная волна прошла сквозь ящики с боепитанием.

— *Пушка подавлена, ложимся на курс! Стас, внутрь!* — скомандовала Алиса.

— *Так точно,* — ответил я, ныряя в лючок и как только закрыл его, почувствовал знакомое ощущение — Арлетт снова нас «нырнула».

«Интересное нас ожидает путешествие».

* * *

К счастью, подобных встреч было немного. Чаще всего мы выныривали на ничьей земле и уходили под землю быстрее, чем наблюдатели вообще осознавали, что произошло. Лишь трижды мы выскочили в пределах видимости противника и ни разу более «ворону» не пришлось прибегать к предзнанию. И хорошо. У меня были свои мысли на тему того, как работала эта система, и, если я был прав (а я скорее всего был), злоупотреблять ей точно не стоило.

Правда, после очередного всплытия я понял, что «двигатель» скоро придётся кормить, но к этому моменту мы уже были на границе болотистых секторов. Считав моё намерение, Арлетт теперь медленно вела Эску в тумане, не уводя под землю (хотя «земля» в этой трясине была конечно своеобразной), а Алиса изучала окрестности в бинокль, высунувшись по пояс из командирской башенки. Густой туман, в котором даже огни тонули уже в десятке метров её не смущали.

Наконец, Арлетт остановила машину на небольшом островке, и я спустился в машинное отделение, начав кормить наш транспорт. И вот тогда-то Алиса задала вопрос, который мне, честно говоря, стоило бы ждать.

— Интересно, почему никого из нас не смущает происходящее?

Я как раз закидывал в топку «реактора» очередной брикет, так что только фыркнул от такого вопроса. Алиса заметила это и нахмурилась.

— Ты чего фыркаешь?

— Да просто задаюсь вопросом, сколько раз мне придётся объяснять одни и те же вещи, — я закрыл люк топки и повернулся к капитану.

— Как минимум ещё раз точно придётся, — заметила блондинка, закатив глаза.

— Да уж действительно... — я потянул рычаг, глуша двигатель. Землеходный танк вздрогнул и застыл на месте. Поймав удивлённый взгляд девушки, я пояснил, — Двигателю

надо переварить брикет, потом может времени не оказаться.

— Откуда ты это знаешь?

— Оттуда же, откуда и всё остальное, — я поднялся на броню, где уже ждала Арлетт, вытащил портсигар и предложил девушкам сигареты, — Курите не бойтесь, в таком тумане нас всё равно никто не увидит, тем более- ночью.

Девушки переглянулись и взяли по папиросе, я сделал тоже самое, поджёг кончик папиросы и затянулся. Подняв голову, выпустил клуб дыма, смешавшийся с белёсым туманом.

— Понимаете, я уже несколько раз говорил одну и ту же вещь, но вы, дорогие соратницы, так и не поймёте то, что я уже не раз повторял.

— И что же?

— То, что исток — это мышление, это стиль жизни, это культура и способ жизни. А вы обе почему-то до сих пор продолжаете думать, что ваши способности — это просто удобный способ сигареты поджигать.

— Опять ты завёл эту шарманку, Стас. Ну при чём тут твоя философия?

— Да при всём! Мы же торчим посередине настоящего самоподдерживающейся магической битвы. Тут сплелись сотни, тысячи разных истоков. Что это значит? Ну кроме бесконечного запаса магических мин?

Арлетт пожала плечами, а вот Алиса внезапно нашла ответ на мой риторический вопрос:

— То, что люди, попавшие под власть этих мощных истоков и заклятий будут думать так, как думали создатели этих истоков.

— Вот! Именно! Мы думаем так, как можем думать исходя из законов окружающего мира. А нас окружает застывшая во времени и пространстве первая глобальная магическая битва этого мира. Естественно, чем дольше мы будем тут находиться, тем больше станем думать и рассуждать также, как рассуждают местные.

Блондинка понимающе кивнула, явно на лету поняв, к чему я веду, в то время как Арлетт неуверенно спросила:

— Но это ведь хорошо?

— Поначалу — да. Такая ситуация облегчает нам жизнь, безо всяких сомнений. По крайней мере — первое время. Зато потом... — я пожал плечами, — Скажу так: я не уверен в том, что твой дорогой прадедушка был против тех экспериментов, которые над ним проводили. И не думаю, что мы будем против подобных опытов, если пробудем здесь достаточно долго.

Курившая в тишине Алиса издала короткий смешок.

— Начинаю понимать, почему вы, Стас, рекомендовали приберечь последнюю пулю, — то ли от осознания, то ли от нервов девушка почти вернулась к знакомой безэмоциональной казённой речи, которая запомнилась мне ещё в Париже.

Арлетт, впрочем, было не до смеха и иронии. Наклонившись вперёд, брюнетка нервно накручивала на палец длинный локон. Она явно искала выход из сложившейся ситуации и не находила.

— И что нам с этим делать?

— Закончить свои дела, — пожал я плечами.

— Но ведь мы же знаем об этом влиянии! Разве мы не можем как-то противодействовать этому воздействию?

Я снова пожал плечами:

— Не больше, чем ты можешь противодействовать гравитации, упав с обрыва.

— Да не, глупости. Если бы дела обстояли так, то...

— То никто бы не покинул зону отчуждения? — закончил я за девушку, — Ну вот тебе и один из ответов на вопрос почему это происходит.

Увидев, как брюнетка поникла, я покачал головой:

— Не бойся, всё не так страшно. В конце концов я с вами. А я не в первый раз оказываюсь в такой ситуации, когда приходится действовать наперегонки с окружающей реальностью, которая норовит перековать тебя в своих интересах. Даже можно сказать, что подобные ситуации — мой конёк.

Положив руку на броню (шкуру?) танка, я ощутил под пальцами спокойное урчание.

— Танк поел и рвётся в бой.

— Значит и нам пора, — подвела черту под диалогом Алиса, запустила окурок в болото и подошла к люку, — Идём.

Я кивнул и посмотрел в туман, где мелькнуло что-то странное.

— Слушай, ты видишь вон те огоньки впереди?

— Синие? — девушка замерла, поставив ногу на ступеньку своей лесенки.

— Да, синие. Мерцающие такие. На ладонь правее...

— Я вижу, — Алиса уже опустила бинокль, — Вот проклятье. Фонарщики.

— Кто?

Она быстро взлетела на башню, опустилась в командирский лючок и закрыла его за собой. Я понял намёк и тоже оказался внутри, заперев собственный люк.

— Страшная сказка, которой лучше бы было ей и оставаться, — девушка скривилась, — Фонарщики, девятьсот первый отдельный батальон «Призрачные охотники», противотанковая пехота. Мы можем уйти? — этот вопрос был адресован Арлетт.

Девушка взглянула на панель управления и покачала головой.

— Нет, не можем. «Ворон» горит красным, значит мы уже не ушли.

— Что ж, видимо нам придётся проверить легенду на прочность, — подытожил я, вынимая из кобуры револьвер.

Я наконец понял, почему их называли «фонарщиками». Шестёрка солдат двигалась цепочкой, а шедший первым нёс длинный шест, с которого свисал старомодный металлический фонарь, горевший призрачным голубым светом. Мужчины, все как один мощные и крепкие, очень высокие, не менее двух метров роста, шли качаясь, смотря прямо перед собой пустыми глазами. Казалось, они вообще ничего не видели, но вместе с тем... они двигались по болоту на удивление умело, никто не оступался, никто не проваливался под жижу, и это при том, что никто из них не пытался даже использовать посохи. Даже шест, который нёс первый фонарщик не использовался для того, чтобы прощупывать дно. За исключением этих особенностей, фонарщики походили на всех остальных солдат германской армии: длинные однобортные шинели, шлемы с закрывающим нижнюю часть лица пристежным воротником, на поясах — противогазы, рассчитанные на прикрепление к шлему (у меня очень хорошее ночное зрение). Правда, чем именно бойцы вооружены, я не понял, всё-таки бойцы шли так, что было совершенно неясно, что они держат в опущенных правых руках.

И ещё одно: несмотря на тот факт, что вроде бы солдаты даже не смотрели в нашу сторону, тем не менее цепочка, несомненно, двигалась в нашем направлении. Как они нас видели? Этого я не знал. Танк был наполовину погружён в жидковатую почву, башня скрыта высокой болотной травой. Собственно, мы сами видели фонарщиков только благодаря перископу.

Оторвавшись от окуляров, я посмотрел на блондинку. Алиса замерла на приступке командирской башенки, Арлетт же словно была без сознания, но я уже знал, что так выглядит погружение в ноо-интерфейс, позволяющий ей управлять движениями танка. Мне, с другой стороны, было абсолютно нечем заняться, поэтому я опустил на сиденье рядом с моторным отсеком и сожалением покрутил в руках портсигар. Курить внутри такого маленького помещения было, наверное, не лучшей идеей.

— Не слишком ли ты спокоен, Стас? — поинтересовалась Алиса, отрываясь от обзорного окошка.

Я в ответ пожал плечами:

— Увы, не вижу причин волноваться.

— Если они нас заметят, — девушка махнула рукой в стену башни, за которой, по её разумению, брели фонарщики, — То нам придётся несладко.

Мне оставалось только руками развести:

— Послушай, они просто бредут куда глаза глядят, даже если они и чувят нас каким-то странным чутьём, то и что с того? Мы и не с такими справлялись. Не понимаю причин твоего страха.

Блондинка покачала головой, помолчала и негромко заговорила, глядя перед собой.

— Меня не пугает то, что я знаю, меня пугает то, чего я не знаю. После первой мировой войны наступили печальные времена для Германии, времена, которые закончились ещё более печальным выплеском ненависти. Я дам тебе почитать детали того, что происходило перед второй мировой и во время неё, какие эксперименты проводились на людях. Но вместе с тем, знаешь, чего не сделали даже эти палачи? — девушка вонзила в меня холодный взгляд голубых глаз, — Они не пытались возродить девятисотые спецотряды.

— Почему же?

— Потому что даже эти садисты и психопаты понимали, что некоторые двери нельзя открывать, — серьёзно сказала Алиса.

Я посмотрел ей в лицо и вздохнул.

— Хорошая подводка. Жаль только, что никто из нас не знает, чего ждать.

— Ничего, мы так или иначе узнаем. Я планирую подпустить их поближе, а потом дать длинную очередь.

— Думаю, у меня выйдет легче, — заметил я, со значением поднимая катану.

— Нет, это не очень хорошая идея, — девушка покачала головой, — Если мои опасения верны, твои таланты нам ещё понадобятся позже. Но будь готов к бою.

— Всегда готов, капитан.

Верный своему слову, я приоткрыл люк и замер под ним, готовый прыгнуть в любой момент. Между тем фонарщики уже были метрах в двадцати. Я мог разглядеть их серые шинели, тяжелые стальные шлемы и пустые, замороженно следящие за пламенем фонаря глаза.

— *Арлетт, по моей команде делай поворот корпуса*, — даже псио Алиса отправила словно бы шёпотом.

Впрочем, парижанка вообще ничего не ответила, только быстро кивнула.

Ведущий фонарщик между тем был уже метрах в пяти от нас. Туман уже расступался, так что на такой дистанции увидеть наш танк не представляло проблем, но всё же солдат замер, поскольку смотрел на висевший на шесте фонарь, и только когда синее пламя мигнуло, опустил взгляд.

— Давай! — крикнула Алиса, прильнув к прицелу пушки и нажимая на пусковую скобу.

Я видел всё как в замедленной съёмке. Ствол орудия изверг шар пламени, откатился назад, когда механизм подцепил следующий снаряд из широкой ленты и выплюнул его следом за первым. Кабину заволакивал пороховой дым, прорывавшийся через механизм отстрела гильз, в то время как сами гильзы звенели по металлическому полу.

Я затаил дыхание, ожидая непонятно чего, но двадцатимиллиметровые снаряды подействовали на врагов именно так, как должны были. В смотровое окошко наводчика основного орудия (которое вмонтировано в корпус) было видно, как очередь буквально разрывала фонарщиков буквально на части. Я хмыкнул и взглянул на Алису, изогнув бровь.

«Ну и что? У страха глаза велики,» — хотел поинтересоваться я, но капитан не дала мне такой возможности.

— Стас, пушка, заряжай ОФС! — она оторвалась от прицела и посмотрела на меня, — Быстрее, не думай! — сказав это, девушка продолжила посылать снаряд за снарядом в то место, где недавно стояли фонарщики.

Что-то в её взгляде заставило меня подчиниться. В конце концов, лучше перебдеть, чем недобдеть, а посмеяться над перестраховщицей можно и потом. Я снял с орудийной полки предохранитель, вывернул рычагом снаряд и позволил ему упасть в ложе, после чего закрыл камору и прижался к орудийному прицелу.

— Выстрел! — сообщил я, нажимая гашетку.

Грянул гром. Танк содрогнулся так резко, словно на всех парах влетел в стену, а от звука выстрела зазвенело в ушах несмотря на шлем с наушниками. Бросив взгляд на девушек, которых выстрел хоть и не застал врасплох, но заставил несколько потерять ориентацию, я прижался к прицельному приспособлению, забрызганному то ли болотной жижей, то ли

кровью этих самых фонарщиков.

— *Видишь что-нибудь?* — поинтересовалась через псио Алиса, видимо так же, как и я, страдая от звона в ушах.

— *Нет, сплошной дым. Слишком много несгоревшего пороха, подозреваю,* — ответил я, вглядываясь в черноту, — *Поправка, вижу движение на север-север-восток.*

— *Арлетт, погружение и перемещение к следующей точке маршрута!* — раздалась тут же команда Алисы.

Я поспешно задраил люки и даже успел ударить по кнопке, опускающей на бомбарду заслонку, защищающую от засорения, до того, как танк быстро утонул в болотистой земле.

Далее последовали примерно пять минут тряски и грохота, в которые мы полностью доверились умению Арлетт сладить с управлением странной машиной, и наконец девушка выдохнула:

— Поверхность!

Танк с рёвом вырвался из земляного плена и замер.

— Перерыв — пять минут, — с этими словами девушка стянула с головы вьющийся проводом обруч и начала массировать веки.

«Да, прямое управление техникой — это непросто. Рехнуться можно очень быстро,» — сочувственно подумал я. У нас что-то такое делали только на крупных кораблях, которыми управлять было, как ни странно, гораздо проще.

Я осмотрел боевое отделение и кивнул сам себе, вроде бы всё на месте. Правда, все приборы наблюдения были конечно же заляпаны грязью снаружи и нуждались в чистке, так что для осмотра пришлось бы лезть на броню.

Алиса уже потянулась к ручке командирского люка, я остановил её:

— Погоди. Давай лучше я займусь разведкой.

Капитан спорить не стала, лишь коротко кивнула и спустилась к управлению башенной пушкой. Я же наоборот — поднялся к верхнему лючку корпуса и осторожно приподнял крышку, осмотрелся и тут же распахнул крышку до конца.

— *Никого не видно, мы продвинулись* — я прислушался к внутренним ощущениям, — *примерно на километр севернее. Я поднимаюсь.*

— *Хорошо, только будь осторожней,* — ответила Алиса.

Я быстро взлетел по лесенке и выпрямился на крыше во весь рост. Здесь болото выглядело уже иначе: повсюду из земли торчали остовы мертвых деревьев, но была видна и живая растительность. Правда, последней было не так уж много и представляла её в основном уже знакомая осока и прочие камыши.

На месте оказался и туман, правда теперь он был пожиже и даже в уже вошедшей в полные права ночной тьме, моё ноктовидение било на добрых полсотни метров прежде чем силуэты начинали сливаться с туманом. Некоторые источники света помогали видеть лучше: на востоке горела воронка, в которой явно недавно рванул фугасный снаряд (кому пришла в голову идея бомбить необитаемое болото мне правда совершенно неясно), пара деревьев на севере были расщеплены словно молнией и светились яркими углями. На западе от них горел словно огонь святого Эльма одинокий призрачный светлячок, то ли зелёный, то ли синий, не понять в ноктовидении. Синий?

Пригнувшись к самой броне, я облизнул губы и пригляделся. Нет, не показалось — дрожащий синий огонёк и правда потихоньку приближался. Пока что до него было далековато, метров двести, но...

— Синий фонарь на двести метров к северо-западу, приближается, — сообщил я результаты наблюдений Алисе, — Очень похоже на наших знакомых. Ими что тут, всё болото кишит?

Почти десять секунд ответа не было, и когда я уже подумал лезть смотреть, не случилось ли чего, Алиса сообщила:

— Нет, не кишит, это та же самая шестёрка.

— Та самая, которую ты лично двадцатимиллиметровой авто-пушкой расстреляла, а потом ещё я приложил стодвадцатимиллиметровым? — я иронично приподнял бровь и усмехнулся, хоть Алиса и не могла меня слышать.

— Да, та самая. Ты поймёшь.

Я нахмурился, но решил не спорить, не до того ведь. Вместо этого я спросил:

— Ну допустим. Что делать-то будем с этой шестёркой?

— Убегать, как только возможность появится. Арлетт, как там с этим?

— Три минуты до конца цикла, — ответила парижанка.

— Ну вот столько и надо подождать, — попытожила капитан, — Желательно при этом не вступать в боестолкновение.

«С этим проблем не будет,» — хотел сказать я, вспомнив как вели себя фонарщики при первой встрече, но тут ситуация неуловимо изменилась.

Огонёк мигнул, закачался и погас, а вместо него зажглось шесть огоньков — поменьше и поближе. Я пригляделся, напрягая своё ноктовидение и выругался сквозь зубы. На этот раз, обстоятельства действительно были совсем иными. Шестёрка солдат, чьи силуэты только начали проступать в тумане, двигались и действовали теперь совсем иначе, чем в прошлый раз. Пригнувшись, они быстро шли, стараясь разойтись максимально широко, видимо, чтобы минимизировать возможность ведения оборонительного огня. Не знаю, как они видели наш танк (он-то в отличие от фонарщиков никаких светящихся знаков не имел), но двигались они прямо к нему. Впрочем, вот это-то как раз они делали и в прошлый раз.

— Боюсь, на этот раз у нас нет возможности избежать боя, — сообщил я Алисе, — Фонарщики нас заметили и рассыпались.

Капитан не отвечала несколько секунд, затем сообщила:

— Поняла. Тогда постарайся связать их боем, не убивая слишком многих.

— Я смогу вырубить их не убивая, — заметил я.

— Нет, это куда худший вариант. Просто... не убивай всех.

— Понял, — пробормотал я, убирая револьвер в кобуру, — Сообщите мне, когда нужно будет возвращаться.

— Сообщи.

Использовать огнестрельное оружие было очевидно не лучшей идеей, если я не хочу себя выдавать, особенно учитывая дистанцию боя.

Солдаты между тем вынырнули из тумана и предстали во всей красе: такие же высокие, как и прошлая шестёрка (я всё-таки не мог поверить, что это те же самые люди), в таких же длинных серых шинелях, застёгнутых на все пуговицы. На головах — стальные шлемы с подшлемниками. Что ж, попробуем действовать осторожно.

Я скатился по броне налево, приподняв руку с мечом так, чтобы тот не звенел по корпусу танка, и оказался по щиколотку в мутноватой жиже. Что ж, могло быть и хуже. Болото представляло куда большую опасность для мага, чем могло показаться — всё-таки, человек остаётся человеком, то есть существом довольно хрупким, нуждающимся в таких

вещах как дыхание и способным свободно перемещаться лишь по небольшому количеству поверхностей. Я видел достаточно сильных колдунов, примитивно свернувших шею от неудачного падения, чтобы потратить десяток лет на освоение базового чувства опасности, и точно так же я слишком много наблюдал людей, сгинувших в болотах, утонувших в реках и замёрзших в лесах, чтобы потратить несколько лет своей молодости на изучение предметов, необходимых для того, чтобы не оказаться в одной из таких печальных ситуаций.

Воспользовавшись «путеводной нитью» — надёжным поисковым заклятьем — я адаптировал своё зрение под обстоятельства. Теперь я видел, где можно пройти безопасно, где притаился опасный провал, а куда лучше вообще не ходить, несмотря на кажущуюся надёжность почвы. Самое смешное, что заклятье это я вывел из, собственно, того самого натренированного чувства опасности, основанного на интуитивном предвидении, а потому «путеводная нить» оказалась по факту полностью универсальной и не нуждалась в адаптации под конкретные условия и климат. Просто заклятье предсказывало, в каком месте со мной произойдёт беда, и насколько сильная, а вот какая именно это беда заклятье не говорило.

«Впрочем, для того, чтобы понять, какое именно лёгкое недомогание я испытаю, испив из колбы с надписью „царская водка“, мне и нужна голова на плечах» — подумал я, осторожно двигаясь вперёд в высокой траве.

Мне удалось выбрать такой маршрут, что я должен был выйти фонарщикам во фланг, при удаче — сняв самого левого так, что товарищи этого действия не заметят. Ну а если мне не повезёт, стрелять по мне будет им неудобно из-за густой травы, в которой легко спрятаться.

С этими мыслями я скользил вперёд, невидимый в зарослях, пока наконец не оказался там, где и хотел — прямо за спиной вражеского бойца. Тот двигался вперёд куда менее грациозно чем я, но тоже не спешил проваливаться в болото. Фонарщик (кстати, сам фонарик, горевший в ночи как оказалось висел у бойца на поясе и был сильно меньше того шестового варианта) шёл пригнувшись, держа в правой руке гранату на длинной ручке, а в левой — противогаз. Видимо, содержимое гранаты не было привычным фугасом или осколочным зарядом. Впрочем, мне же лучше — гранатой особо от меча не защитишься.

Дождавшись, пока солдат пройдёт мимо, я выскользнул из травы, поднял меч и уверенным движением разрубил как бойца, так и линию его жизни. Он успел каким-то удивительным усилием повернуться (это при том, что разрублен оказался от плеча до хребта) и посмотреть на меня удивлённо-обиженным взглядом подростка, которого оторвали от любимой игры, а затем серые глаза молодого парня закрылись навсегда, когда их обладатель повалился на спину.

К сожалению, в воду его останки вошли с изрядным плеском, поскольку я не мог этому помешать, так что остальные фонарщики тут же развернулись. Кто-то выкрикнул отрывистый приказ (я не понял языка, хотя, уверен, знаю все языки, на которых разговаривают в Европе) и раздались выстрелы. Но как я и планировал, позиция для стрельбы была неудобной — между этим бойцом и остальными было несколько поваленных деревьев и густого, хоть и мёртвого кустарника, что изрядно снижало видимость. Пули выбивали искры из окаменевших деревьев, расщепляли более живые стволы, но фонарщики пока что были очень далеки от того, чтобы в меня попасть, а я не собирался облегчать им жизнь.

Молниеносно метнувшись к заранее отмеченному валуну, я извлёк револьвер и уже

собрался снести голову фонарщику, который был от меня не более чем в десятке метров, но явно меня не видел, как вдруг взревело чувство опасности. Подчиняясь ему, я бросился в сторону и пуля вместо того, чтобы войти мне в живот, расплющилась о камень. Я поднял голову и увидел только что убитого фонарщика, поднимавшегося из болотной жижи. В руке его был пистолет, а на теле — никаких следов нанесённой мной страшной раны.

Пока я промаргивался от вспышки выстрела, парень опустил разряженный пистолет (однорядный, наподобие сигнальной ракетницы) и обрушил мне на голову всё ещё зажатую в руке гранату.

Нет ничего страшнее обрушения того, что всю жизнь считал реальным. Вот представьте: живёт сапожник, сын сапожника, внук сапожника, делает сапоги как его отец и дед. Всё у него хорошо, жизнь проста и незатейлива: жена, детишки, пьянки с друзьями раз в месяц. И никаких проблем нет, никаких сложностей, всё что нужно знать, он знает, что необходимо делать — делает. Можно сказать — живёт так, как бог завещал (в бога он само собой тоже верит). И вот сидит этот парень, тачает сапоги и вдруг заходит к нему клиент и говорит — «Для кого ты сапоги делаешь! Ни у кого в мире ведь ног нет!» Смотрит сапожник на свою работу и понимает — и правда ведь, не сапоги он делает, ведь ног-то действительно ни у кого нет. Как он поступит в таком состоянии? Сохранит ли рассудок и трезвость мышления? Сумеет ли приспособиться к перевернувшимся реалиям мира? Очень хорошее упражнение для тренировки гибкости сознания, на самом деле. И очень полезное, за что я его и люблю.

Именно поэтому произошедшее перед глазами не свело меня с ума, а «всего лишь» заставило замереть на месте, осмысляя происходящее. Человек, которого я убил, смерть которого я наблюдал своими глазами, поднялся вновь из мёртвых и не как автомат-зомби, а как настоящий, так сказать «живой мальчик», не демонстрирующий никаких признаков недавней смерти. Это было невозможно — ведь я не просто разрубил этого парня, я разрезал нить его жизни, он должен был быть мёртв, но вместо этого — вот пожалуйста, замахивается на меня гранатой. К счастью, обширный опыт магических войн научил меня простому правилу: «сначала разберись с угрозой, а потом уже офигевай», и благодаря этой, вбитой в мозжечок, максиме, пока сознательная часть моего мозга убеждала себя в нереальности происходящего, бессознательно-инстинктивная действовала, перехватив контроль над телом.

Заметив, что чеки в гранате, летящей мне в голову, уже нет, я бросился на фонарщика не дожидаясь взрыва. Времени размахиваться мечом не было, да и не доверял я ему после предыдущей попытки, так что я прошёл на низком уровне, сдёрнул с пояса солдата противогаз и увернулся от рукояти пистолета, которой владелец захотел огреть меня по затылку. Граната между тем напомнила о себе: из-за спины бойца раздался хлопок и во все стороны повалили клубы бело-зелёного дыма. Я быстро отскочил назад и натянул на лицо противогаз, надеясь, что враг не догадался, вопреки всякой логике, хранить его в не боеготовом состоянии.

К счастью, он до такого действительно не догадался. Я прижал маску к лицу, предварительно выдохнув, чтобы стёкла не запотели, и развернулся к оставленному за спиной немцу, которого уже захлестнуло бело-зелёное облако. И вот лучше бы я этого не делал, честное слово. Уж не знаю, что именно было в этой гранате, но на фонарщика оно подействовало не хуже кислоты: кожа мужчины пузырилась и лопалась, плоть плавилась, глаза вытекали. Но самое страшное — всё это происходило при полном молчании воина. Даже больше того: пока его плоть разлагалась, он наклонился, пытаясь нащупать на земле выпавший из изуродованных пальцев пистолет. Я отошёл назад и поднял свой револьвер, желая прекратить мучения немца, но уже подняв оружие, остановил сам себя. Я уже пробовал убивать этого парня, и это ни к чему не привело. Вряд ли приведёт и сейчас, но надо хотя бы понять, что происходит, а второй шанс вряд ли выпадет — рано или поздно

остальная пятёрка прекратит палить в дым и начнёт меня искать нормально. Хотя их соображалка и не подросла особо, но всё же действовали фонарщики куда умнее чем раньше. Вот только — почему? Алиса говорила конечно, что эти ребята являют собой страшную силу, но пока что, кроме странного оживления (я предпочитал считать, что это просто результат очень хорошей магической защиты и регенерации) особого мастерства я не заметил, скорее наоборот.

«Только почему тогда чувство опасности не затыкается?»

Из дыма появился фонарщик. Ещё пару минут назад это был молодой парень, сейчас же на меня вышел почти труп, с которого слоями сползло мясо. Я всякое видел, но от лицемерия этого парня меня потянуло блевать, и остановило лишь понимание, что блевать в противогаз — не лучшая идея. Но и отвернуться я не мог — надо было понять, что происходит и почему фонарщик ожил в прошлый раз, а тут появилась возможность для наблюдения. Наконец солдат упал, нить его жизни прервалась, тело замерло и тут...

От увиденного я покрылся холодным потом и бросился обратно в траву, даже не пытаясь маскироваться. Где-то на полпути к танку, я отреагировал на слова пытавшуюся докричаться до меня последний пяток минут Алису.

— *Стас! Что происходит, что у тебя за стрельба?* — псио почти неспособно передавать эмоции, но я был готов поклясться, что «слышу» в сообщении Алисы неподдельную тревогу.

— *Ничего особенного, просто... неожиданные сложности,* — ответил я, стягивая противогаз, благо облако яда осталось далеко позади.

— *Ты в порядке?* — это уже интересовалась Арлетт.

— *Да, в порядке. Просто удивлён слегка.*

— *Возвращайся. Не знаю, что ты там сделал, но Фонарщики вроде бы потеряли к нам интерес и начали смещаться на запад. Пройдёт какое-то время, прежде чем они сообразят, что случилось и отправятся за нами. В конце концов, это всего лишь...*

— *Вторая итерация, понимаю,* — ответил я, нервно потянувшись за сигаретой, а потом обругал себя и продолжил движение. Ещё не хватало, чтобы фонарщики дым заметили или огонёк сигареты, — *Да, интересно у вас тут с ними выходит, нечего сказать.*

— *Ты что-то понял о том, как они устроены?*

— *Я понял достаточно. Ладно, возвращаюсь. Буду совсем скоро, подхожу с той же стороны, куда и ушёл.*

— *Ждём.*

Когда я наконец выбрался обратно к танку, стрельба за спиной успела стихнуть. Несомненно, фонарщики не решили вдруг забить на поиски, просто они обнаружили своего товарища и двинулись к нам. То, что они нас найдут у меня теперь сомнений, не вызывало, поэтому можно было только радоваться тому, сколько времени я по факту выиграл для нашего экипажа.

Перед тем как залезть на корпус Эски, я снял с лица маску противогаза и, подумав, забросил предмет снаряжения далеко в траву. Неясно, сильно ли это поможет, но тащить внутрь хоть что-то, принадлежащее фонарщикам, мне не хотелось совершенно. По схожей причине, кстати, прежде чем забраться внутрь танка, я тщательно вытер лицо отрезом ткани из кармана, а потом той же тряпкой протёр приборы наблюдения, на которых вроде бы осталась после первого столкновения с фонарщиками их кровь. И только когда эта работа была завершена, я бросил тряпку вслед за противогазом и открыл люк, предварительно

бросив на псио «Это Стас, захожу через крышу корпуса».

Внутри танка меня ждали с явным нетерпением и как только я закрыл крышку люка, двигатель танка взревел. Арлетт поколдовала с рычагами и танк уже вполне привычно начал опускаться под землю. Я же бросил меч в ножнах на скамью рядом с моторным отсеком и проверил показатели топлива. К сожалению, те были в норме, так что занять себя рутинной работой не вышло.

— Сколько мы будем оставаться погружёнными? — услышал я вопрос Алисы, адресованный француженке.

— Минут семь.

— Хорошо. Не спеши всплывать.

Я услышал шаги и поднял взгляд. Алиса стояла передо мной, держась за одну из потолочных скоб. На её красивом молодом лице сложно было что-то прочесть и в обычных условиях, и тем более в том состоянии, в котором находился я, но, когда девушка заговорила, в её голосе слышалось искреннее сочувствие.

— Судя по твоему виду, вылазка дала тебе некоторые ответы.

— Увы. Скажу честно, я был бы рад их не получать, — я вздохнул, откинулся на тёплую стенку, за которой было машинное отделение.

Алиса села рядом и, повернувшись ко мне, спросила:

— Почему так?

«Потому что до их получения цель путешествия не казалась мне настолько нереальной,» — такого я говорить конечно не стал, хотя ответ был хороший, пусть и излишне мелодраматичный. Вместо этого я пожал плечами и ответил иначе:

— Не хотелось бы думать, что эта зона куда страшнее, чем мне изначально показалось. Ваша служба ведь в курсе, что фонарщики не могут существовать? Как физическое явление не могут, я имею в виду?

— Если ты говоришь о том, что они являют собой нарушение законов термодинамики, то да. Но мы очень мало о них знаем, как и об остальной зоне. И потому любая информация, которой ты поделишься не будет лишней. Что ты увидел?

— Что я увидел... Я дважды убил фонарщика. Первый раз сделал это мечом, второй раз — его собственным отравляющим газом. Оба раза я наблюдал за тем, как заканчивается его жизнь. Я вижу линии жизни и смерти и имею возможность рассекать их, это одно из применений моего истока, — говоря это, я внутренне кривился. Мне не хотелось бы раскрывать такие детали, для мага это плохо кончиться может, — И с этим парнем я видел как линия его жизни прервалась, а потом сплелась обратно.

— Может быть это как с выходом из комы или перезапуском сердца? — предположила Алиса.

Я хмыкнул:

— Нет, не может. В упомянутом тобой случае, линия бы не оборвалась, собственно, до самой смерти. Ведь это не линия как таковая, это моё восприятие нити жизни. А жизнь — она либо есть, либо нет, либо ноль, либо единица. Жизнь может прекратиться, но не может вернуться в мёртвое тело ни в каком случае, кроме одного, с которым мы, я боюсь, и имеем дело.

— С каким же?

Я слегка развёл руки ладонями вверх.

— Думаю, фонарщики не двигаются вперёд по временной оси, они существуют лишь в

определённой точке, в определённом моменте времени. Именно поэтому их нельзя убить окончательно, ведь одно и то же событие не может повториться в истории два раза, — я грустно усмехнулся, — В каком-то смысле я даже снимаю шляпу перед тем, кто их создал: он выбрал довольно грубый, но всё же действенный способ обретения бессмертия, пусть и очень специфического. Омерзительного и невозможного, рискующего судьбой всего мира, но же — очень смелого и рабочего. Они ведь не живут, не так ли? Они существуют как некая данность, потому что природа их бессмертия — не биологическая, а темпоральная. По сути своей, фонарщики могут восстановить линию жизни потому, что просто не могут умереть, ведь их судьба уже давным-давно случилась и изменить её невозможно.

Алиса вздохнула и покачала белокурой головой, на лице её отразилась боль.

— Да, ты прав. Источник живучести фонарщиков — это не усиленная регенерация, это темпоральная магия. По сути, они просто живут в одном-единственном моменте, том самом, где они в Верденской мясорубке победили «свой» танк.

— И каждый следующий танк подставляется на место этого самого «своего».

— Верно. Но на этом мои знания по теме заканчиваются, — девушка грустно улыбнулась, — Никто просто не выживал достаточно долго, чтобы рассказать нам, что происходит дальше. Да и твоими знаниями наши специалисты не обладают. Всё что мы знаем о фонарщиках — это то, что их применяли в двух битвах до отправки на Верденские поля, и в обоих случаях потери как самих фонарщиков, так и танковых группировок, которым они противостояли, были чудовищные. Ни один фонарщик не пережил войну и не вернулся с Вердена. Так что любые идеи будут к месту...

Я поскрёб подбородок, отметив про себя, что щетина отросла уже до почти неприличной длины и надо бы побриться.

— Понимаю. Что ж, если начать предполагать, то я бы сказал так: нас спасает то, что фонарщики тоже деградируют под влиянием аномалии. Они не могут выполнять свою функцию из-за недостатка целей, а без целей их программирование отпускает солдата из-под своего контроля. Только вот чем дальше они находятся за его пределами, тем дальше оказываются от своего «нормального» состояния, ведь это состояние находится в их прошлом, а разум неспособен думать в обратном направлении. Проблема наша в том, что каждая следующая смерть вынуждает фонарщиков восстанавливаться всё ближе и ближе к тому самому образу «абсолюта», который находится в их прошлом, и они становятся всё опаснее и опаснее. Что ещё хуже, так это то, что, возрождаясь, они влияют на окружающий мир, как бы тоже направляя его движение в обратную сторону. И чем чаще это происходит, тем более «нормальным» становится для нас самих такое положение вещей, а это уже значит, что с определённого момента для нас тоже не останется пути назад. По сути, привыкая к навязываемому нам фонарщиками стилю жизни и мышления, мы выпадаем из собственной реальности и остаёмся в их варианте. Чем-то похоже на предзнание, которое мы испытали при первом погружении, но гораздо хуже. В общем и целом, мы не можем продолжать сражаться с Фонарщиками даже не потому, что не сможем их побеждать. Проблема будет в том, что, приняв эти правила игры, мы навсегда закроем для себя дорогу наружу. А они скорее всего захотят навязать нам эти правила, поскольку интуитивно стремятся вернуться в своё «нормально состояние» для чего им необходимо подобрать все нужные для ритуала образы...

Я задумался, пытаюсь представить в голове необходимые условия, просчитать различные варианты. Алиса терпеливо ждала. Наконец я вынырнул из собственных мыслей и посмотрел

на блондинку:

— Прости, я вероятно ушёл в дебри.

— Не волнуйся, я привыкла общаться со специалистами, которым бывают свойственны моменты озарения, — блондинка улыбнулась, — Я понимаю, в каких условиях тебе приходится решать эту загадку, так что не хочу торопить, но всё же — время почти на исходе, мы начинаем подниматься на поверхность.

— Что ж, тогда я просто скажу без деталей: фонарщики от нас не отцепятся, потому что им нужен образ «вражеского танка и его экипажа» для реализации собственного цикла. Пока они не находятся в рамках сценария, повторяющего или просто похожего на сценарий их смерти, они не живут в прямом смысле этого слова, и чем дольше они существуют без реализации этого сценария, тем менее похожими на людей они становятся. Проблема в том, что с каждой следующей встречей они будут возвращаться к своему «идеальному» состоянию — то есть к образу тех людей, которыми они были на момент своей без сомнения героической гибели, и в процессе они будут всё дальше и дальше затаскивать нас за собой. Как ты правильно заметила раньше, мы уже во многом демонстрируем черты местных «жителей», в случае же с противодействием фонарщикам, этот эффект будет проявляться быстрее. Потому что течение времени в Верденской Аномалии, судя по всему, спирально, а фонарщики на эту спираль накладывают ещё и отпечаток своей странной магии, или скорее — пользуются тем, что спиральность местного хода времени упрощает им задачу по возвращению к привычным образам и моментам жизни. И поэтому я думаю, что, чем быстрее мы доберёмся до Серебряного Зеркала, тем лучше.

— Ты думаешь, там мы сможем избавиться от их преследования?

Я посмотрел на Алису и задумался о том, как ответить на этот вопрос. Правда была слишком сложной и опасной для озвучания, не говоря уже о времени, которую займёт её изложение. Поэтому я предпочёл ответить коротко:

— Да, я подозреваю что сможем. Но для этого надо пережить путешествие.

— Всплываем, — для разнообразия, Арлетт не воспользовалась псио, — В котле меньше половины массы.

— Понял, займусь заполнением, — сообщил я и поднялся на ноги, посмотрел на Алису сверху вниз и заметил, — Ты права — дальше будет только сложнее.

С этими словами, я скинул бушлат, взял лопату и пошёл в моторный отсек. Решать проблемы надо по мере их поступления. А проблем у нас осталось немало...

Мои слова оказались пророческими. На этот раз Эска поднялась на поверхность уже на самом краю болот, на границе с безжизненной длинной пустошью, изрытой воронками взрывов. По этой земле можно было ехать, а следовательно — не выжигать запасы странного топлива, которые в погружённом режиме расходовались с пугающей скоростью. С другой стороны, фонарщикам перемещаться тут тоже будет намного проще и учитывая, что я теперь знал об их природе, надежды на то, что немцы нас потеряют не было никакой. У меня по крайней мере не было, девушки своими мыслями не делились. Мы вообще, если честно, особо не разговаривали — грохот машины при езде был такой, что диалог голосом был невозможен, а псио — слишком специфический инструмент, не предполагающий удобства для праздно болтовни.

Вместо разговоров мы занимались каждый своим делом: Алиса проверила боекомплект орудий, зарядила ленты в курсовые пулемёты (башенный и корпусной). Арлетт быстро освоилась с переключением режимов хода: оказывается, в своём подземном «червячьем» режиме танк задействовал совсем другие инструменты. Парижанка щёлкнула кнопками, переключила трансмиссию и странное дрожание в кузове сменилось знакомым уже тархтением двигателя внутреннего сгорания. Одновременно с этим раздался лязг гусениц и танк быстро выбрался из разрыхлённой его собственными лопатками почвы. Я же в это время проверял режимы работы, сверяясь с указанными в технической тетрадке параметрами, убедился при помощи «ворона» что разрывы гусениц не грозят (и заодно порадовался тому, что Верденская Аномалия вложила мне в голову знания о том, как такой движитель работает, как трансмиссия передаёт энергию двигателя гусеницам и прочим базовым вещам, ибо в родной Империи использовать столь специфические средства перемещения как «танки» никому в голову не приходило), двигатели работают, топливо и масло в порядке и вообще — пока что никаких проблем не наблюдается.

Эска быстро, на скорости километров где-то под сорок в час катилась по пустоши, оставляя за кормой липкий болотный туман и собирая влажным корпусом куда более сухую пыль, которую бросал на танк лёгкий ветер.

«Но уж лучше грязь и ветер, чем артиллерийские снаряды,» — думал я, в очередной раз выглядывая из люка чтобы оценить направление и скорость.

Снарядов и правда было не видно и даже не слышно. Может, я чего-то не понимал в местной артиллерии, может аномалия вносила свои поправки в акустическую картину этих мест, но вспыхивавшие на горизонте за кормой разрывы снарядов по каким-то причинам не сопровождалась даже минимальным грохотом. Странно, конечно, но на фоне остальных странностей — вполне терпимо.

Что было гораздо менее терпимо, так это курс, который словно бы сам собой менялся. Арлетт вела машину в строгом следовании картам. К сожалению, вместо указанных ориентиров, вокруг продолжала свистеть лёгким ветром пустошь, а мы трое, к ещё большему сожалению, догадались о причинах такой неприятности слишком поздно. А если точнее — вообще не догадались, просто причина постучала нам прямо по башке, почти что в прямом смысле.

Равнина была «равниной» весьма условно, а подвеска нашей машины не сказать, что хорошо защищала от тряски и перепадов, поэтому на большой скорости (а средние тридцать

пять км/ч — это большая скорость для такого старого и тяжёлого танка) наш транспорт не только подпрыгивал на каждой кочке, но и заставлял чувствовать каждый серьёзный изгиб. Это нас и спасло, думаю. Арлетт подпрыгнула на своём сиденье, когда нос танка провалился на мгновение в какую-то невидимую даже в свете фар рытвину, а прикусившая язык Алиса как раз собралась выругаться, как от лобовой плиты что-то звонко отскочило. Парижанка удивлённо замотала черноволосой головой, оглушённая звоном, но я был рядом. Перегнувшись через разделявшую водительское место и место стрелка главного калибра, я надавил кнопки выключения фар. Блондинка же не теряла времени и тут же оказалась у прицела башенного орудия.

— Неужели фонарщики? — спросила Арлетт, которая наконец-то пришла в себя.

— Кто же ещё, — ответила Алиса, не отрываясь от прицела, — Только вот ведут себя намного умнее.

— Я пойду наружу, — сообщил я, пробираясь к корме танка, где находился «мой» люк.

Блондинка преградила мне путь ногой и опустила голову:

— Чтобы следующий выстрел нашёл уже тебя? Их противотанковый снаряд срикошетил потому, что нос танка внезапно упал и плоскость бронелиста оказалась под совсем иным градусом, нежели ожидали.

— Если сидеть здесь, они просто зайдут нам во фланг и всё, — пожал я плечами, — А тогда уже можно будет выбирать, куда именно вгонять нам противотанковый.

— Они не дадут нам решать, — раздался голос Арлетт, — Посмотрите вперёд.

Мы с Алисой переглянулись и посмотрели наружу, девушка — через триплексы командирской башни, а я через прицел пушки. Для этого правда пришлось слегка потесниться, но открывшийся вид заставил тут же забыть о неудобствах.

Спереди на танк напозала завеса дыма, густого, как давешний болотный туман. И в этом дыму, конечно же, вспыхивали синие огоньки — один, другой, третий, пятый... Я повернул башню (благо, усилитель поворотного механизма работал и тогда, когда танк стоял на месте) и навёл курсовой пулемёт на один из огоньков. Короткая очередь — и он погас, но только для того, чтобы тут же загореться вновь.

— Обманки, — сообщила Алиса, — Они учатся.

— Или вспоминают, что умели раньше.

— Или так.

Арлетт тем временем тоже оценила обстановку, увидела напозающий дым и дёрнув рычаги, запустила двигатель в реверс. Мотор заревел и танк и выскочил из оврага, разбрасывая во все стороны грязь и песок, и так и начал ускоряться задом вперёд. Я стукнулся затылком о срез башни и чертыхнулся, сверху дёрнулась Алиса, которая, судя по приглушённому «ой, мля!» в свою очередь слишком близко познакомилась со внутренностями командирской башенки.

— *Нам нужно избежать попадания в туман,* — пришло сообщение Арлетт, безо всяких предисловий, — *Ворон говорит, что в тумане слишком опасно.*

— *Нужно так нужно,* — ответил я, — *Похоже, я всё-таки увижу на что способны эти легендарные ребята...*

«Вот только буду ли я этому рад?» — ответом на невесёлую мысль был ещё один звонкий удар по корпусу — это срикошетил второй снаряд фонарщиков.

Я уже собрался плюнуть и вылезти наружу, чтобы умерить прыть фонарщиков, но тут танк словно споткнулся, застыл на мгновение, а потом с правого борта раздался скрежет и

Эска начал медленно проворачиваться на месте. В башне выругалась Алиса, которой внезапная остановка и вращение сбива прицел и снаряды автоматической пушки стали уходить в никуда, когда башня не могла поспевать в повороте за корпусом. Капитан, впрочем, поняв это тут же прекратила огонь, который и до того вела скорее на подавление.

— *Стопор в правой гусенице, ведущее колесо заклинило,* — сообщила Арлетт. Псио и так-то не особо хорошо передаёт эмоции, но даже учитывая это послание парижанки звучало как отчёт автоматона-слуги. Я таких видал при австрийском дворе.

Алиса отпустила рукоять пушки (от калибра в подбирающемся тумане-дыме было немного толку) и посмотрела не меня, сверкнула голубыми глазами из-под растрёпанной чёлки.

— *Стас, тебе придётся всё же...*

Договорить она не успела — спереди по танку что-то стукнуло, но не как снаряд, а слабее, по броне раздалась глухие удары, похожие на... топот?

— В сторону! — крикнул я, когда лунный свет из триплекса командирской башенки что-то перекрыло. По бронированному стеклу нанесли удар, потом ещё один, и триплекс вылетел, звонко стукнулся о стену башни в десятке сантиметров о головы Алисы и полетел на пол. В образовавшуюся дыру устремился толстый похожий на лом предмет. Трёхгранный наконечник раскрылся наподобие лепестков корабельного (или, что, наверное, актуальнее для этого мира — самолётного) винта и чуть было не располосовал Алисе скулу, высек искры из стенки башни. Капитан тут же рванула с пояса пистолет и выпустила несколько пуль в окно. Винт перестал крутиться по башне.

— Я попала?

— Нет, — ответил я, чувствуя жизнь фонарщика, — Он просто ушёл с линии огня. Гранату кинуть догадается?

Девушка отрицательно помотала головой:

— Нет, во времена Великой Войны гранаты были слишком большие — не пролезет такая в дырку. По крайней мере — в эту.

— А в водительское окошко? — я посмотрел на девушку, она посмотрела на меня и мы друг друга поняли.

Подгоняемый толчком в плечо от Алисы, я скатился в салон и на четвереньках бросился к водительскому сиденью. Как раз вовремя, чтобы увидеть ствол пистолета, входящий в водительскую смотровую щель. Толстый восьмигранный ствол повернулся, словно бы осматриваясь и наконец нацелился на парижанку. Та склонилась над панелью стрелка и явно не замечала угрозы.

Я оказался рядом и в последний момент ударил по стволу, отбивая его вверх. Выстрел в замкнутом пространстве танка ударил по ушам как раскат грома и водительское место заволочло кислым пороховым дымом.

— *Извини, я не заметила его,* — Арлетт перешла на псио, и правильно сделала, с таким звоном в ушах воспринимать устную речь было невозможно, — Увлелась показаниями «ворона».

— *Ну, если бы ты смотрела куда положено, скорее всего пистолет этот тебе в лицо бы разрядили,* — заметил я, — *А что там с Вороном? Интересное предзнание?*

— *Пожалуй. Предупреждает о разрыве пушки, только вот мы вроде не собирались из неё стрелять...*

— *Куда стрелять-то из пятисотмиллиметровки-то в таких условиях? Туман*

разгонять разве что, так ведь не разгонит...

Я осёкся и посмотрел на камору оружия, тоже самое сделала и Арлетт. В ушах всё ещё стоял звон, но готов поклясться, что только что я то ли услышал, то ли почувствовал скрежет изнутри орудия. Пушки разрывает не только от стрельбы, знаете ли...

— *К стенке прижмись*, — сказал я Арлетт, та выполнила приказ.

Я же положил ладонь на рычаг открытия каморы, прокляв себя за лень, не позволившую мне перезарядить пушку сразу после выстрела...

«Впрочем, бить себя ушами по щекам тоже смысла мало, — одёрнул я сам себя, — Бомбарду перезаряжать почти пять минут, при этом её хорошо бы почистить после выстрела, а на это времени конечно же не было ни секунд.»

Поняв, что я лишь оттягиваю неизбежное досужими размышлениями, я дёрнул рычаг и чудовищных размеров затвор отошёл назад, открывая моему взору...

«Ну да, кто же ещё».

Я скривился и опустил снятый со стены траншейный нож. Фонарщик, который и так едва ли мог нормально двигаться в стволе орудия, увернуться конечно не мог. Клинок пробил запястье руки, сжимавшей непонятный стальной цилиндр (несомненно взрывное устройство), прошёл через толстую ткань шинели и пробил грудную клетку как раз там, где располагалось сердце. Быстро, надёжно и никакой лишней крови.

— *Не знаю, что вы сделали, но остальные отходят. Туман тоже отступает!* — сообщила Алиса по «общей связи», — *Арлетт, Ты можешь начать погружение?*

— *Нет, сначала нужно сменить гусеницы на лопатки, а для этого надо расклинить правое колесо*, — сообщила брUNETка.

Я смотрел на труп фонарщика в стволе. Интересно, сколько он будет оставаться в таком состоянии, прежде чем начнёт восстанавливаться? Я снял с крепления на стене катану, для чего пришлось слегка потеснить девушек — всё-таки маловато места в этой повозке. Использовать меч по прямому назначению в столь замкнутом помещении было невозможно, но я его снял не для этого. Не вынимая оружие из ножен, я коснулся рукоятью груди фонарщика и солдата объяло пламя, пока что оно плясало на одежде, но скоро должно было заняться и плотью. Резким движением я запер камору и протиснувшись мимо Алисы направился к люку корпуса.

— Хорошая идея, пепел фонарщика вынесет из ствола сам нагретый воздух, — сказала мне в спину Алиса, — В стволе ничего не останется.

Я кивнул и откинул крышку люка.

Вытащить мину оказалось сложнее чем я думал — оказывается, это была такая же фиговина, как и та, которой фонарщики выбили триплекс командирской башенки. Только тут зубья не крутились, а словно бы закрепились, расклинив шестерни ведущего катка о края корпуса за ним. Изящное решение. Правда, как снимать штуку я не смог разобраться — в основном потому, что не хотел тратить время, ведь фонарщики могли вернуться очень скоро и кто знает, что они припасут на этот раз?

Поэтому я просто срезал стальную головку инструмента «воздушным клинком» и вытащил её из-под гусеницы. После чего сразу же полез обратно в танк. Перед новым переходом предстояло как можно лучше проверить нашего железного коня на предмет повреждений. Чутьё подсказывало мне, что шансов может потом не представиться.

Предчувствие не обмануло. Мы двигались к указанному на карте месту, а фонарщики двигались за нами и вместе с нами, и становились всё умнее и умнее. В чахлом мёртвом лесу, через который мы катились, фонарщики устроили засаду, прикрыв ветками широкую балку, в которую наш танк чуть не свалился. В распадке между двумя холмами, образованными перекрученной запечённой землёй, они спустили на нас небольшой оползень. Когда после леса снова начались перекопанные траншеями поля, фонарщики использовали по ощущениям каждую вторую, чтобы обрушить на нас какой-нибудь мерзкий сюрприз. И чем больше времени проходило, тем большим успехом заканчивались их атаки.

Танк покрылся копотью от близких разрывов мин, краска местами пузырилась и осыпалась после того, как пришлось проехать через кислотный туман, курсовой пулемёт на башне погнулся от попадания одного из противотанковых снарядов нашей немезиды, а корпусной я лишь в последний момент успел вытащить, спасая его от судьбы вроде той, которая постигла краску на днище корпуса, которым мы с подачи фонарщиков вляпались в какую-то особо едкую и судя по всему разумную лужу непонятной чёрной дряни.

Не остались невредимыми, и мы сами, а магия лечения в аномалии работала хреново, поэтому Алиса красовалась в белоснежной повязке, закрывавшей половину лица вместе с левым глазом после того, как в одной из лесных атак фонарщики приоритизировали башню и пытались вскрыть её броню похожими на гигантские ножницы по металлу гидравлическими открывашками. Броня башни теперь выглядела так, будто глиняная заготовка горшка, которую разочарованный мастер исполосовал макетным ножом. Досталось и Алисе, когда она, презрев опасность, подгадала момент и высунувшись из люка обдала немецкий спецназ волной жаркого пламени. Один из фонарщиков, которого не смело напором огня сразу, успел махнуть своей открывашкой и чуть не снести девушке кусок черепа. Алисе повезло, и она «всего лишь» отделалась глубокой рваной раной от левого виска до примерно середины лба. Закрыть мы её закрыли, но разрез всё равно обильно кровоточил.

Арлетт было с одной стороны легче — она находилась в наиболее хорошо защищённой части корпуса, а с другой — в случае чего от опасности было невозможно уклониться, поэтому девушка баюкала правую руку, которую обожгло остатками термитного заряда, который фонарщики пытались заложить в нашу пушку.

Мне же, как ни странно, удалось оставаться относительно целым, несмотря на то что именно я по причине ненужности механика внутри танка при собственно обороне во время нападений фонарщиков обычно оказывался первым кандидатом на то, чтобы оказаться снаружи и драться с засранцами там. Собственно, когда мне удавалось там оказываться, нападения фонарщиков были наименее эффективными — возможно поэтому они быстро перешли к тактикам нападения из засад и использования дряни типа того кислотного тумана, который не позволял мне высунуться. Тем не менее, свою порцию ушибов, царапин, синяков и даже вывихов я получил. Лекарственные чары, как и в случае с девушками, оказалась ограниченно эффективно — боль уходила и раны закрывались, но куда медленнее чем должны были.

И всё же мы двигались вперёд, что нам оставалось? И когда на востоке уже начало светлеть в преддверии рассвета, впереди показали развалины города.

— Верден, — пробормотала Алиса, отрываясь от прицела пушки, через который только и могла смотреть, наружу не высовываясь из башни, — Цель нашего путешествия.

— Добрались всё-таки, — выдохнула в ответ брюнетка.

Я лишь кивнул.

По мере того, как на востоке светлело небо, активность призрачной войны сходила на нет, приглушалась. Причём «приглушалась» — наиболее правильное определение, самих по себе выстрелов артиллерийских установок вроде бы не становилось меньше, но разрывы звучали тише, будто кто-то прикручивал громкость на телевизоре. Мы заметили это довольно давно, но здесь, рядом с полуразрушенным городом, ощущение это становилось ещё более явным, поскольку по Вердену никто особо не стрелял. Интересно, почему?

Последний вопрос я произнёс вслух, задумчиво разглядывая приближающиеся дома со своей позиции на броне позади башни танка. Алиса, как раз высунувшаяся из развороченной крыши башни, где раньше был люк, повернула ко мне перебинтованную светловолосую голову и сообщила:

— Никто точно не знает, Стас. Как ты мог понять, подробных сведений о ходе битвы никому не досталось. Но предположения есть.

— Предположения есть и у меня, — я, усмехнувшись кивнул на видневшийся за острыми черепичными крышами столб зелёно-белого свечения, поднимавшийся к светлеющему небу, — Думаю, все стороны конфликта уже один раз обожглись на молоке и теперь дуют на воду.

Я достал из нагрудного кармана кителя портсигар и вытащил две сигареты, протянул одну блондинке.

— Вполне возможно, — Алиса приняла сигарету, подождала её от сверкнувшей между пальцами искрой и медленно затянулась, наслаждаясь редким в последние часы моментом гарантированного покоя, — Вроде бы именно такой столб света горит над кратером серебряного зеркала. Правда, мне сложно сказать, где именно этот кратер располагается — за городом или в его пределах.

— За городом, в полукилометре по восточному шоссе, — ответил я, — в декоративном парке, граничащим со старым королевским охотничьим лесом.

— Ты настолько хорошо определяешь расстояние? — удивилась Алиса.

— Да, но сейчас мне нет нужды напрягаться — я указал на столп света тлеющим кончиком сигареты, — Замок, в котором мы с графом как-то отмечали новый год располагался именно там, а сейчас его башен не видно. Вывод напрашивается сам собой.

— И ты говоришь об этом только сейчас? — Алиса, казалось, не могла решить, разозлиться ей, или просто охренеть, поэтому сочетала обе эмоции.

В другой ситуации я нашёл бы такую комбинацию забавной, но не сейчас. Сейчас я просто пожал плечами и ответил на упрёк:

— У Меттина много замков, но этот вроде бы даже не принадлежал ему, по крайней мере формально.

— Формально, никакого замка там нет, — раздался с водительского места голос Арлетт, слушавшей наш диалог благо танк при езде по земле издавал не так много шума, — Я смотрю на карту сейчас.

— Это мало что значит, — я пожал плечами, — Он был там в моём мире, значит он есть там везде, поскольку этот замок принадлежит графу по праву Завета и Истока.

— С чего ты взял? — это уже Алиса спросила, повернувшись ко мне.

— С того, что именно это позволяет ему поддерживать аномалию. Если Замок-

Которого-Нет-и-Не-Было является местом силы графа, в котором его предки когда-то создали свой Исток, то использование такой вещи как замкнутая магическая буря — великолепный способ запастись не только дешёвой энергией, но и доступ к весьма безопасному и продвинутому полигону, который сам собой тестирует, готовит и выбирает новые формы магии.

— Точнее сказать, тестирует не полигон, а запертые на нём люди, не так ли?

— Да. Но не думаю, что их судьба волнует Меттина.

— А тебя? — этот вопрос прозвучал гораздо тише и весомее.

Я посмотрел на осунувшееся лицо девушки, заглянул в её бездонный голубой глаз, и вздохнул.

— Волнует, но боюсь не так, как тебя, Алиса. Вот этого вот, — я обвёл рукой надвигающийся на нас мёртвый город, — не должно быть. То, что сделали с этими людьми — бесчеловечно и жестоко...

— В таком случае наши мысли совпадают, — улыбнулась девушка, но я продолжил.

— Но, — я выделил это слово голосом, — И это очень важное «Но». Так вот, не граф виноват в войне в целом и этом конфликте в частности. Он мразь, конечно, но мразь в определённом смысле мелкая.

Арлетт издала нервный смешок. С того момента как танк выехал на нормальную асфальтированную дорогу и начал двигаться к городу на весьма приличной скорости, брюнетка явно прислушивалась к нашему диалогу. В чём, скажем честно, винить её сложно: вести танк по прямой как стрела пустой дороге мог бы и слепой, а события последней ночи требовали эмоционального выхода и проговаривания.

Собственно, если бы не реальность, заключающаяся в преследовании со стороны фонарщиков, то я бы первый предложил припарковать железного коня вот хоть у того домика с белым крыльцом, зайти в ближайшую пустую квартиру и усевшись на кухне лениво обсудить, что же за хрень с нами происходила. Увы, такого рода отдых нам не светил, по крайней мере до тех пор, как мы покинем аномалию.

«Если мы её покинем,» — подбодрила меня та часть сознания, что отвечала за пессимизм. Или за реализм? Не всегда легко их различать.

Отгоняя собственные грустные мысли, я заглянул внутрь корпуса, свесившись в люк. Брюнетка сидела в жёстком кресле, почти незаметная за высокой спинкой. Жаль, что мне даже сменить Арлетт нельзя — когда появятся фонарщики, от неё в прямом бою толку будет мало, ровно, как и от меня за штурвалом этой странной машины. Оставалось только ободряюще улыбнуться девушке и заявить как можно более уверенно:

— Нет, я серьёзно, Меттин никогда не обладал силами, необходимыми для создания таких масштабных аномалий, зато он прекрасно, с первого дня нашего знакомства продемонстрировал, как уверенно он умеет ловить рыбку в мутной воде. И это всегда для него кончалось плохо — кончится так и сейчас.

— Хотелось бы верить, Стас, — кивнула брюнетка слегка хриплым голосом. Видимо, последствия раны давали о себе знать.

«Надо что ли у колодца остановиться, вроде бы на главной площади есть фонтан... Хотя пить местную воду может быть небезопасно,» — я вернулся обратно к мыслям о простых и понятных проблемах долгого похода, и уже не возвращался к главной мысли, которую благодаря Арлетт не успел озвучить.

Впрочем, оно и к лучшему. Пожалуй, обстоятельства складывались не тем образом,

чтобы заявлять, что в текущих проблемах Вердена и Франции виноват отнюдь не могучий мульти-пространственный маг, а гордыня людей, которые решились на такое безумие, как магическая война с применением многотысячных армий магов.

Как я и сказал — Виктор фон Меттин не смог бы создать аномалию, он не смог бы её даже поддерживать, только лишь пользоваться. С другой стороны, то КАК он мог ей пользоваться заставляло задуматься о невероятном везении графа, позволившем ему найти именно такую удобный для него источник новых знаний и магических энергий.

«Впрочем, об этом сейчас думать точно не стоит, и уж тем более не стоит озвучивать свои мысли».

* * *

Внутри города стало совсем тихо. Танк катился по пустым улицам, и лязг гусениц по брусчатке был единственным звуком, сопровождавшим путешествие. Кстати, когда я обратил на это внимание Алисы — мол, не слишком ли шумим и не лучше ли снять гусеницы, девушка усмехнулась и пробормотала себе под нос что-то про «летят автострадные танки, шумят по асфальту катки», после чего сообщила, что, к сожалению, выбранная нами машина не была колёсно-гусеничной, так что без гусениц просто никуда не поедет. Я принял информацию к сведению.

Надо заметить, что в городе не было заметно людей — ни в виде призраков, ни в виде трупов, ни в виде той недо-жизни, которую вели солдаты в траншеях. Я не знал, можно ли списать это на подступающий рассвет (днём, как я понял, вечная война затихала), или так тут было всегда. В пользу второго варианта говорило то, что в отличие от тех же траншей, город вообще не выглядел обжитым — ни остатков стульев в брустверах, ни ящиков с провиантом и снаряжением на улицах. Верден выглядел так, будто жители спокойно собрались, а потом встали и без спешки и паники просто ушли задолго до начала войны. Ни тебе оставленной сумки у двери, ни забытой коляски, ни бардака в комнатах, куда я заглядывал через тёмные окна. Ничего. Станный город.

— Ты что-то сказал? — Алиса повернулась ко мне со своего места впереди. Девушка сидела на приступке пулемётчика, так что наполовину высывалась из развороченной башни танка.

— Станный город, говорю, — ответил я, проверяя легко ли револьвер покидает кобуру, — Не пойму в каком веке строили его. Не пойму, почему никого нет и нет даже следов жизни.

— Может город эвакуировали? — блондинка пожала плечами, — У нас очень мало сведений о Верденской битве, по очевидным причинам, но беженцы точно были.

— Тебе видней. И всё же...

— Город странный? — улыбнулась девушка, повторяя мою реплику.

— Ага.

По броне постучали изнутри.

— *Возьмите свои порции, я закончила,* — сообщила нам Арлетт. Прикованная обязанностями водителя к рычагам управления девушка нашла себе развлечение, обнаружив рядом со своим креслом походную печку, прогреваемую паром, в боевой обстановке используемым для оттаивания гусениц и механики танка. В этой печке она и соорудила

несложный завтрак из взятых у пластилинового капитана пайков.

— *Спасибо! Я сейчас спущусь,* — это уже Алиса. Блондинка пропала из виду, опускаясь во внутренности танка, а я лениво обозрел окрестности, пользуясь тем, что Арлетт приглушила скорость на узких улочках города.

Самым интересным объектом оказалась старая церковь, стоявшая на главной площади города, которую мы как раз проехали. Высокое здание с устремившийся к светлеющим небесам колокольной казалась древним, как сами окружавшие город леса, но мой намётанный глаз видел признаки относительно новых архитектурных решений: высокие стрельчатые арки окон, вошедшие в моду после начала пятнадцатого века, когда насмотревшиеся на только что достроенный Нотр-Дам де Пари архитекторы разъехались по провинции повторять увиденное в столице чудо каменного зодчества. Конечно, кто-то может сказать, что пятьсот лет — вполне приличный возраст для того, чтобы говорить о древности сооружения, на что я возражу, что будь мы всё ещё в моём мире, я бы мог спросить у деда, не участвовал ли он в её строительстве, ведь в те времена слава Изяслава Вронского, дворянина-архитектора гремела далеко за пределами тогда ещё Русского Царства.

«Долгая жизнь магов заставляет на многие вещи смотреть по-другому,» — подумал я, разглядывая каменные изваяния, безмолвными истуканами застывшие на фоне неба. Время, кстати, их не пощадило: у одной гаргульи отсутствовала голова, а у другой — крылья. Оставшиеся две разглядеть мешала сама колокольня, ведь они были на противоположной стороне башни.

— Завтрак для героя, — голос Алисы вырвал меня из размышлений. Я повернулся к девушке, и она протянула мне миску с дымящейся похлёбкой.

Я принял посудину, взялся за торчавшую в ней ложку и попробовал под пристальным взглядом капитана.

— Как тебе?

— Неплохо, неплохо, — честно ответил я, облизав ложку.

— А знаешь, что это? — девушка чуть ли не подпрыгивала от нетерпения.

— Рагу из улиток и мидий, подозреваю что консервированных, — я пожал плечами, — Правда, в чём мариновали улиток не скажу.

— Ну да... — блондинка, явно разочарованная тем, что не смогла шокировать меня содержимым рациона вздохнула, — Ты уже пробовал...

— Капитан, я пробовал и не такое в своей жизни. Да и улитки — не самая странная еда, которую мне довелось пробовать.

— *А какая самая странная?* — спросила Арлетт изнутри танка.

Я на мгновение задумался. Вопрос был непростой. Надо было выбрать вариант, от которого у девушек не попросился бы наружу только что съеденный завтрак.

— Пожалуй, солёный тюлений жир? На севере его ели, где нас готовили к японской кампании. Племена рыбаков такой любили.

— *И как он на вкус?*

— Больше всего на сало похоже, только менее волокнистое, — честно ответил я, — Там самое странное — способ приготовления. Рыбаки резали жир на длинные дольки, солили, заматывали в шкуру и прикапывали в земле на несколько часов. А доставали уже хорошее охлаждённое сало.

— *И правда странно... Надо как-нибудь попробовать.*

— Закончим миссию и съездим на отдых, у меня есть имение на Сахалине.

— Хотите сказать «было имение», господин аристократ? — хмыкнула Алиса.

Я фыркнул и помотал головой:

— Ну да, было. Эти ваши новые порядки...

Капитан рассмеялась, запрокинув голову и вдруг замерла, устремив взгляд назад, где на фоне неба торчал шпиль колокольни.

— А что это за горгульи? — Алиса заметила странные украшения, всё-таки не так далеко мы отъехали.

— Просто горгульи, — я пожал плечами, — Церковь старая, может быть, решили повторить эстетику Нотр-Дама и воткнуть в углах по горгулье.

— А почему их только три тогда?

— Три? Нет, четыре, на каждом углу по силуэту, — я выглянул из люка и осёкся. Гаргулий было лишь три, та, бескрылая, на которую я обратил внимание раньше, пропала.

Я посмотрел на девушку, а та, уже поняв, наклонила голову. Спросила для проформы:

— Ты уверен, что их было четыре?

— Уверен, — кивнул я и наклонился к люку, — Арлетт, отдых закончился, надо поднажать.

— Держитесь покрепче, — сказала девушка и дёрнула рычаги управления. Трансмиссия щёлкнула, дизель взревел и танк сорвался с места, разгоняясь со своих пятнадцати километров до сорока за десяток секунд.

— Одно радует: ехать осталось недолго, — меланхолично произнёс я, закрывая ногой крышку люка и опираясь на заднюю часть башни.

Алиса в ответ на моё наблюдение кивнула, и тут же нырнула в башню. Предыдущий опыт научил её не лезть на рожон, если есть возможность. А вот у меня возможности не было, оставалось лишь замереть, держась за ручки, понатыканные на броне как раз для таких целей, и внимательно смотреть по сторонам, ожидая неизбежной атаки. И она, само собой, последовала.

Танк, гремя гусеницами по брусчатке, сменившей асфальт, выскочил на окраину города, где широкое шоссе ныряло в густой лес. Арлетт уверенно вела машину к светившемуся недалеке кратеру, но из-за деревьев начали появляться фонарики. Сверкнул металл, раздался грохот выстрела и танк вильнул, чудом уворачиваясь от снаряда, и влетел в отбойник, моментально останавливаясь. Но снаряд не был бронебойным — за болванкой тянулся белый шлейф и всё вокруг в момент заволочло дымом.

— *Чёрт, почти добрались же,* — услышал я псио-сообщение Алисы. Стрелять по лесу девушка не стала — маневр Алисы дезориентировал нас обоих.

— *Он только один там. Спрыгивайте, возьмите его в клещи,* — Арлетт звучала очень уверенно.

— *А ты?* — спросила Алиса.

— *Я буду внимание отвлекать. Ну же, времени нет!*

Капитан взглянула на меня, и я пожал плечами:

— *У меня нет идей лучше — после прошлой атаки я стараюсь не загадывать, уж очень фонарики непредсказуемы стали.*

— *Ты прав.* — Алиса появилась в дыму над башней, — *Ладно, сделаем как ты говоришь. Только глупостей не делай, и не геройствуй.*

С этими словами Алиса спрыгнула на корпус, прижимая к груди взятый из танка

автомат. Я поймал девушку и помог ей соскочить на землю. Блондинка тут же подожгла зелёный огонёк на пальце и коснулась сначала своего левого плеча, потом моего, затем цвет сменился красным, и девушка повторила жест теперь уже с правыми плечами. Эти огни были видны только нашей троице (собственно, это и не огни были, а визуализация аур), а такая маркировка позволяла легко определить, лицом стоит товарищ или нет.

Кивнув друг другу, мы с Алисой бросились в разные стороны от танка, чей двигатель взревел, вытаскивая машину из канавы.

— *Пятьсот метров на одиннадцать часов. Огневая точка на пригорке, под кривым клёном, у которого ствол раздваивается на высоте двух моих ростов,* — сообщил я направление блондинке, которую уже не особо хорошо видел.

— *Поняла. Тогда ты заходи слева, а я справа. Там канава слева от дороги есть, выведет тебя прямо к цели.*

— *Так точно.*

Танк за нашими спинами продолжал реветь двигателем, но фонарщик по каким-то причинам не стрелял снова. Почему? Это был одноразовая пушка? Или какой-то сложный план, которого я не понимал? Загадочная магия?

Я пронёсся по канаве, втапывая в землю пожухлые листья. Скорость, с которой я пробежал полкилометра вызвала бы уважение и у олимпийского спортсмена, но всё равно я не успел. Мы с Алисой вылетели на поляну одновременно.

Под деревом было пусто, только трава примята там, где фонарщик установил треногу своего орудия, да валяется пустой тубус от... чего? Одноразового гранатомёта?

— *Он может быть рядом, будь настороже,* — Алиса, подавая пример, присела на колени, прижалась щекой к прикладу автомата и осмотрела дерево в прицел.

Я же ушёл с её линии огня и бочком приблизился к трубке использованного оружия. Коснулся её ножнами меча, призывая силу огня, чтобы испепелить возможную ловушку и выпрямился.

— *Ничего. Тут никого нет.*

— *Быть не может. Зачем тогда...*

Тут дым осел, как будто его и не было. Мы с Алисой одновременно повернулись к дороге, чтобы увидеть... ничего. На том месте, где мы оставили Эску, ничего не было, только холмик разрыхлённой земли.

— *Алиса, Стас,* — голос Арлетт донёсся до нас тихо, словно издали, — *Я не думаю, что стоит дальше бегать. Я уведу фонарщиков, а вы отправляйтесь к кратеру. Всё равно я за вами не могу последовать, тот ожог был... опаснее, чем я думала, я не чувствую ног. Так что...*

— *Арлетт, какого чёрта ты творишь?* — ярость Алисы чувствовалась даже через псио.

— *Делаю хоть что-то полезное в этом походе. Удачи вам! Стас, сберегите капитана.*

— *Сберегу,* — ответил я парижанке.

— Кратер уже совсем рядом, я чувствую завихрения магических энергий, — сообщил я.

— Хорошо, в таком случае, — моя спутница кивнула на три сросшихся дерева на пригорке справа от нас, — Давай там финальную проверку снаряжения проведём. Подходящее место?

Я прислушался к своим ощущениям и кивнул.

— Да, вполне подходящее. Идём, — сказав это, я выступил вперёд, положил руку на рукоять револьвера и направился к указанному напарницей.

* * *

Сильнее всего человека ограничивает его собственная выучка. С момента судьбоносной битвы прошло не более получаса и за эти полчаса Алиса успела задействовать всё, что было в её распоряжении, включая помощь одного чуждого этому миру мага, чтобы найти следы танка и его смелого мехвода. Увы, безрезультатно, даже моих знаний не хватило для того, чтобы отследить странное творение аномалии. Единственное, что оставалось несомненным, для меня по крайней мере, это то, что Арлетт ещё жива, поскольку контакт с ней не прерывался. Правда, поддерживать его было невозможно — как я и думал, танк во время погружения находился в своём временном потоке. Услышав это, Алиса кивнула и с застывшим лицом произнесла:

— Значит, всё что мы можем сделать чтобы ей помочь — это прикончить фон Меттина и надеяться, что с его смертью умрёт и аномалия, и порождённые ей монстры.

— Пожалуй, — осторожно ответил я, всё ещё сомневавшийся в том, что девушка сохранила трезвость рассудка.

— Тогда не будем терять времени, — с этими словами Алиса поднялась на ноги и решительно направилась к зеленоватому свечению, разливавшемуся над лесом.

Поначалу я следовал за девушкой с осторожностью, ожидая чего-то вроде истерики, но похоже в дело вступила выучка. Алиса смогла отложить всё личное в сторону, запереть на замок и продолжить выполнение поставленной задачи, даже сохраняя за собой функции формального лидера. Впрочем, в текущих обстоятельствах, её звание значило ещё меньше, чем час назад. К сожалению, я не мог помочь девушке сладить с её горем, ведь мои собственные знания наук о разуме были весьма ограничены даже по меркам моего собственного мира. Надо заметить, что короткого знакомства с трудами местных учёных мужей было достаточно, чтобы понять, что в Союзе наука о разуме ушла куда дальше.

«Самое паршивое в этой ситуации было то, что даже впасть в истерику и начать сносить кулаками побитые жизнью деревья она не может — ведь Арлетт всё ещё жива, а значит каждая упущенная секунда ещё сильнее режет её шансы на выживание. Поэтому никакой паники позволять себя нельзя, равно как и рефлексии и вообще хоть каких-то лишних мыслей о произошедшем» — подумал я, глядя в светловолосый затылок, мелькавший впереди, — «В определённом смысле было бы легче, если бы исход сражения был бы более... однозначный, пусть и отрицательны. Потому что отсутствие определённости запросто может быть хуже самого поганого варианта».

Вот и оставалось только идти, спешить, бежать, обгоняя подступающие эмоции. Не самое приятное дело, особенно для молодой девушки, которая явно не проводила большую часть жизни «в поле». А я, в силу упомянутого ограниченного опыта в области, ничего не мог ей посоветовать, хотя и... хотел?

От этой мысли я замер на мгновение, вызвав удивлённый взгляд Алисы. Махнув девушке рукой — мол, всё в порядке, — я прислушался к своим ощущениям. Я хотел помочь Алисе. Почему? Чтобы увеличить её шансы победу? Да нет, не думаю, что её вклад в противостоянии с Виктором будет так уж велик. Если уж на то пошло, участие девушек в силовой части конфликта вообще не планировалось. Если вспоминать наш уже десять раз накрывшийся медным тазом изначальный план, то предполагалось что и Алиса, и Арлетт будут как и в Париже находиться за линией фронта, в то время как на острие атаки окажусь я. И это правильно, ведь несмотря на неплохие боевые качества и продемонстрированную стойкость, они обе не были полноценными магами, не обладали большим опытом военных действий или чем-то иным, что делало бы их полезными. Да, по факту мои спутницы не оказались обузой для меня, но если уж совсем честно — это самая тёплая характеристика, которую я мог им обеим дать, если не считать последнего поступка Арлетт, которая действительно сильно облегчила выполнение задачи.

Но если меня не интересовало содействие в бою, то почему мне было не, скажем грубо, наплевать на чувства и эмоции Алисы? Дружба? Вряд ли, я знаю её всего несколько дней. Что-то иное? Я окинул взглядом стройную фигуру шагавшей впереди девушки и усмехнулся сам себе. Нет, конечно, капитан была красива, но я знал себя и свои вкусы. В момент важного противостояния, я никогда не думал о низменном, ведь это могло без преувеличения убить и меня, и ту, о ком я думал. Это, кстати, не говоря о том, что Алиса не особо-то соответствовала моим вкусам — не люблю девушек, которые прячут женственность за мужскими костюмами.

«Ага, ну да, вот и начались копания в деталях,» — иронично заметил внутренний голос, — «Напомнить, что чаще всего скрывается за желаниями слишком пристально концентрироваться на мелких деталях внешности? Уж точно не отсутствие интереса».

Нет, не надо напоминать. Ведь, как я уже сказал, сейчас нам не до эмоций и их оценки. Перед нами с Алисой стоит совсем другая задача и надо посвятить себя её выполнению целиком, не отвлекаясь на... всякое.

* * *

Пригорок, на котором Алиса решила сделать последнюю остановку, оказался интересным местом. До войны тут явно было место отдыха, где отдыхающие могли присесть на скамейку и полюбоваться солнечными зайчиками на поверхности озёрной воды или игрой света в замковых башнях. Сейчас же озеро высохло, а замковые башни, вместе с самим замком снесло до основания удачно прилетевшим снарядом. Что именно могло уничтожить комплекс такого размера, оставив вместо него глубокий кратер воронки, которая была под двести метров в поперечнике, мне совершенно не ясно. По крайней мере, я такого оружия не знал, даже главный калибр линейного корабля Адмирал Нахимов, за работой которого мне довелось как-то наблюдать (что забавно — находясь с той стороны, по которой стреляли) не мог сотворить таких разовых разрушений.

— Ядерная бомба может, — заметила моя спутница, уже успевшая скинуть шинель.

— Никогда не слышал о таких бомбах, — покачал я головой, подходя к девушке вплотную, — Подними руки и сними рубашку.

— Твоё счастье, Стас. Это оружие слишком страшное для того, чтобы его использовать. Впрочем, от него остаются долговременные последствия, которых мы с тобой не наблюдаем, — говоря это, она выполнила мою просьбу, оставшись в одном белье.

Я быстро пробежал пальцами по бледной коже, автоматически заметив, что для кабинетной служащей у Алисы весьма неплохая форма, и прикрыл глаза, призывая силу истока. Тут разделить, тут объединить, а вот тут просто влить чистой силы — даже не раскрывая всех карт мне всегда удавалось неплохо использовать свои таланты для помощи боевым товарищам.

Вот и сейчас Алиса удивлённо ойкнула, вздрогнула и посмотрела меня новым взглядом.

— Это... сильно помогло, спасибо.

— Не за что, всё для победы.

— А ты сам? У меня правда нет в арсенале ничего настолько же эффективного, но нейростимуляторное заклятье вроде бы должно сработать схожим образом...

— Нет, не надо. Я пострадал куда меньше тебя, — осмотрев плоды своих трудов, я удовлетворённо кивнул и заявил, — Сними повязку, давай посмотрим на ту царапину повнимательнее.

Блондинка подчинилась и моему взору предстала корка запекшейся крови, воспалённой кожи и синяк, за которым было почти не видно левого глаза девушки. Мне вдруг стало очень противно от того, что такая мерзкая рана досталась ей, а не мне.

— Плохо? — спросила Алиса, видимо прочитав что-то по моему лицу.

— Нет, только выглядит паршиво, — ответил я, придавая физиономии максимально нейтральное выражение, — Кости целы, повреждений нервов нет, — это я сообщил после прощупывания, — Могу закрыть достаточно чисто, благо магия похоже в этих местах работает как надо. Правда, не ручаюсь за то, что шрама не останется. Всё-таки я занимаюсь медициной так сказать поля боя.

— Вот уж что-что, а шрам я переживу, — слабо улыбнулась Алиса, — Особенно если получу возможность видеть вторым глазом.

— Ну что ж, в таком случае... закуси вот это, — я протянул девушке резиновую рукоять десантного ножа, снятого с её же пояса, — Будет больно, сразу предупреждаю.

— Потерплю — сообщила Алиса, — Уж лучше сейчас потерпеть, чем в бой без глаза идти.

— Хорошо. Но рукоять всё-таки закуси.

Девушка покачала головой, но всё же сунула рукоять в рот и сжала зубами.

Я коснулся кончиками пальцев лица девушки и сосредоточился. Сила истока поднялась от живота к плечам, протекла по рукам и устремилась в подготовленное заклятье, подгоняемая моим шёпотом. Не скрою, лечебные заклятья не были моей сильной стороной, но не потому, что мой исток к ним не располагал — скорее даже наоборот. Проблема заключалась в том, что лечение, которое я мог предоставить, было не для слабых духом. Алиса вздрогнула, сжала зубы и из её горла вырвался тяжёлый стон. Я не мог на это отвлекаться, продолжая шептать фразы на древнем языке. Девушка застонала, в уголках её глаз проступили слёзы, но попыток вырваться она не делала, даже инстинктивных. Вместе с тем, края раны начали медленно стягиваться, а отёк спадать, вместе с синюшностью.

Царапины тоже закрывались. Впрочем, сама Алиса этого словно не замечала — на лице выступили бисеринки пота, глаза слезились, зубы в усилии вонзились в рукоять ножа.

И всё же она выдержала, а когда я убрал руки от её лица — смогла даже не упасть на землю, а сделав пару шагов назад, упереться спиной в дерево и сползти по его стволу. Я позволил девушке отдышаться и протянул заранее подготовленную флягу.

— Тебе нужно восстановить силы. Ты изрядное их количество потратила.

— Да... уж... — Алиса подняла руку, провела дрожащими пальцами по щеке, недавно представлявшей собой отёчное месиво, от которого сейчас не осталось даже воспоминания, кроме тонкого белого шрама, которому казалось было уже года полтора — Не думала, что это... вот так будет.

Никто не думает. Вместе с тем мой исток заживляет рану именно так, как это происходит в природе — просто все последствия на организм обрушиваются сразу, а не в течении долгого периода выздоровления. Поэтому даже лечение относительно лёгких ран может отправить неподготовленного человека на тот свет, а лечить что-то серьёзное я пытался лишь на себе и лишь один раз, потому что лечение воистину чуть не оказалось страшнее болезни. Распространяться об этом, впрочем, не стоило, тем более здесь и сейчас.

— Есть причины, по которым я прибегаю к лекарственной магии в самом крайнем случае, — «И почти никогда на ком-то кроме себя», — Мой исток... не очень хорошо для этого предназначен.

— Ты говоришь загадками... *Впрочем, наверное, и правильно — тут уже многие могут слушать*, — закончила Алиса на псио.

Мне оставалось лишь слегка улыбнуться, показывая, что она всё поняла правильно. Блондинка в ответ на это слегка наклонила голову и подобрала снятую одежду. Я тактично отошёл, позволяя девушке спокойно одеться, и посмотрел на разорвавшую широкое поле воронку. Когда-то тут действительно был замок — я даже узнал развалины знакомых врат, которые не раз и не два проезжал в родном мире. Только там эти врата были прекрасным трёхметровым монументом белого камня, а здесь — двумя обрубками, пришедшими в упадок явно до того, как прекрасный замок, дорогу к которому они преграждали, срыло с лица земли, оставив на его месте лишь циклопических размеров воронку с неровными краями. Хорошо хоть с пригорка было видно, что это действительно воронка, хоть и большая, но пустая, и полк мёртвых немецких мотострелков в ней не прячется.

— Повреждения и правда необычные, — заметила подошедшая Алиса, — И я тоже не представляю, что могло их нанести.

— Ну, скоро мы узнаем, так или иначе.

— В этом ты прав. Пойдём.

* * *

С гребня воронки оно действительно казалось озером застывшего серебра. Только вот скорее всего люди, которые давали это название видели Зеркало с высоты птичьего полёта. Нам же довелось наблюдать его вблизи.

Не знаю, что сюда упало — голем, лишённый постоянной формы? Странное сплетение заклятий воды и металла? Капля жидкой ртути диаметром в километр? Или может просто алхимические лаборатории самого Виктора взорвались? Но какой бы ни была причина, её

результаты мы с Алисой видели перед собой: на дне конической воронки дрожало и булькало, словно кипя, озеро странного, словно бы живого металла, отвратительное какое-то неестественностью и неправильностью.

— Ты уверен, что нам туда? — впервые Алиса выразила какое-то подобие сомнения, но даже сейчас в её голосе не было страха, лишь едва заметная обречённость.

Я покосился на спутницу и понял, что она для себя уже так или иначе всё решила, а спрашивает скорее по инерции.

«Ну и хорошо — меньше придётся объяснять» подумал я и повернулся к озеру, указывая девушке на дрожащее отражение, демонстрируемое гигантским зеркалом.

— Да, уверен. Что ты видишь в этом отражении?

— Нас. Небо. Край оврага.

— А прямо за нами?

Алиса молчала некоторое время, прищурившись, а потом неуверенно сказала:

— Не знаю, всё дрожит, но выглядит... как старый замок?

— Именно так, — кивнул я, — замок владельца здешних мест, он так и выглядел.

— А это не выверт аномалии?

— Нет. Виктор как раз всегда очень хорошо играл с отражениями и прятался в зеркалах. Это ведь его исток, в конце концов. Ну а если я ошибаюсь... скажи честно — ты пойдёшь непонятно куда, чтобы искать другую зацепку, которой может и не оказаться?

Капитан посмотрела мне в глаза и покачала головой.

— Нет, не пойду. Нет у нас времени.

— Да, времени нет. Идём.

Я начал спускаться по осыпающейся круче, вытащив из кобуры револьвер (идти по такой поверхности с мечом наголо было бы опаснее), Алисе шла следом, отставая лишь настолько, сколько необходимо для того, чтобы не мешать. По мере нашего спуска, жидкое серебро всё сильнее шло рябью и дрожало, выплёскивая в нашу сторону тягучие брызги, всё больше и больше напоминавшие атакующие щупальца. Мы остановились почти у самой кромки озера, где бешенство живого металла стало уже почти физически ощутимо. Впрочем, после всего виденного ранее, Алису не впечатляло сверкающее кипение магической ртути, а уж меня и подавно.

«Сильная девушка,» — в очередной раз подумал я. Алиса тем временем решительно шагнула вперёд, явно намереваясь погрузиться в беснующееся серебро. Я преградил девушке дорогу рукой и произнёс:

— погоди.

— Ты сам сказал, что это единственный шанс. Или у тебя есть какие-то козыри?

— Можно и так сказать. Не слушай и не смотри.

К счастью, Алиса не спорила, послушно зажав руками уши и глаза, а я, убедившись в этом, повернулся к озеру и произнёс одно слово, которое не рискну записать никогда и нигде, потому что оно не принадлежит нашему миру и лучше бы ему в нём вообще никогда не звучать. Слово разнеслось над серебряной гладью, ударяя по ней с силой штормового шквала, откидывая волнами назад и открывая дорогу по дну, к тому самому замку в глубине отражения, которое теперь казалось не дрожащим внутри жидкого серебра ртути, а словно бы сверкающим в самой реальности.

Я услышал удивлённый вздох за спиной — Алиса открыла глаза и увидела дрожащее ни в чём отражении. Повернувшись к девушке, я сказал:

— Как видишь, путь открыт. Только учти — Виктор всегда был слабее меня, и сейчас сильнее не стал. Даже на своей земле, даже в своём замке я могу его победить.

— И именно поэтому он не будет играть честно, — закончила за меня Алиса, — Потому что у него тоже есть причины быть уверенным именно в своей победе. Ведь иначе он бы нас сюда не затащил.

— Именно так. Поэтому — не верь ничему и никому кроме себя. Мы вступаем в царство, где возможное становится вероятным, а вероятное — единственно верным.

С этими словами, я повернулся и решительно шагнул в отражение.

...И словно попал в костюмированную драму. Мы стояли у открытых кованых ворот, а впереди виднелся целый и невредимый замок. Возможно, правильнее сказать «дворец» — вытянутое строение, визуально напоминавшее уменьшенный в несколько раз Версальский комплекс, тонуло в только что наступающих сумерках. Присыпанная мелким песком дорога вела через ухоженный партер (здесь — плоский парк перед дворцом) и заканчивалась круглой площадкой у входа.

За моей спиной раздался вздох Алисы. Я повернулся к девушке и посмотрел в её широко раскрытые голубые глаза:

— Что бы ни случилось, что бы ты не увидела, доверяй прежде всего себе.

— Я... хорошо. Но может у тебя есть ещё какие-то советы? Как себя вести, что делать? — спросила Алиса, поняв, что продолжать я не собираюсь.

Я лишь покачал головой.

— Только ты можешь их себе дать сейчас. Ведь если я что-то скажу, тебе придётся мне поверить на слово, и это можно будет использовать против тебя. Запомни лишь, что Виктор — мастер иллюзий с более чем столетним опытом их использования, а мы находимся в его домене, — я посмотрел на спутницу со значением.

«Виктор попытается использовать против нас любую нашу слабость,» — вот что я не хотел озвучивать. Не хотел говорить именно потому, что граф даже такую линию мышления способен вывернуть против нас. Я много раз видел, как Виктор допрашивал пленных, убеждая их в правдоподобии самых диких историй.

Алиса нахмурилась, но через мгновение её взгляд прояснился, и девушка осторожно кивнула, демонстрируя что поняла невысказанное. Я кивнул ей в ответ и махнул рукой в сторону силуэта дворца.

— Ты готова?

— Да, не будем заставлять товарища графа ждать.

Мы подошли к площади у дверей. От высоких створок отделился слуга — чванливый малый неопределённого возраста. Подойдя к нам, он спросил, глядя поверх голов:

— Добрый вечер, господин Вронский, госпожа Стрелецкая. Граф ожидает внутри, бал уже начался. Позвольте ваше оружие.

— Нет, — Алиса многозначительно положила ладонь на рукоять пистолета, я же само собой слова слуги проигнорировал именно так, как и должен игнорировать слуг князь с родословной длиннее, чем история большинства государств. Только рукой махнул — шевелись мол.

Дворецкий посмотрел на неё, потом на меня и произнёс:

— Хорошо, следуйте за мной, — он тысячу раз отрепетированным движением руки указал на высокую дверь, из-за которой доносилась лёгкая музыка.

Алиса уже не таясь вынула пистолет и направилась за ним. Я шёл замыкающим, ища лишь мне известные знаки. И конечно же, я их нашёл.

— Приятно быть правым.

— Ты что-то сказал? — Алиса повернулась ко мне.

— Просто мысли вслух. Смотри-ка Виктор не терял времени, надо же. Вот этого полотна не было, когда я был тут в прошлый раз, — я указал на яркий пейзаж, украшавший

стену зала.

— Милорд граф приобрёл эту работу кисти Ренуара лишь неделю назад, — произнёс дворецкий, — На аукционе Сен-рени за двести тысяч ауреев.

— ...Он и раньше не умел правильно оценивать полотна. Хотя как вложение на будущее, наверное, сойдёт, — кивнул я Алисе, словно бы не замечая присутствия слуги, — Виктор любит играть на публику и демонстрировать высокосветскость, но в некоторых вопросах его вкус хуже, чем у лавочника на портовой улице.

— Мне казалось, граф из очень древнего рода, — Алиса взяла меня под руку, на ходу принимая условия игры, — Разве в его краях дворяне не получали должного образования?

— Получали, если к титулу прилагались деньги. Если же нет... То носителям титула иногда не прививали должного вкуса, — улыбнулся я, обводя вокруг себя рукой.

Надо сказать, стиль убранства и правда был странным, и если наличие избыточного числа зеркал я понимал, то такие вещи как салативо-золотые обои оставались для меня загадкой. Слуга между тем остановился у двери и церемонно наклонил голову:

— Зелёный зал, прошу. Миркин!

Откуда-то слева выскочил молодой юноша в куда менее украшенной ливрее.

— Позвольте забрать ваши... пальто? — мальчишка замешкался, глядя на лохмотья, в которые местами превратился мой пиджак и плащ Алисы.

— Нет, обойдёмся, — ответил я, — Иди.

— Хорошо, господин.

Дворецкий позволил себе гримасу лёгкого недовольства:

— Милорд, вы уверены, что...

Я притворно вздохнул и повернувшись к Алисе сказал:

— Вот видишь, что бывает, когда к деньгам и титулу не прилагается образования и манер? Даже собственных слуг натренировать не может... — сокрушённо покачав головой, я впервые посмотрел прямо в глаза дворецкому. Тот тут же застыл как статуя, — Слуга не должен обращаться к аристократу, кроме специально оговоренных случаев. Или в вашей дыре не учат даже самому минимуму манер?

На лбу мужчины выступил пот — ещё один показатель неопытности, кстати. Слуга сглотнул и пробормотал, разом растеряв всю чопорность.

— Милорд, вы же... не лучшим образом выглядите...

Взмахнув рукой, я прервал слугу на середине реплики.

— Я выгляжу так, как счёл нужным, как и моя спутница. И поскольку визит этот неофициальный, ни лорд Меттин, ни уж тем более ты, червяк, не можете нам указывать, как именно одеваться. Иди, полистай конспекты.

— Я... хорошо. Приятного вам вечера, — дворецкий поклонился и ушёл назад по коридору.

Когда он скрылся из вида, Алиса негромко спросила:

— Ты уверен, что стоило так нарываться?

— Сложно сказать. Виктор тяготится своим двойственным статусом и такой грубый намёк на то, где я, а где он, может заставить его взбеситься и наделать ошибок. Как ни странно, тонкости в нём не больше, чем в карьерном экскаваторе.

— Что ж, поверю на слово, — Алиса кивнула и направилась за мной к дверям, — Да и к тому же этот цирк начинает затягиваться.

— Не могу с этим поспорить, — кивнул я, — Время-то идёт.

Двери зала открыли изнутри, но вот объявлять нас не стали (хотя вообще-то должны были хотя бы сказать что «князь такой-то и его спутница»), то ли потому, что бал уже начался и Меттин посчитал что это лишнее, то ли это была очень странная попытка оскорбить (что вряд ли, ибо я, как и положено настоящему дворянину из очень древнего рода успел устать от этого церемониала ещё до того, как мне исполнилось пятнадцать и Виктор об этом знал), либо, что наиболее вероятно, внутренних слуг Виктор набрал на той же помойке, на которой откопал дворецкого.

«Вероятно, гостей он откапывал уже вместе с дворецким,» — подумал я, оглядывая пеструю толпу. Честно говоря, такого сброда, какой собрался в «зелёном зале» (вот тоже кстати — какой нормальный человек залы по цветам называет в двадцать первом-то веке) я уж точно не ожидал увидеть на дворянском приёме. Актёры и актрисы масштаба «иногда в газетах вспоминают об их существовании», вышедшие в тираж Мыслители и Эксперты, когда-то засветившиеся рядом с важными людьми, но с тех пор потерявшие весь лоск, великосветские шлюхи обоих полов (сам Виктор порочными наклонностями не обладал, но, как и всегда на подобных мероприятиях, многие пытались захомутать не самого хозяина, а готовы были довольствоваться рыбкой помельче). Весь этот паноптикум был разодет в совершенно дикие наряды самых кричащих расцветок, да вдобавок ещё и гости не понимали законов поведения на таких мероприятиях, так что гомон глушил и музыку, и доносившееся из распахнутых окон пение ночных птиц.

— Дикость какая-то, — пробормотала Алиса себе под нос, но я услышал, — Неужели на таких приёмах всегда так?

— Нет, скорее наоборот, — ответил я, наклонившись к девушке, — Просто умение вести себя на таких приёмах требует огромного количества знаний. К примеру, нужно понимать, в какой части зала будут проводиться танцы, где двери к будуарам, какие зоны занимаются с какими целями. Наука устройства приёмов — это учёт тысяч неписанных правил и следовании им позволяет создать неповторимое настроение и подарить незабываемый опыт. Правда для того, чтобы это сработало нужно, чтобы гости были в курсе всего этого списка правил и готовы были их соблюдать. Потому что, если они не готовы... — я многозначительно обвёл рукой царящий вокруг бардак.

— И как нам найти Виктора?

— А вот это как раз очень просто — я кивнул на дальнюю стену, украшенную добрым десятком зеркал, — Виктор будет вон там. У тебя есть общие пожелания или идеи?

Алиса задумалась. Думала она достаточно долго, чтобы я успел взять с подноса, проходившего мимо слуги два бокала с вином.

— Я бы хотела узнать, зачем ему всё это понадобилось. Он должен понимать, зачем мы здесь, так к чему это представление?

— Думаю, это представление нужно как раз потому, что он понимает, зачем мы здесь. Как я и говорил, Виктор — мастер иллюзий и сделок, а не прямого боя. Последнее, впрочем, не означает, что ты сможешь его просто расстрелять на месте, — добавил я, видя, как рука девушки потянулась к кобуре.

— Значит, он хочет что-то предложить? Что ж, послушаем.

Алиса взяла у меня из руки бокал, опрокинула одним движением и поставила посуду на поднос подошедшего слуги и направилась к указанному мной возвышению. Я же не собирался глушить вино как водку (кроме очевидных причин, у меня на это были и чуть более хитрые мотивы), поэтому лишь пригубил напиток и направился следом за девушкой.

Часть зала была словно бы отделена от остального помещения — отделена конечно не вульгарной стеной стекла или решёткой, а скорее авторитетом владельца замка. Люди стояли в метре от ступенек, опоясывавших приличного размера площадку, на которой кружилась пара танцоров. Вёл в танце конечно же сам Виктор — высокий, худощавый мужчина с волнистыми чёрными волосами. Вероятно, женщины считали его красивым, меня же его маньеризмы и повадки байронического героя раздражали даже до того, как он меня предал и забросил в этот мир. Вот и сейчас, заметив наше приближение, он остановил танец и слишком картинным, явно отрепетированным движением тонких пальцев отбросил упавшие на лицо чёрные пряди, и только после этого потянул девушку вверх, позволив ей утвердиться на ногах. Его партнёрша выпрямилась, улыбнулась графу и с интересом посмотрела на нас.

Алиса вздрогнула и едва подавила изумлённый возглас. Потому что танцевал Виктор ни с кем иным, как с Арлетт Ревиль. Правда, я с трудом представлял себе ситуацию, в которой парижанка могла бы одеться столь откровенно и безвкусно: корсет кружевными вставками, сверху открывавший грудь, а снизу переходивший в пышную, но короткую кружевную юбку едва-едва прикрывавший зону приличий. Ещё менее с лицом проявившей чудеса героизма Арлетт вязалась глуповатая улыбочка великосветской шлюхи, которую обладательница, несомненно, считала «загадочной». Зато я знал Арлетт, которой такое было бы к лицу...

— Святослав! Ты пришёл наконец, и не один, а со спутницей. Ещё одно свидание вчетвером? Замокнуть круг, так сказать? — голос Виктора был преисполнен какого-то внутреннего величия, будто немец наконец закончил исполнять некий очень важный для него план.

Продолжая улыбаться, граф повернулся к качающей головой Алисе:

— Не одобряете мой выбор спутницы? Слишком... ветрена на ваш вкус, капитан? Не демонстрирует героизма и смелости? Или вы думаете о том, кто же она такая и откуда я её пригласил? Ну что ж, у меня есть ответ и на этот вопрос, только вот, думаю, ваш спутник ответит на него лучше.

Алиса повернулась ко мне и негромко спросила:

— О чём он говорит?

— Об обстоятельствах моего перемещения в этот мир, полагаю, — ответил я, пригубив бокал, — Мы касались этих обстоятельств в брифинге довольно поверхностно, много было других вопросов, но раз уж это оказалось актуально, то вот эти детали. Последний день в своём мире я провёл в одном кабаке, куда меня пригласил Виктор. В этом кабаке с ним прибыли две девушки свободных нравов. Этими девушками были ты, Алиса, и Арлетт. Мы хорошо проводили вечер за вином и разговорами, прежде чем Виктор запустил цепочку событий, в результате которой я оказался в парижском переулке этого мира.

— А если бы он не запустил эту цепь событий? — негромко спросила Алиса, глядя мне в глаза.

— В таком случае я бы, вероятно, провёл ночь с Алисой из своего мира, чтобы на следующий день забыть её имя. Впрочем, последнее может быть ложью — для того, чтобы забыть её имя, нужно было бы сначала потрудиться его узнать.

— И ты так легко об этом... — она оборвала себя и закусила губу.

Я кивнул и серьёзно посмотрел на неё:

— Да, очень легко. Эти девушки знали, чего хотели. Может быть, их цели были низменными вроде попытки забеременеть от аристократов, чтобы обеспечить себя на всю жизнь. Может быть, они лишь хотели весело провести вечер. Так или иначе, это было их решение.

— Если только Виктор их не заставил, — Алиса внимательно посмотрела мне в глаза.

Я встретил её взгляд и спокойно ответил:

— Если Виктор их заставил, то сегодня он ответит в том числе и за это, не так ли?

Раздался смех графа, охотно поддержанный гостями. Виктор опустился на диван, возникший у стены. Арлетт-Вторая встала рядом с диваном в довольно двусмысленной позе.

«Хорошо хоть отсасывать ему не начала,» — подумал я, — «У Виктора всегда было плохо с пониманием границ, за которыми шок превращается в фарс».

— Но ведь я не заставлял, дорогая Алиса. И ты и твоя подруга в мире, родном для нас с князем, сами нас нашли, и сами решили навязать свою компанию. Стас всё говорит правильно: многие девушки отдали бы за одну ночь с господином князем любую руку на выбор. Ну и мне доставалось внимания.

Капитан вздохнула, уперев руку в бедро. На её лице прорезалась скука:

— Ну хорошо, я поняла, вы, господин граф — невероятный подарок миру, и всем присутствующим стоит благодарить небеса за возможность вас лицезреть. Допустим. Но зачем вы нас приглашали к себе столь настойчиво? Сбили самолёт, угробили не самых плохих людей, служивших мне пилотами, чуть не прикончили и меня и Стаса. Хоть убейте, я не понимаю, в чём был смысл.

— Ну, не недооценивайте живучесть господина князя, — ухмыльнулся брюнет, — Он способен пережить вещи пострашнее падения с высоты в пару километров, не так ли?

Я поймал взгляд Алисы и неопределённо повёл рукой, мол — может да, может и нет. Девушка кивнула и снова повернулась к графу.

— И всё же это не ответ.

— Ну, если хотели ответ, то вот он: я, к стыду своему, сейчас весьма похож на мою очаровательную спутницу в своих устремлениях, — Виктор послал Арлетт воздушный поцелуй, который та, рисуясь, поймала, — Мне, видите ли, тоже нужен господин князь, правда цели мои конечно не так прозаичны как у прелестных дам.

— В чём они заключаются?

— Ну, это мы обсудим со Стасом чуть позже.

— Интересно. И где я буду находиться, пока вы будете обсуждать?

— О, у вас будет занятие, госпожа Стрелецкая, поверьте мне.

Алиса холодно улыбнулась и покачала головой. По лицу ей становилось ясно, что уж что-то, а верить фон Меттину она не планирует.

— Ну ладно, довольно прелюдий. Вы гоняетесь за мной весьма активно. Собственно, после того как я избавился от господина посла, вы приложили изрядные усилия, чтобы меня найти, и даже оказавшись внутри аномалии продолжили идти именно за мной, а не наружу по самому короткому пути, о котором знали, — «А она знала о коротком пути? Как интересно...», — Ну вот вы меня и нашли. Что дальше?

— Дальше я бы хотела предложить вам отправиться с нами, но почему-то мне кажется, что вы откажетесь, не так ли? — пришла пора Алисы демонстрировать графу ироничную улыбку.

— Вы очень проницательны, — Виктор встал взял с тумбы рядом с диваном бокал и сделал глоток, — Я повторю вопрос: что вы будете делать дальше?

— Для начала — вот это.

Алиса молниеносно выхватила из-под плаща короткий автомат и от бедра выпустила в графа очередь.

Виктор успел лишь распахнуть глаза, когда рой стальных пчёл прошёл его от левого бедра до правого виска. Графа бросило обратно на диван, забрызгав кровью и предмет мебелировки, и стоявшую рядом лже-Арлетт, которая на отскочила в сторону и распахнула в ужасе глаза.

— Хорошая кучность, — заметил я, глядя на пробитое выстрелами тела бывшего друга.

— Спасибо. Но на такой дистанции сложно промазать, — Алиса выбросила из автомата магазин и вставила новый.

Этот будничным обмен репликами вывел гостей из ступора. Толпа за нашей спиной вздрогнула, качнулась, какая-то молодая женщина в птичьей маске уже приготовилась завизжать, но окровавленный Виктор вдруг поднял руку и произнёс вроде бы негромко, но так что слова разнеслись по всему залу:

— Молчать, — граф выпрямился на диване, осмотрел себя и печально вздохнул, — Мне очень нравился этот жилет. Какая жалость... Ну и зачем? В прошлый раз у вас уже ничего не получилось.

Алиса пожала плечами, отпустила автомат, повисший на ремне, и произнесла:

— Проверить стоило.

— Могли бы спросить своего спутника. Он бы ответил, что убить меня не в ваших силах, — Виктор вытащил осколок пули изо лба и кровь, залившая половину лица, медленно втекла обратно в рану, которая после этого закрылась, — Впрочем, пустое. Ну же, дорогая, иди сюда, как видишь всё в порядке, — это уже он обратился к Арлетт.

Девушка вздрогнула, но подошла, села на диван рядом с графом и обняла его за шею. Глядя на неё, успокоились и остальные гости и вскоре приём продолжился как ни в чём не бывало.

«Впрочем, могут ли заводные куклы устроить паническое бегство, если кукловод не заложил в них такое поведение?»

Алиса тоже не явно не покупалась на представление, потому просто стояла и ждала, пока Виктор наконец прекратит маяться дурью. Абсолютно верная линия поведения, кстати — Меттин действительно не мог долго играть, если на его игру не реагировал предполагаемый зритель. Именно поэтому на хихиканье и шёпотки с обнимавшей его Арлетт ушло меньше минуты: брюнет очень быстро «вспомнил» о присутствии Алисы и произнёс.

— А да, точно, я же хотел вас развлечь. Позволь-ка мне дорогая, — это уже он Арлетт, из объятий которой освобождался, — Итак, думается, мне будет чем вас заинтересовать.

— В этом я крайне сомневаюсь, — фыркнула Алиса.

— О, тогда позвольте вас удивить, — Виктор хлопнул в ладоши и зеркала на стене за его спиной вдруг загорелись каким-то внутренним светом и стали отражать явно не зал, в котором мы находились.

Пару секунд Алиса хмурилась, вглядываясь в светлеющее изображение, но, когда картинка стала чёткой вдруг вскрикнула, прикрыл рот ладошкой.

В каждом зеркале была Арлетт, но каждый раз — разная. В первом отражалась девушка за рычагами боевой машины, перемазанная сажей и копотью, она целеустремлённо вела танк к только ей ведомой цели. На второй Арлетт была на сцене какого-то кабака. Брюнетка

пела, судя по реакции попавших в поле зрения зрителей какую-то пронзительную песню. На третьей была Арлетт на выпускном экзамене академии, в чёрной форме парижской жандармерии говорившая что-то несомненно вдохновляющее. На четвёртой же сцена была... куда более интимной, и участвовала в этой сцене не только Арлетт, но и господин комиссар, которого мне уже довелось видеть. В пятом зеркале отражалась побитая жизнью проститутка, узнать в которой Арлетт было невероятно сложно, а на шестой... скажем так, происходило ещё более неприятное действие, чем на четвёртой. Как минимум потому, что здесь второй участник коитуса находился в процессе расчленения, которое ему устроила Арлетт.

— Балуешься фантазированием? — поинтересовался я у графа.

— Нет, что ты. Всего лишь показываю истину. Это разные версии одной и той же девушки в разные периоды жизни. Но только одно из зеркал ведёт к той Арлетт, которую вы потеряли, госпожа капитан. Другие же ведут в другие миры.

— И я должна угадать, которая из них настоящая? — Алиса провела взглядом по изображениям и пожала плечами, — Как-то примитивно, на мой взгляд.

Я тихонько вздохнул. Алиса, конечно, пыталась делать вид, что её это не задевает и Виктору она не верит, но... Демоны, я видел ведь, как она корит себя за то, что случилось с настоящей Арлетт. И Виктор, при всех его закидонах, тоже это видит, так что на её кажущееся равнодушие уже не купится.

— Отнюдь. Мне кажется, перед вами уникальный шанс ответить на философский вопрос о природе личности. Что делает человека человеком, его генетика? Воспитание? Жизненный путь? Ну, генетика у моей спутницы, дорогая гостья, такая же как у Арлетт, которых вы видите в этих зеркалах. Воспитание тоже такое же. И вместе с тем, — он обвёл рукой изображения, — У нас есть героиня, жертвующая собой ради друзей, великосветская шлюха, опустившаяся наркоманка, карьеристка, раздвигающая ноги ради продвижения, и даже серийная убийца. Кто из них настоящая?

— Все они, — Алиса вскинула подбородок, — Арлетт воплощает в себе разные черты, точно так же как я или вы. В разных обстоятельствах мы бы принимали разные решения, но это всё ещё наши решения, за которые мы несём ответственность. Нет никакой глобальной «судьбы», на которую можно списать то, как повернулась наша жизнь, как бы некоторым этого не хотелось.

— А если я предложу вам выбрать? Вы можете попасть к любой из них и спасти её. К кому вы отправитесь? Даю слово главы дома Меттин, что буду соблюдать условия пари.

Алиса взглянула на меня, и я наклонил голову.

— *Он не врёт, слово главы дома нельзя нарушить.*

— *Но должна ли я...*

— *Послушай, у нас две цели — убить Виктора и спасти Арлетт. Ты должна сама принять решение о том, что для тебя важнее — подруга или возможность лично убить врага.*

— *Я не хочу оставлять тебя сражаться с ним в одиночку.*

— *Знаю. Но мы не всегда получаем то, чего хотим, не так ли?*

Алиса вздохнула, покачала головой и обвив руками мои плечи, осторожно коснулась губами моей щеки.

— Спасибо, — она отстранилась, набрала в грудь воздуха и ответила, — Хорошо, я принимаю твои условия, граф.

Виктор расплылся в улыбке, отходя в сторону и обнимая подошедшую к нему лже-Арлетт. Рамка с Арлетт, сидевшей за рычагами танка загорелась ярче. Алиса поднялась на возвышения, подошла к зеркалам и... коснулась того, которое демонстрировало порнографию с комиссаром.

— Вы точно не ошиблись?

— Я знаю Арлетт и её секреты, товарищ граф. И я знаю, что она делала чтобы оказаться там, где оказалась, — блондинка улыбнулась, — и не виню её в этом. Нужно верить в своих друзей и не обманывать себя. Для меня только моя Арлетт — настоящая, со всеми её недостатками.

— Что ж, справедливо, — ответил Виктор и улыбнулся, — Красивая теория. Посмотрим, будет ли она верной.

С этими словами он чиркнул тонким лезвием по белой шее брюнетки, которую он всё ещё удерживал за талию. Глаза девушки распахнулись, а широкая улыбка не успела сползти с лица.

— Нет! — воскликнула Алиса, и рванулась к графу, но мой голос хлестнул, заставив её замереть на месте.

— Ты сделала выбор, так доведи его до конца.

Алая кровь залила корсет и воздушные кружева коротенькой юбочки, а толпа гостей в едином порыве выдохнула, когда гостья из моего родного мира упала на пол, поскольку Виктор перестал её поддерживать, не желая видимо, чтобы руки залила кровь.

— Ну же! — рявкнул я Алисе. Блондинка стиснула зубы и кивнула, отвернувшись и пошла к выбранному зеркалу, коснулась рамы и исчезла.

Виктор посмотрел ей вслед и пожал плечами:

— А она умнее, чем я думал. Или ты стал хитрее?

Я посмотрел на распростёртое на полу тело и хмыкнул:

— Ты всегда умел творить правдоподобные иллюзии.

— Думаешь это иллюзия? — он толкнул носком сапога черноволосую головку девушки, — Кому как не тебе знать, на что я способен.

— Именно так. Ты способен на многое, в том числе и на то, чтобы перенести сюда кого угодно из нашего родного мира. Только это будет очень затратно, поэтому вряд ли ты решишься на такую трату просто так, — я улыбнулся, глядя Виктору в глаза, — Все мы родом из детства, а твоё детство научило тебя быть весьма экономным. Зачастую — во вред делу. И в то, что ты вот просто так взял и решил перетащить в пространство внутри существующего внутри сложной хаотичной магической структуры замка ещё и своих слуг, не отличающихся ни талантами, ни полезностью... В это мне верится ещё слабее чем в случайность нашей встречи в наш последний вечер в родном мире. А уж в реальность этих гостей, которые ведут себя как куклы — и подавно.

Виктор пожал плечами, хмыкнул и поднял ладонь.

— Что ж, тут ты прав, — он пошевелил пальцами и гости исчезли, будто выключили лампочку. В зале кроме нас двоих остались лишь несколько стражников у дверей, которых я раньше не замечал, — Но что это меняет? Ты всё ещё в моей власти. Наверное, ты не понял, что случилось, ну так я поясню: твой исток разделения не сработает в моём домене, ибо я, в известном смысле, неотделим от него даже силой первоначального закона. В каком-то плане, этот дворец — часть меня самого и в нём ты не можешь использовать свои истоки.

— Интересно. Я лишь слышал о таких заклятьях, но никогда не думал, что их можно

использовать в таких масштабах. Разве такое действие не требует от тебя сложного списка условий и ритуалов для правильной работы?

— Конечно требует! — Виктор махнул рукой, — Думаешь, я просто так, по доброте душевной дал твоей дурочке шанс спасти свою бесполезную подружку? Естественно, это было частью плана! Но в результате, оказав ей такую услугу, я закрыл петлю и теперь ты не сможешь прикончить меня своим хвалёным «разрезанием нити жизни». Давай, попробуй её увидеть!

Я пожал плечами и переключил зрение в нужный режим, не особо удивившись тому, что слова Виктора оказались правдой. Попробовал призвать исток и тоже безрезультатно.

— Что ж, мои поздравления — ты добился того, что лишил меня возможности убить тебя за мгновение, и, кроме того, убрал из комнаты капитана Стрелецкой. Мои поздравления, извини что не хлопаю — руки заняты. Но поверь, я трепещу в ужасе от того, что оказался полностью в твоей власти, — само собой я даже не попытался придать голосу или лицу выражение должной озабоченности.

Виктор прищурился. Он не был дураком и прекрасно понимал, ЧЕГО ИМЕННО меня лишил, пусть и временно. И моя пресная реакция на это не могла его настораживать.

— Ты зря храбришься, Святослав. Сейчас ты и впрямь в моей власти и поступлю я с тобой именно так, как захочу. Планы эти, сразу предупреждаю, тебе не понравятся. На твоём месте я бы вёл себя серьезнее...

Я улыбнулся, опустив взгляд на бокал, покрутил его в руке.

— «На моём месте ты бы вёл себя иначе». Ты вообще не замечал, насколько часто мы говорим это самое «на их месте я бы поступил иначе»? Человек вообще склонен смотреть на других через призму собственного характера, видеть в иных людях прежде всего свои достоинства и недостатки — я пожал плечами, — Что уж говорить о человеке, который с детства общался по большому счёту только со своими отражениями? Ты всегда считал себя слишком хорошим чтецом чужих душ, в то время как на самом деле дело было не столько в таланте, сколько в обширной практике. Даже в Царскосельском лицее наши одноклассники не давали тебе забыть о твоём происхождении, что же происходило в обстановке, где не было меня, чтобы тебя прикрыть своим расположением, я могу только представить.

Холёное лицо Виктора превратилось на какую-то секунду в каменную маску (к счастью, не буквально), после чего мой бывший друг медленно наклонил голову.

— Touché. Но даже если ты и прав, это ничего не меняет.

Я сделал шаг к распостёршейся на паркете Арлетт. Распутные голубые глаза уже стекленели. Прекрасная иллюзия, всё-таки. Даже кровь в венах вроде бы материальна. А это означает...

— Это меняет всё, на самом-то деле. Ты просто ещё этого не осознал. Твоя сила, Виктор, всегда была не в умении бить морды, твоя сила была в игре чужим разумом. И тебя раскусила девчонка, которая попала в наши колдовские интриги буквально два дня назад. Ты сдаёшь, мой старый друг.

Виктор уже овладел собой и мои слова не достигли цели. Впрочем, их цель была не только в том, чтобы его задеть.

— Может быть и сдаю. А может быть, это ты думаешь, что слишком хорошо меня знаешь. Признаю, я ожидал что ты попадёшь в мою ловушку и эту белокурую девку можно будет заставить напасть на тебя. Люблю поэтическое правосудие.

«Скорее уж ты любишь дешёвую патетику,» — подумал я, — «Даже очень дешёвую».

— Но всё же, — продолжал Виктор, не заметив на моём лице следов крамольных мыслей, — Даже при том, что она отправилась за настоящей Арлетт, вы оба продолжаете быть в моей власти. Пускай и не в одном из иных миров, но всё же — в моём замке, моём собственном клочке реальности. И здесь я могу с вами сделать всё, что захочу.

— В определённых пределах, — возразил я, поднося к губам бокал с вином, — Например ты не можешь изменить фундаментальных законов мироздания. Ты, конечно, закрыл мне возможность использовать исток против тебя напрямую, но ты ведь не хуже меня знаешь, что у любого запрета есть пределы. Нельзя запретить мне использовать исток внутри своего тела, ведь тогда я просто умру, а тебе нужно совсем не это. Кроме того, у любого истока существует антитезис. Да, я не могу разделять, но ведь ты уже догадался, что мне доступно далеко не только это...

— О чём ты?

— Да так. Радуюсь, что ты любишь пускать пыль в глаза и всё-таки достал для этого спектакля настоящее шардоне.

С этими словами я наклонил бокал, и рубиновая жидкость тонкой струйкой полилась вниз, соединилась с кровью Арлетт, смешалась... Виктор слишком поздно понял мою затею. Его рука взметнулась одновременно с моей, а приказ «Скрутить его!» запоздал всего на секунду.

Я махнул рукой, одновременно приседая на колени. Смешавшаяся с вином кровь живой куклы стала с точки зрения магии единым целым с вином. А вино, часть которого до этого была в моём теле, воспринималась всё той же магией частью меня. Вот и получилось... интересно.

Нить красной жидкости, тонкая как рояльная струна и острая как бритва, хлестнула по усачам-гвардейцам, и они отлетели к стене, в движении рассыпаясь на абстрактные геометрические фигуры.

«Всё-таки даже у твоей иллюзии есть пределы реализма», — подумал я и ударил импровизированным хлыстом Виктора.

Увы, граф фон Меттин, при всех своих недостатках, прекрасно умел оценивать шансы. Увернувшись от удара, он метнулся к стене с зеркалами и прежде, чем я успел ударить вновь, исчез в одном из них. Алый хлыст ударил гладкую поверхность безо всякого эффекта, если не считать издевательского смеха Виктора, доносившегося словно бы со всех сторон. Я фыркнул и пошёл к опустевшей центральной лестнице:

— Выделяешься?

— Конечно, — раздался ответ моего бывшего друга, — Точно так же, как и ты поступал на моём месте, помнишь?

— Я помню только, как поддерживал запуганного паренька, оказавшегося внезапно для самого себя полноценным наследником титула, герба и рода, — я сбавил шаг, когда лестница изогнулась к стене, украшенной шестью одинаковыми высокими зеркалами. Теперь идти приходилось медленнее, краем глаза держа под наблюдением мелькающие в зеркалах образы, — Паренька, ведомого благородными идеалами и мотивами. Интересно, что тот юноша сказал бы о Викторе Фон Меттине, выступавшем на этом увлекательном представлении?

— Интересный выбор темы. Что ж, позволь мне показать тебе цели упомянутых тобой идеалов. — донёсся голос Виктора и зеркала, отделившись от стены, окружили меня сплошной стеной.

«Как будто меня этим испугаешь,» — подумал я и шагнул в ближайшую раму.

Тьма поглотила меня на мгновение, а когда рассеялась, я уже был в совсем ином месте.

Я стоял на опушке леса, верхушки которого золотило пламя заката. А нет, не заката — просто пламя. Лесной пожар или...

— Ты всегда бросаешься в бой очертя голову, — раздался знакомый голос, — Потому твои поступки легко предсказать.

Из-за пелены огня и дыма вышел мужчина, каштановые волосы, усы и бороду которого изрядно серебрила седина. Лицо же, пусть и испещрённое морщинами, весьма походило на моё собственное, а маньеризмы были весьма знакомы.

Я покачал головой и вздохнул:

— Да уж, ты отчаялся, Виктор, если решил, что я поверю в твою игру — с этими словами, я выдернул из кобуры револьвер и выпустил две пули в торс мужчине, как две капли воды похожем на моего отца.

Тот отпрыгнул в сторону, в движении меняя облик на привычный для себя.

— А если бы ты на самом деле оказался в моменте, когда твой отец погиб? — спросил Виктор.

— Моего отца парой пуль не убьёшь, — хмыкнул я в ответ, — Тебя, впрочем, тоже. Так что я ничем не рисковал в любом случае. Но довольно разговоров.

— И правда — довольно, — кивнул граф, вынимая из ножен узкий длинный меч с прямой гардой, — En Garde.

— Ну раз ты настаиваешь...

Опустив револьвер, я вытащил обратным хватом катану и едва та покинула ножны, использовал простенький приём, который не раз меня спасал: ударная волна сорвалась с клинка и полетела в графа до того, как он успел понять, что я не собираюсь соблюдать даже минимальный ритуал. И естественно полоса режущего ветра разрубила графа напополам, да ещё и отбросила обе половины в стену горящих деревьев.

— Да ты прекратишь или нет? — возмущённо завопил располовиненный граф, исчезая в ревушем пламени горящего леса, который стал размытым и исчез, превращаясь в серое марево.

Я же сосредоточился. Конечно, об истоке Виктора я знал не больше, чем он о моём собственном, но для понимания его ограничений мне хватало опыта наблюдений, даже без знания того, какой принцип его исток воплощает. Опыт же говорил мне, что Виктор всегда готовил пути отхода заранее — видимо, он не мог создавать свои порталы моментально или хотя бы быстро. Следовательно, портал должен быть где-то здесь, просто спрятанный от глаз. Но что одни руки спрячут, другие могут найти. Подняв катану, я зажёг на клинке пламя и довольно улыбнулся: огненный язычок ощутимо тянуло во вполне определённом направлении. Дальше дело техники: знай води мечом и ищи нужное место по отклонению пламени.

— Надо тебе лучше было хранить свои секреты, Виктор, — произнёс я, проходя между двумя ничем не отличающиеся от соседних деревьев, без иллюзорного леса оказавшихся лишь выступающими из серой мути столбами.

Теперь я оказался в тёмной галерее, то ли крытом мосту над пропастью, то коридоре, соединяющему два высотных здания — света за окном почти не было, а в самом коридоре лишь мигали тусклые лампы, так что тяжело определить. Но иллюзорность не ощущалась так явно, как в первый раз — ветер завывал вполне правдоподобно и при резких порывах стена дождя хлестала по стёклам. Чёрное небо за окнами время от времени разрезали молнии, но также во тьме было что-то иное, словно силуэты других людей, высвечиваемые на облаках во время вспышек.

Я поднял катану, освещая себе дорогу огнём, пылающим на клинке, и медленно пошёл вперёд, внимательно глядя по сторонам. Понятнее то, где я оказался, не стало — я шёл минуты три и коридор не думал заканчиваться. С другой стороны, дрожать и скрипеть, как вроде бы положено длинному мосту в сильный ветер, он тоже не собирался.

— Странное место, а? — раздался знакомый голос, и Виктор фон Меттин выступил из темноты, на нём не было ни следа недавнего располовинивания.

— Я долго искал подходящую аномалию. Коридор бесконечен, куда не иди, придёшь ко мне.

— Это хорошо, — заметил я и быстро махнул клинком, собираясь поразить графа лезвием ветра. Только вот то не соизволило появиться и взмах вышел... довольно глупым.

Виктор расхохотался:

— Есть разные миры, Стас, и в некоторых из них, ты удивишься, твой исток работать не будет, ведь его ещё не открыли. Нужно просто найти подходящий мир, — он поднял длинный узкий меч в боевую стойку, — Так что теперь ты мой.

— Посмотрим, — ответил я, беря рукоять меча обеими руками, — Но на твоём месте я бы не начинал делить шкуру неубитого медведя.

Я перешёл в атаку, не тратя больше времени на разговоры, глубокий шаг вперёд, вертикальный удар, который Виктор отбил, и сразу за ним — выпад. Ещё один жёсткий шаг и мой клинок рассекает пространство передо мной, заставляя графа пятиться. Он не может встречать мой меч клинок к клинку — его шпага тоньше и легче, она может просто сломаться от такого парирования. К сожалению, Виктору такое и не требовалось.

Тонкая шпага так и порхала в воздухе, что говорило о немалой силе. Тонкие клинки только выглядят лёгкими, на самом деле, уверен, его меч весил не меньше, а вероятно — даже чуть больше килограмма и обращаться с ним одной рукой требовало хорошей физической подготовки и конечно же мастерства.

Не менее важным был и само оружие. Виктор орудовал очень длинной шпагой, держа её одной рукой, в то время как я — коротким нодати, держать который чаще всего мне приходилось обеими руками. Плюс — у его меча была выраженная гарда, а у моего — нет, его меч был колющим, в то время как мой скорее рубящим. Я сам был выше и сильнее Виктора, но он — гибче и вроде как проворнее. Все эти различия приводили к тому, что наш стиль боя кардинально различался, а сам бой выходил весьма... хаотичным и непредсказуемым, а это играло не в мою пользу.

Виктору это могло показаться странным, но я всегда считал его куда лучшим фехтовальщиком, чем себя. Собственно, мои частые победы над ним (да и не только над ним) в академии во многом были связаны именно с осознанием собственных ограничений, причины которых очевидно лежали в силах моего истока — сложно научиться хорошо фехтовать, когда знаешь что твоя сила сама по себе делает из тебя лучшего фехтовальщика в мире, просто за счёт того, что твои удары невозможно блокировать и парировать даже в

тренировочном бою, не говоря уже о настоящем. Потому что как ты парируешь клинок, разрезающий всё, чего касается? Из-за этой особенности моего восприятия, я всегда относился к тренировкам как к некой скучной обязанности, не особо интересующей меня в целом, но при этом стабильно показывал лучшие из возможных результатов в спарринге, хотя по-настоящему сильные мечники, не знавшие об особенностях моего истока, вполне вероятно могли бы меня победить без особых проблем. Ну, конечно, если бы я не использовал этот самый исток.

А вот Виктор всегда держал в памяти сложность сражения со мной на мечах и потому, видимо, подсознательно боялся подобной схватки, из-за чего наши спарринги всегда заканчивались одинаково — а именно, в мою пользу. К сожалению для меня, этот граф, который стоял сейчас передо мной, явно победил свои комплексы, а учитывая, что его собственные способности в определённом смысле ставили нас на одну доску (я всё ещё не могу убить или ранить его, поскольку не видел линий его смерти), то бой выходил непростым. Впрочем, я тоже со времён академии многому научился, возможно как раз и стоит продемонстрировать кое-какие приёмы...

Я ушёл от быстрого укола в плечо, парировал выпад в ногу и перешёл в атаку, шагая к Виктору и делая выпад вверх, собираясь рассечь его руку. Увы, клинок моей катаны встретил украшенную гарду его шпаги вместо украшенных перстнями пальцев. Я попытался продолжить давление, но брюнет бешено, сверкнув глазами пнул меня коленом в бедро, отчего я скривился, зашипел и отскочил назад, защитным жестом махнув мечом перед собой и тут же услышал крик боли и последовавшую за ним ругань. Подняв взгляд, я увидел, что мой удар как оказалось достиг цели и оставил на щеке Виктора длинный узкий разрез. Веди я дуэль с обычным воином, я бы, наверное, мог праздновать победу: через несколько минут противник ослабнет от потери крови, а там можно и добивать. Увы, Виктор был магом, так что раны он закрыл быстрее, чем я успел подумать о том, смогу ли развить успех.

— Довольно игр! — прошипел граф и развёл в стороны руки. Я рванулся вперёд, надеясь нанести удар до того, как Виктор закончит то, что замыслил (чтобы это не было), но дистанция между нами нарастала словно бы сама собой, и вместе с тем окна в галерее темнели, сменяясь зеркалами, в которых отражался Виктор и только Виктор.

Прежде чем я успел сообразить, многочисленные отражения одинаковыми движениями выбросили вперёд руки с мечами, пробивая стёкла и вокруг меня оказался не один враг, а три или четыре десятка из числа лишь тех, кого я мог видеть.

— Он нужен мне живым! — раздался приказ настоящего графа откуда-то из-за спин клонов-отражений.

— Ну попытайтесь, — прошипел я, бросаясь в атаку.

На этот раз мой меч разил во все стороны. Приём, который я хотел удержать в секрете, теперь не было смысла скрывать, и катану окутал пламенный вихрь. Повинуясь моей воле, с каждым ударом он устремлялся на очередного врага, заставляя его вспыхивать как спичка. Но всё же... всё же их было больше, а без своего основного истока я был намного слабее Виктора.

Я успел сжечь пять или шесть клонов, прежде чем пинок в спину бросил меня на пол. Я попытался подняться, но удар эфесом по затылку заставил меня потерять сознание.

Очнулся я от тряски. Открыл глаза и увидел плывущие вокруг тёмные зеркала-порталы, словно бы висящие в воздухе, а передо мной маячила спина Виктора, который шёл в круге мягкого света. Я дёрнулся и понял, что мои руки и ноги прочно стянуты прочными путами. Одновременно стало ясно, что меня никто не несёт — я просто парю в полуметре над поверхностью того, по чему собственно Виктор идёт.

— О, ты пришёл в себя. Хорошо, не хотелось бы, чтобы ты всё пропустил, — заявил мне бывший друг и товарищ.

— Где мы? — голос прозвучал хрипло, в горле пересохло.

— Междумирье. Ну, как я его представляю, по крайней мере, — Виктор хмыкнул, — другие путешественники могут видеть эти места иначе. Но я давно хотел тебе показать масштабы вселенной.

— Зачем? Ради какой-то... — я закашлялся, но смог продолжить, — ради оправдания своих поступков каким-нибудь нигилизмом? Вроде того, что «все наши выборы совершили в других мирах, так что выбор смысла не имеет»?

— А ты купишься на такие аргументы? — с интересом поинтересовался Виктор, повернувшись ко мне, так что я увидел на его лице тонкий рубец затянувшегося шрама.

— Едва ли, — усмехнулся я.

— Ну тогда, наверное, и прибегать к ним не стоит, — пожал плечами граф, — Правда, в этих аргументах есть некая крупица правды.

Словно повинуюсь его словам, или скорее — мыслям, странные зеркала вокруг нас вспыхнули, отражая наше путешествие словно бы во всех возможных вариантах — где-то Виктор вёл меня, где-то я вёл его, где-то мы шли молча, где-то оживлённо спорили.

Продемонстрировав всё это, калейдоскоп картин потух и зеркала стали теперь отражать различные непонятные миры.

— Как видишь, миров действительно бесчисленное количество и выборы живущие в них жители делали самые разные. Даёт некую перспективу на осмысленность твоего «служения».

— Вот как? И сколько этих миров доступны для путешествий тебе, а сколько существуют за пределами нашего даже теоретического влияния?

— Казуистика. Ты хочешь уйти в софистику, поверь, сейчас не время и не место. Хотя бы потому, что ты говоришь с трудом.

— Пусть так, — я скривился и начал смотреть по сторонам.

— Дорогу запоминаешь? Ну попробуй, только сразу тебе скажу — не стоит сходить с тропы, — Виктор совершенно правильно понял мой интерес.

Впрочем, я не ответил, ибо в одном из зеркал мелькнула светлая косичка. Я моргнул и тут же присмотрелся — и правда Алиса, мне не показалось. Только вот где Арлетт?

— И что случилось с твоим обещанием «не обманывать»? Разве ты не направил Алису к Арлетт?

— Ты многое подмечаешь. Но я никого не обманул, она действительно в том же месте и вполне может нагнать подругу. Но разве я говорил, что портал приведёт прямо к ней напрямую?

— Казуистика, — вернул я Виктору любезность, — Ты никогда не прибегал к таким примитивным приёмам. Что же тебя так изменило-то?

Смех Виктора звенел, отражаясь от бесконечных висящих во тьме зеркал. Я не кривил душой, да и подначки мои в данном случае были минимальны — мне действительно было

интересно, что заставило Виктора фон Меттина столь радикально изменить своей привычной линии поведения.

Он был... «прилипчивый и тихий» — не самая лестная характеристика для графа из старинного рода, но это было правдой. Виктор лишился своей семьи в раннем детстве, оставшись единственным выжившим в атаке в уплату долга крови, который Меттины имели перед другой влиятельной семьёй немецких маркграфов. Виктор, спасённый дальним родственником, решившим использовать тихого мальчишку для своих целей, оказался очень рано поставлен перед холодной безразличностью нашего мира, и эта апатия без сомнения сильно на него повлияла.

В лицее граф вёл себя очень тихо и незаметно, стараясь не бросаться в глаза и не мелькать на виду, что парадоксальным образом нас сдружило благодаря одному случаю. Лицей во многом был более... скажем так, мягкой версией внешнего мира и конфликты и игры императорского двора в определённом смысле просачивались в стены лицея через детей этих самых аристократов. И тут уже было всё: и кажущееся «равенство благородных», очень быстро оказывавшееся фикцией, ведь несмотря на номинальное равноправие, кому-то с более знаменитой фамилией позволялось несоизмеримо больше, чем, например, маркграфу из недавно присоединённых земель, да вдобавок ещё и графство имеющий скорее номинально. Виктору пришлось столкнуться с подобной несправедливостью в самой худшей форме: он обратил на себя внимание худших из возможных людей...

Мир вокруг меня подёрнуло дымкой в очередной раз, и я обнаружил, что иду по знакомому широкому коридору лицея, поворачиваю за угол и вижу...

— *Так его, Гришка, лупцуй этого прусса! А то слишком задаётся! — громадный детина, богатый камзол которого выглядел на нём как мундир на корове, казалось, только этого и ждал. Ощерившись, он поднял плётку и занёс её над голой спиной парня, которого держали двое его дружков.*

Но не успел он опустить свою плётку, как раздались медленные размеренные хлопки. Детина замер и повернулся на звук, точно так же замолчали и его дружки. Между тем из дверей появился худой парень с каштановыми волосами и холодными серыми глазами, медленно хлопавший в ладоши с выражением крайнего презрения на лице.

— *Вот те раз, только я решил позаниматься науками, как мой старший кузен решил позаниматься врачеванием своего хрупкого эго.*

— *Что тебе надо, Вронский? Не хочешь развлекаться — хоть нам не мешай.*

— *Ну, если для тебя издевательство над вассалами твоего брата — развлечение, — молодой князь пожал плечами и вздохнул, на мой вкус уж слишком картинно, — Дело твоё, конечно, но долго при таких установках ты при дворе не проживёшь.*

— *Я там всю жизнь проживу! В отличие от тебя, Прошлый, я — из Романовых, я член Императорской фамилии и...*

— *И обречён всегда оставаться в самом хвосте списка наследников, — кивнул молодой Стас, — И те, кто выше в этом списке не дают тебе об этом забыть, вот и приходится самоутверждаться за счёт слабых.*

— *Ну, Прошлый, ты сам напросился...*

Гришка зашипел и бросился на мелкого меня, но парень лёгким движением ушёл от плётки, подставив борову ножку так что тот полетел носом в пол. Когда он попытался встать, молодой я пнул детину в спину, отчего тот снова ударился башкой о пол и уже не дёргался, после чего парень повернулся к прихлебателям.

— Вы, подхалимы. Отпустите мелкого и валите отсюда.

— Тебе это с рук не сойдёт, Вронский! — заявил тот, который подбадривал «Гришку».

— Может да, а может и нет. Но пока у вас два варианта: либо попробуйте доделать то, что не удалось этого борову, — молодой князь пнул носком сапога под рёбра Георгия, — либо берите его и валите отсюда.

Подхалимы переглянулись и выпустив свою жертву, бросились к бесчувственному господину.

— Путешествуешь по волнам памяти? — раздался издевательский голос графа.

— Ну кто-то ведь должен, — заметил я.

Меттин промолчал и отвернулся, но я успел разглядеть, как он дёрнул щекой.

Кому-то может показаться, что быть пойманным — не лучший способ проведения операции устранения. Что ж, единственное, что я могу на это ответить: если у данного господина есть идеи о том, как уничтожить мага, который находится в пространстве, где он физически неуничтожим, я готов послушать эти предложения. Потому что у меня идея была только одна и для её реализации надо было, собственно, продолжать подыгрывать Виктору.

Что я и делал. Ну и да, узнать, что его так сильно изменило, что мой бывший друг решил закинуть меня хрен пойми в какой мир хрен пойми зачем тоже, по здравому размышлению, лишним не было.

Поэтому я и продолжал изображать пленника, до поры по крайней мере — чтобы узнать, что именно нужно господину графу.

Виктор ещё некоторое время шёл в молчании, а потом остановился, прищурился и резко свернул, направившись к пустоте между зеркалами.

— Эй... ты что задумал? — встревоженно спросил я, поняв, что магическая привязь тащит меня следом за графом, — Ты же сам говорил, что нельзя с тропы сходить.

— Это тебе нельзя, мне же вполне можно, — заявил Виктор и тут же отдёргнул ногу, которая начала проваливаться под тропу, — При определённых обстоятельствах.

— Ну да, это обнадеживает, конечно, — хмыкнул я, — Радует другое, если ты провалишься, я выберусь, а дальше — любое зеркало моё.

— Ха-ха-ха, — заметил брюнет и снова опустил ногу на пустоту. На этот раз пустота не поддалась, — Не надейся, князь.

Он сделал шаг, ещё один и скоро лента тропы исчезла за спиной, а вот перед нами тьма раскрылась — не так, как будто мы вошли в портал (это ощущение я уже успел запомнить), а так словно тьма вокруг расступилась, будто дым и мы оказались перед массивным бетонным зданием, освещённом электрическими лампами. Я скосил глаза и увидел в паре метров от стены всё ту же клубящуюся тьму междумирья.

— Занятно, — только и сказал я.

— Ты не представляешь, насколько, — сообщил Виктор, — Создать кусочек реальности из осколков несложившихся миров было очень непросто, но как видишь — я справился.

— Поздравляю, — ответил я, — И в чём был смысл?

Виктор улыбнулся:

— Сам подумай. Выбраться отсюда без моих способностей невозможно: ты не увидишь скрытой мной тайной тропы. А заставить меня у тебя не выйдет... Да, кстати об этом, — с этими словами он щёлкнул пальцами и держащие меня магические путы лопнули, — Если хочешь, можешь попробовать призвать Исток.

Я приземлился на сухую землю от неожиданности слегка присев, но тут же выпрямился и размял затёкшие запястья. Посмотрел на лучащегося самодовольством Виктора максимально хмуро и пожал плечами.

— Нет никакого смысла доставлять тебе удовольствие, я уже понял, что на эту...

— Я предпочитаю называть её «заводь». На мой взгляд подходит.

— Хорошо. Итак, я понял, что на эту заводь распространяется твоё правило допущения и запрещения истоков, — закончил я.

«Кроме того, у меня есть способы проверить работу своих способностей куда более

тонкие, чем зажечь огонь на пальце или разрезать травинку, и их я конечно же применил, а о результатах этого применения тебе знать не стоит,» — это я говорить, понятно, не собирался.

Выпрямившись, я вытащил из кармана кителя портсигар, походя отодвинув ножны с катаной, чего Виктор казалось, не заметил. Ну да, хочет, чтобы я меч на нём испробовал, а может и револьвер. Мальчишка всё-таки.

Вставив в зубы сигарету, я вытащил меч из ножен на пару сантиметров, чтобы прикурить об вспыхнувшее на клинке пламя, после чего снова сунул меч за пояс.

— Не хочешь на мне испытать свою шашку? — поинтересовался Виктор.

— Зачем? Я уже понял, что не сработает. Как я и сказал, не хочу доставлять тебе удовольствия. Ну а ты между тем можешь начать рассказывать, зачем ты меня сюда привёл, — детский приём, но Виктор, уже открывший рот, несомненно чтобы объяснить мне свой хитрый план, тут же смешался.

Теперь, начав говорить, он словно бы выполнял моё повеление, что ставило его в неприятную позицию. Впрочем, с такими уколами он справляться научился.

— Ты думаешь, что ты особенный? Нет, отнюдь. Мне нужен был инструмент, нужно было орудие. Миры бесконечны по своей природе, каждое решение, каждый вопрос, на который ответили иначе порождает неопределённость. Неопределённость же создаёт два мира — тот, в котором ответили «да» и тот, в котором ответили «нет». И миров таких — бесконечное множество, — Виктор улыбнулся, — Но нам нужен был особенный мир. Странный, мерзкий, находящийся на самом пределе возможного. Мир, который вырастил бы такого как ты: наследника рода столь варварского, что создали силу, способную разрушить что угодно и даже этого не поняли. Ты можешь убить что угодно и именно эта сила мне и нужна.

— Значит, хочешь завербовать?

— Нет, зачем мне тебя вербовать. Мы возьмём то, что нужно силой. А нужен нам твой исток, тот закон, который лежит в его основе — он уникален, не ты. Но достать его почему-то нельзя, только в том мире, где мы жили он проявился.

— Надо же как странно, — я изогнул бровь.

— Мне кажется, ты знаешь почему так.

— Понятия не имею, — лихо соврал я, — Но ты можешь продолжать раскрывать свои планы. Кстати, долго мы будем перед дверьми стоять? — это естественно было сказано, когда Виктор сделал шаг в сторону высоких металлических створок.

Граф сбился с шага, дёрнул рукой и молча открыл двери.

— Иди за мной. Сигарету только выброси.

Я хмыкнул, бросил окурочок на землю и раздавил каблуком. Ну и сделал как сказали, само собой. В отличие от графа, моё эго не было таким хрупким, чтобы рассыпаться от контакта с жестокой реальностью.

* * *

Возможно, в последнем аспекте я себя переоценил. Входя внутрь здания вслед за Виктором, я ожидал увидеть тюрьму, или быть может — лабораторию, колдовскую башню с испещрёнными рунами стенами. Быть может что-то среднее между вышеперечисленным.

Вместо этого я оказался на... заводе?

Пожалуй, да, это было наилучшим описанием. Вслед за Виктором я прошёл через турникет проходной, справа от которого в стеклянной будке сидел скучающий охранник. Последний, впрочем, встрепенулся и сказал:

— Добрый день, господин директор. Вы надолго?

— Привет, Антон. Не знаю, сказать по правде, — Виктор пожал плечами, — Может и на пару дней.

— Хорошо. А ваш гость...

— Пойдёт со мной. Не записывай его пока, — граф усмехнулся, — всё равно документов у него с собой нет.

— Понял. Проходите пожалуйста.

Граф Меттин кивнул, махнул мне рукой и направился к турникету. Я пошёл следом, благо ничего другого в общем-то не оставалось. Лучшее, что я мог делать — это молчать, пока Виктор, явно рисуясь, вёл меня по чистым коридорам мимо просторных комнат, в которых непонятные господа оживлённо о чём-то спорили, черкали мелом доски, смешивали что-то в колбах и... изучали содержимое исписанных рунами книг.

— Это... научный центр? — я спросил прежде, чем успел подумать, — Ты изучаешь здесь истоки?

— Не только. Я изучаю здесь всё. Одна очень приятная черта «завоуди» состоит в том, что законы бытия здесь не определены и потому включать-выключать их относительно просто. Вот как тут, например.

Виктор кивнул на дверь, мимо которой мы проходили и остановился. За ней двое девушек стояли на круглой площадке, пока третья колдовала над сложным прибором. Я не успел заметить, что именно она сделала, но все трое вдруг воспарили над полом.

— Гравитация — это тоже исток, как видишь, — хмыкнул граф, — И её можно выключать.

— Впечатляет, — только и смог сказать я.

В голове между тем метались самые дикие мысли: а что будет, если Виктор научится вот так вот «отключать» гравитацию, в рамках нормального, полноценного мира? Да чёрт с ней, гравитацией — что, если он так «отключит» что-то ещё более основополагающее, типа принципа причинности. Как тогда? Это даже не угроза масштаба мира, это угроза всей вселенной...

«Впрочем нет, рано паниковать,» — одёрнула меня рассудительная часть сознания, — «Виктор хочет показать свою силу, не более. Если бы он действительно был уверен в способностях этих ребят найти ответы на интересующие его вопросы, похищать меня никакого смысла бы не было.»

— Впечатляет, — повторил я, глядя в глаза бывшему другу, — Но мне кажется, ты просто хочешь меня напугать тем, что доступно твоим учёным.

— И как, получается?

— Не особо, — светски улыбнулся я, — Сам факт того, что тебе зачем-то нужно меня впечатлять не играет тебе на руку.

Виктор хмыкнул:

— Touché. Что ж, в таком случае давай пройдем к цехам.

— Цехам?

— Ну ты ведь не думаешь, что здесь я только исследованиями занимаюсь, — сообщил

он, направляясь к очередным дверям, на этот раз ведущим во внутренний двор.

— Нет, я думаю лично ТЫ здесь вообще ничем не занимаешься, — усмехнулся я, щурясь от яркого света (в этой части заводи почему-то было нормальное небо и солнце) — Ты никогда не был человеком науки. Да и своими руками работать не стремился.

— Может быть ты просто никогда не понимал моих мотивов?

Я остановился, сложил руки на груди, задумался на пару секунд, а затем покачал головой и возразил:

— Нет, не сходится, Виктор. Твои мотивы никогда не были слишком сложными, скорее уж наоборот — излишне примитивными.

— Да неужели?

— А ты вспомни: добиться лучшего положения, жить «как положено человеку твоего статуса» — дальше столь простых идей ты никогда не шёл. Даже интригами и подковерной борьбой при дворе ты занимался словно бы по обязанности, никогда не беря на себя рисков, которые могут не оправдаться. И тут ты внезапно решаешься не абы на что — на похищение Святослава Вронского, прославленного героя трёх последних войн и твоего собственного лучшего друга, причём не просто похищение — перемещение его в другой мир, в иную реальность и к совершенно иным людям, а теперь демонстрация какого-то странного завода за пределами реальности. Мне интересно — что тебя побудило на такое действие? Или даже — кто?

Виктор фыркнул и развёл руками.

— Меня иногда бесит насколько ты проницателен... Впрочем — да, ты прав. Мне самому ты никогда не был нужен как инструмент. По крайней мере тому «мне», которым я был в том мире. Ты должен понимать, что, когда граф Меттин впервые выходит за пределы своего мира и осознаёт себя частью огромного целого... скажем так, перспектива сильно меняется. Мы становимся словно бы частью цельного сознания, которое... — он помотал головой, — Тебе не понять. Да никому этого не понять. Но когда я вышел за границу реальности нашего мира, я оказался под влиянием иных целей, иных мотивов. В этом мире, мире победившего народовластия, я нашёл человека, который нашёл лучшие пути для применения истоков, более благие, более честные. Он готов поделиться с миром своей силой, а не копить её как дворянские роды. И благодаря этому он во главе своего отряда смелых построит совсем другой мир, лучший мир, мир в котором магия станет на службу всем людям, а не только избранным!

Если в начале я ещё сохранял серьёзное лицо, то к этому моменту уже не мог сдерживать эмоций и рассмеялся, держась одной рукой за живот.

— Что тебя веселит? — недовольно поинтересовался Виктор, поворачиваясь.

— Ты и эти твои... планы, — я с трудом мог говорить сквозь проступившие слёзы. Ты хоть знаешь, почему мы приносим присягу и что получаем в итоге? Маг не пойдёт на службу *просто* к другому магу, император должен являть собой что-то большее и давать доступ к этому «чему-то» своим вассалам. Это секрет, о котором знают только члены правящих семей, но дар псио — лишь одно из проявления истока Романовых, точно так же, как Аксель, даруемый Виндзорами своим вассалам был одним из проявлений их силы, или как Единение японских самураев было манифестацией силы Сынов неба.

Виктора мои слова явно задели, поскольку голос прозвучал куда более зло:

— А тебе-то откуда это знать? Ты же не из правящей семьи.

— Я не из Романовых, это правда. Но я всё ещё князь, а значит, — я изобразил

улыбку, — Когда-то моя семья была правящей.

— Что? Нет, ты не можешь быть... Кем? Рюриковичем?

— Рюриковичем, Чингизидом — какая разница? Это лишь слова, — я махнул рукой, — Главное не в этом, главное в том, что все войны последнюю тысячу лет в нашем мире велись именно ради того, чтобы один победитель привёл мир к тому виду счастье, которое представляет сам. В этом сила императорских Истоков, примарных законов, осевых принципов — называй как хочешь. И тут заявляешься ты, Виктор, и устраиваешь мне свою лекцию на тему «Мой патрон придумал невероятный способ облагодетельствовать человечество, никому раньше такое в голову не приходило».

Я уже не мог сдерживаться и согнувшись хохотал так громко, что редкие люди, оказавшиеся во дворе, начали на нас оборачиваться.

— Даже если ты прав, это ничего не меняет. Только тот, кому я служу способен дать человечеству то, что ему нужно! Я это видел! Нет ни одного мира, объединённого иначе!

— Может быть, они есть. Ты же не можешь видеть то, что неспособен представить, разве нет?

— Что ж... в таком случае пойдём и я покажу тебе, что я способен представить, — Виктор овладел собой и его голос словно звучал уверенно.

Граф развернулся и направился к высокому и широкому зданию, стоявшего на другой стороне двора. Как только мы приблизились к массивным воротам, в уши ударили звуки сосредоточенной работы: шипели сварочные аппараты, звенели молоты, ударяющие металл, булькали странные химикаты. Я прошёл следом за Виктором через узкую дверь, вырезанную в массивных воротах, и оказался внутри огромного цеха. В центре высилась непонятная машина размером с пятиэтажный дом, почти неразличимая за множеством лесов, лестниц и прочих конструкций, на которых копошились десятки, а то и сотни рабочих.

Виктор направился к одной из лестниц и начал подниматься. Я шёл следом за ним — что ещё оставалось? Пару минут путешествий по металлическим лесам, и мы оказались совсем рядом с непонятной конструкцией, позволив осмотреть её во всей красе.

— Что думаешь? — спросил Виктор, спрыгивая на металлический... корпус? — У меня изрядно времени ушло, чтобы сообразить что-то такое, но я знал, что ответ существует. И ты сейчас смотришь прямо на него.

А я ничего не думал — точки отсчёта не было. С полминуты я вертел головой, пытаюсь понять, на что, собственно, смотрю, а потом увидел, как из-под брезента справа один из рабочих выкатил тележку со странной металлической деталью, заглянул под колыхнувшуюся ткань и выругался. Огромные диски, на которых лежал массивный и широкая в полтора меня, лента из тех самых металлических деталей. Циклопический конвейер или... гусеница?

— Это танк? Гигантский танк? — я прищурился, глядя на корпус, теперь уже замечая нужные детали. Башня уже установлена, размером с ту, которую я видел на линкорах в качестве носителя главного калибра. Вместо пушки правда стояла странная решётчатая конструкция, но зато были вспомогательные орудия. Калибра, как раз подходящего для того, чтобы торчать из башни какой-нибудь противотанковой артиллерийской установки.

— Нет, это не танк. Это установка по извлечению истока, — Виктор указал на решётчатую конструкцию в огромной башне, — Потребовались годы чтобы придумать платформу, на которую можно её поставить, потом годы, чтобы найти подходящий источник энергии, но теперь... Теперь всё готово. В определённой мере, конечно. И здесь, в моём сборочном цеху посреди междумирья, мы проведём первое испытания.

— Вот как? И на ком же?

— А ты как думаешь? — Виктор свистнул, и рабочие вдруг разбежались от носа танка, оставив пространство перед гигантскими воротами свободным. Только теперь я понял, что ворота как раз подходили по габаритам этой циклопической машине, — на тебе, конечно. Потому что нет ничего лучше для главного калибра этого Мамонта, нежели твой Разрезающий Исток, и с этой машиной Объединитель пройдёт по миру огнём и мечом, захватывая новые истоки и силы.

Пол под ногами вздрогнул и мне пришлось схватиться за перила, чтобы не упасть. Платформа, на которой я стоял, начала двигаться, увлекаемая грузовым краном и скоро оказалась прямо перед башней, в точке, в которую, как я полагаю, был нацелен «извлекатор». Я посмотрел вниз. До бетонного пола было метров десять — человек без истока, несомненно, переломает ноги. Обычный человек. Я же имел некоторые козыри, но прыгать всё равно не стал. Потому что головоломка сложилась и я знал, что нужно делать.

Подбоченившись, я насмешливо посмотрел на Виктора, стоявшего на броне танка чуть ниже меня.

— Странно, конечно, объяснять это тому, чья сила в путешествии между страницами книги, но видимо темнее всего под пламенем свечи. Виктор, ты же сам сказал — неопределённость создаёт две вероятности, обе из которых реальны. Но ты не сделал следующего вывода: сила, который ты пользуешься, содержит в себе также и свою противоположность. Ты сам используешь это, не осознавая: что есть твои двойники, если не противоположность твоему перемещению в другие миры? Ты можешь переместиться сам или призвать своих двойников из других миров.

— Допустим, и что?

— И то, что тебе не пришло в голову подумать, что будет противоположностью моего истока.

— И что противоположно мечу? Щит?

— При чём здесь меч, Виктор? Мой исток — разделение. Неужели не догадываешься, что является его противоположностью? — спросил я и завершил заклятье.

Огромные ворота подёрнуло дымкой и в них раскрылся высокий тёмный портал в Аномалию, откуда из траншей выскочила побитый и потрёпанный танк, куда более скромных габаритов, чем Викторов Мамонт. Из пробитой в нескольких местах башни высунулась светловолосая головка Алисы. Девушка ошалело осмотрелась, но почти сразу заметила меня и удивлённо крикнула:

— Что за... Стас? Как мы?

Виктор расхохотался, стуча каблуком по броне своего монстра.

— И это твоя козырная карта — две дуры на раздолбанной танкетке?

— Нет, не мой козырь не они. Мой козырь идёт следом. Присмотрись, что ты видишь в портале? Думаешь, эти синие огоньки — звёзды?

Виктор последовал моему совету, и улыбка сползла с его лица.

— Не может...

— Ты прав, я не могу убить тебя, — крикнул я, — И не могу разнести твой дурацкий танк. Зато они могут. Чао!

С этими словами я спрыгнул вниз на, на бетон. Катана вспыхнула вихрем огня, тормозя моё падение, а над головой уже грохотали выстрелы.

«Надо же, какие-то пушки у этой дряни были заряжены?»

Из башни высунулась Алиса, едва танк остановился в развороте, в то время как из лючка мехвода выглянула парижанка, бледная и осунувшаяся, но вроде бы вполне живая. Алиса протянула руку.

— Залезай!

— Алиса, Арлетт! Счастлив что с вами всё в норме, — приняв руку Алисы я вскочил на броню и наклонился к брюнетке, — Нам надо...

— Да, уже отвожу с дороги. Держитесь, убегаем через стену...

За кормой танка из портала появилась осточертевшая шестёрка и устремилась было за нами, но тут кто-то внутри супертанка догадался выстрелить нам вслед. Фонарщики тут же остановились, повернулись к супермашине и видимо сочли её более достойной целью. Сверкнули гидравлические ножницы, альпинистские крюки и дикая рота полезла на свой третий важнейший бой.

— А четвёртой встречи с ними быть не может, — пробормотала с непонятной интонацией Алиса, смотревшая на развернувшуюся трагедию вместе со мной.

Фонарщиков одного за другим снимали с брони разрывы снарядов, но те вставали вновь, уже даже не регенерируя, по сути, а просто появляясь на том же месте, где погибли. Сам же цех тускнел, бледнея и уходя в петлю парадокса.

— Видимо, этот танк фонарщикам было суждено победить.

— Теперь — да, — кивнул я, — Забавная штука — магия, не правда ли? Арлетт, коридор в конце тупика, дави.

— Давлю. А, дерьмо!

Из стены выскочил Виктор, потрёпанный и побитый. Дикими глазами скользнул по мне, по Алисе и облизнул губы, но всё же решился.

— Я сда...

Мой меч сверкнул полосой голубой стали, и черноволосая голова графа Меттина отделилась от туловища, подлетела и стукнулась о лобовой пласт башни, где я и поймал её за чёрные волосы, взглянул в глаза, полные безмерного удивления, и заметил:

— Извини, убить я тебя не могу, сам знаешь, но и выпускать отсюда не собираюсь. Слишком уж ты страшную вещь открыл, Виктор, и должен вместе с ней и остаться.

Губы Виктора разлепились, и отрубленная голова хрипло просипела что-то, в чём угадывалось полное ужаса «Нет!», но я предпочёл проигнорировать это странное явление.

Хорошенько размахнувшись, я швырнул голову бывшего друга обратно в двери цехи, за секунду до того, как купол парадокса закрыл эту дыру навсегда. И за три секунды до того, как наша танкетка пролетела через портал, оказавшись в уже хорошо знакомых местах.

Я вылез из танка и осмотрелся. Ну надо же, хоть раз повезло.

— Это и правда Верден. Самая граница аномальной зоны, как я понимаю. Вон там, — я махнул рукой на юго-восток, — должен быть Люксембург, а чуть восточнее — Бельгия. Куда нам?

— Я... не знаю, — Алиса, выглянувшая следом за мной, благо развороченная башня позволяла, вздохнула и вытерла грязный лоб тыльной стороной ладони, — На восток?

— Исчерпывающе, — кивнул я и полез обратно.

— Тут должны быть... карты, — Арлетт говорила тихо, девушка явно держалась из последних сил, — Только...

— Я посмотрю, — сообщила Алиса и заглянула в шкафчик, на который указала парижанка. Через минуту она выглянула с кожаным планшетом в руках, — Да, действительно карты. Старые, конечно, но лучше, чем ничего.

Блондинка вздохнула, осмотрела полутёмный салон и заявила:

— Единственное, что меня смущает, так это то, как мы ехать-то будем на этой штуке? Видно же за километр. Может бросить?

— Нет, не стоит, — ответил я, — Эска — часть аномалии, оставлять его без присмотра может привести к самым неприятным последствиям.

— Погодите, — произнесла Арлетт, — а что если... Вот так?

Девушка сосредоточилась, прикрыла глаза и металлические стены вокруг нас дрогнули и начали менять форму, словно облака на быстрой съёмке. Не прошло и минуты, как мы с удивлением обнаружили себя... внутри моего кабриолета! Ну, того самого, который я у якудзы позаимствовал не так давно. Или почти того же самого — у этого было два ряда сидений, а не один... Или у того тоже два было? Не помню...

«Зато что я точно помню — это ощущение, охватившее меня при трансформации. Но об этом потом» — подумал я.

Парижанка, так и оставшаяся за рулём, выдохнула и откинулась на спинку кресла. Алиса, оказавшаяся со мной на заднем сиденье, выскочила, распахнула водительскую дверь и осторожно коснулась подруги.

— Ари, ты в порядке?

— Да, просто... устала...

— Как ты это сделала?

— Не знаю, оно само получилось, я...

— Опять бросилась, вперёд не думая о последствиях, — блондинка покачала головой.

Парижанка хотела было возразить, но усталость её побеждала.

— Арлетт, давай ты на заднем полежишь, а я тем временем поведу, хорошо? — включился я в диалог.

— Ну, если тебе не... сложно...

— Не сложно, — заявил я и осторожно взяв девушку на руки.

Арлетт тут же покраснела и начала слабо возражать:

— Не надо... я... сама... — её возражения не особо действовали, ибо девушка очевидно едва держалась в сознании.

— Поспи пока, мы освободим тебе диванчик задний.

— Но... Вы же будете... заняты... а я... спать... не хочу... — голос брюнетки казался всё более и более сонным.

— Не хочешь спать — просто полежишь. Ты многое сделала, надо и отдохнуть, — возразила ей Алиса.

Этот аргумент Арлетт приняла. Ну или просто уже заснула. Я положил девушку на диванчик, длины которого вполне хватило, и накрыл её своим плащом. Алиса посмотрела на подругу, покачивая головой, и села на пассажирское кресло.

— Неужели время в том месте, где Арлетт путешествовала, шло настолько быстро?

— Нет, не думаю. Но если ты о том, что её вырубил, то это никакого отношения к времени бодрствования не имеет. Это усталость от наследования истока. Её тело адаптируется к новым возможностям, — ответил я, прислонившись к дверце машины и зажигая две сигареты.

— Наследования истока? Какого именно? — Алиса приняла от меня сигарету и затаилась.

— Того самого, чей хозяин не так давно помер, — я пожал плечами, — Вариантов не так много, собственно.

— Погоди, что? То есть Арлетт унаследовала исток Виктора? А почему?

— Потому что исток уже существует, значит должен быть и носитель, — я затаился и выдохнул облачко дыма, — Иначе получится, что в мире есть закон магии, который никому не подчинён. Так не бывает.

— Но почему именно Арлетт? Разве ты не говорил, что наследование истока — сложный процесс и наследуется он по принципу родства крови?

— Говорил, но у Виктора нет в этом мире родственников — ты сама видела, что осталось от его замка. Наследовать же исток обитатель другого мира не может: тогда этот мир окажется без владельца истока Отражений, что невозможно. Так что вариантов было немного — ты, я, Арлетт, просто по принципу близости к предыдущему владельцу и его центру силы и по закону наименьшего сопротивления получилось, как получилось.

— А почему не ты?

Я усмехнулся уголком рта.

— Думаю, Виктор специально внёс условия чтобы я не при каком раскладе не смог унаследовать его исток, — я затушил сигарету и опустил на водительское кресло, — К тому же, у меня уже есть один исток, получить второй я не могу, как я уже говорил.

Алиса внимательно посмотрела мне в глаза и медленно кивнула. Я умел держать покерное лицо.

— Ладно, унаследовала и унаследовала. Надеюсь, это будет не слишком... Погоди, — она оборвала сама себя, — это из-за истока она танк трансформировала?

— Конечно. Отражение танка из другого мира, или отражение идеи «нашего транспорта» в котором мы путешествовали до этого. Множество вариантов.

— Всё чудесатее и чудесатее, — Алиса покачала головой, выкинула свою сигарету и взяла с пассажирского кресла лежавший на нём планшет с картой, — Ладно, тогда поехали. Надо всё-таки найти нормальную койку.

— Это правда, Арлетт скоро проснётся — это не сон, это перестройка организма. Ладно, не суть, — я повернул ключ в замке и мотор тихонько заурчал, — Указывайте дорогу, капитан.

Я был прав — Арлетт пришла в себя спустя примерно два часа. К тому моменту мы уже выехали из полей пустыющего со времён Великой Войны Вердена на что-то, напоминавшее современную дорогу. Эта дорога вроде бы вела к Мецу, а то и к Люксембургу, который в этом мире по неизвестным мне причинам считался государством. Если честно, детали ни меня, ни Алису не волновали — на этом этапе нам всем больше всего хотелось последовать примеру Арлетт. Уж очень минувшие дни выдались... насыщенными.

Мы с Алисой даже не разговаривали толком, хотя темы, конечно, нашлись бы, но не было желания. Вместе с тем, когда на заднем сиденье проснулась и села Арлетт, Алиса тут же закусила губу и напряглась, а температура в салоне (аллегорическая, понятно — кабриолет же) опустилась на пяток градусов и парижанка это почувствовала и опустила взгляд. Что-то там приключилось, пока меня не было, но сейчас девушки не хотели выяснять отношения, но и разговаривать нормально не могли. Раньше-то, пока в приоритете была угроза от Виктора и самочувствие Арлетт, эти вопросы отходили на второй план, но сейчас... сейчас всё изменилось.

«Ладно, найдём гостиницу, снимем комнату получше и пусть выговорятся,» — решил я.

Пейзаж между тем изменился: пустоши и разруха уступили место сначала полям, а потом всего лишь через десяток минут — деревням и пригороду, явным маркерам приближения к большому городу.

— Мы скоро к Люксембургу подъедем, — сообщила Алиса, — поэтому лучше остановиться где-то здесь. Чтобы не объяснять, кто мы такие и откуда. Да и на машину прав в общем-то тоже нет.

— Справедливо, — кивнул я, — Тогда может вон там?

При въезде в город, чьё название я, откровенно говоря, и не собирался запоминать, я сбросил скорость, так что мы катились по узким улочкам весьма неторопливо. Мне даже не пришлось тормозить, чтобы девушки успели рассмотреть гостиницу, к которой мы приближались.

Четырёхэтажное здание, оформленное «под девятнадцатый век» с большой вывеской на каком-то непонятном наречии, напоминавшем одновременно французский и немецкий. Я попытался прочитать, но тут же сдался — селючество какое-то дикое, как если бы в Москве на вывесках «шо» писали вместо «что».

Алиса же справилась:

— Гостиница «Отрада», — прочитала она, — четыре звезды. Думаю, сойдёт.

— При чём тут звёзды? — спросил я, выруливая к дверям.

— Это универсальный метод оценки отелей, — сообщила Арлетт, — пятибалльная шкала. Четыре балла — это уровень неплохой гостиницы, не люкс, но и не клоповник.

— Тогда сойдёт, — кивнул я, останавливая машину перед входом и глуша двигатель, — только что с машиной делать? И с документами?

— И с деньгами, — добавила парижанка.

Алиса улыбнулась:

— Деньги и документы у меня есть. Что же до машины... Не думаю, что с нас спросят права.

Блондинка оказалась права. Подошедший лакей лишь склонился в поклоне и приняв

протянутые мной ключи, сказал:

— Благодарю, наслаждайтесь вашим отдыхом.

Арлетт проводила парня в идеально чистой ливрее взглядом, а потом посмотрела на свою перемазанную грязью и копотью одежду. Я поймал её взгляд и хохотнул:

— Ага, смешно конечно — такие оборванцы и на такой машине.

— Деньги всё решат, — махнула рукой Алиса, — В таких местах они всегда всё решают.

Я похлопал себя по карманам кителя и обнаружил пачку французских ассигнаций, позаимствованных, по-моему, ещё из карманов кого-то из людей Кентаро. Вынул, показал блондинке и спросил:

— Это достаточно внушительная сумма?

— Тут сотни и... тысячные? Ничего себе... — девушка изогнула бровь, — У наших восточных друзей позаимствовал?

— У них. И лучше я буду платить. Меньше вопросов возникнет, сама понимаешь: когда в компании из мужчины и двух очаровательных женщин платит одна из женщин...

— Это вызывает вопросы и запоминается. Что ж, думаю твои аргументы разумны. Возьми у меня паспорта, — сказала девушка.

* * *

Блондинка оказалась права: вышколенный дворецкий, быстро оценив наш облик, даже ухом не повёл. Видимо, понял, что несмотря на грязь и повреждения, мой костюм стоит денег, сопоставимых со стоимостью этой гостиницы. Или просто оценил то, как я держу себя.

Документы, кстати, Алиса извлекла из какого-то магического схрона, ключом к которому было тонкое серебряное колечко на левом мизинце. Девушка коснулась его и достала из раскрывшегося пространственного кармана папку. Это действие никаких вопросов у окружающих не вызвало, видимо было довольно стандартным способом переноски вещей в этом мире. Я тоже бровью не повёл, благо был знаком с принципами подобной магии. Забрав у девушки документы, я положил их на стойку и сказал:

— Номер на троих. Поприличнее.

Девушка-клерк кивнула и опустив взгляд осторожно заметила:

— Единственный трёхместный номер, который сейчас доступен это люкс, а он может быть... дороговат господин... — она посмотрела в раскрытый паспорт, — Лакрой. Восемьсот франков в сутки.

Я положил на стойку две тысячные купюры и сказал:

— На двое суток.

Клерк тут же наклонила голову:

— Благодарю, господин Лакрой. Номер тридцать два, четвёртый этаж, — она протянула мне паспорта, — Приятного пребывания.

— Хорошо, спасибо, — я забрал книжечки, передал их Алисе и привычным жестом поманил ближайшего лакея, — В тридцать второй проводи.

— Да, господин.

Номер оказался действительно неплохим — трёхкомнатные апартаменты с большой спальней, просторной светлой гостиной и отлично обставленной кухней. Последняя, кстати, для меня была в новинку: в родной Империи апартаменты такого уровня обычно не снабжали местом для приготовления еды, справедливо полагая, что не господское дело — готовкой заниматься.

Впрочем, правила эти работали скорее для светского общества. Дворяне, состоящие на военной службе само собой на многие вещи, смотрели иначе: в каждый поход по пять боевых слуг за собой не потащишь, так что хочешь — не хочешь, а уметь о себе позаботиться надо.

«Кроме того, умение готовить хорошо воспринимается противоположным полом».

В общем, номер нас устроил. Пока девушки исследовали комнаты, я повернулся к лакею, застывшему в ожидании чаевых. Я сунул ему сотню франков и добавил ещё одну тысячную купюру. В ответ на вопросительный взгляд, уточнил:

— Пошли кого-нибудь в магазин готового платья, любезный, и приобрети нам вот по этому списку, — я добавил к деньгам бумажку с перечнем и размерами, — Сам видишь, в каком мы виде с Альп возвращаемся.

— Да, господин, исполню.

— Вот и молодец, — я закрыл дверь, как только лакей поклонился и вышел.

Я же скинул пиджак, потом раздолбанные ботинки и с удовольствием пошевелил чёрными от грязи пальцами. Скривился и покачал головой.

«В ванную надо бы... Но судя по шуму воды, я уже опоздал. Впрочем, на этаже вроде бы была душевая общего пользования».

Где-то через час мы с девушками уже отдыхали в гостиной, чистые и в свежей одежде, которую принёс слуга, имени которого я так и не спросил. Впрочем, учитывая, что я накинул ему ещё сотню сверху, в обиде он остаться не должен бы.

У нас же, тем временем настало время для серьёзных разговоров. И затеяла его Арлетт, наконец вернувшая способность критически мыслить (а это, кстати, свидетельствовало об окончании первичной адаптации к истоку).

— Слушай, Стас... а что именно я сделала с танком? Мне как-то сразу это в голову не пришло, но...

— Ты придала ему форму его отражения из другого мира. Как я понимаю, это базовая способность истока отражений, которым владел Виктор.

— Откуда он взялся у меня?

Я посмотрел на Алису, стоящую у стены с сигаретой. Капитан едва заметно кивнула в ответ на мой немой вопрос, и я в более-менее сжатой форме пересказал парижанке, что же с ней случилось, не забыв добавить гипотезу о том, почему именно она исток унаследовала. Как ни удивительно, брюнетка восприняла эту информацию куда спокойнее, чем я думал.

Точнее, в тот момент мне так показалось.

— Что же мне теперь делать? — только и спросила она, когда я закончил рассказ, — Я никогда не занималась магией больше необходимого минимума, даже не представляю, как нужно учиться тому, кто стал хранителем истока.

— Это не так сложно, как тебе кажется, — ответил я, — В этом мире достаточно людей, которые занимались магией не меньше меня.

Алиса кивнула, подтверждая мои слова:

— Носители истоков, несомненно, остались, ведь магией мы пользуемся. Правда, их имена и местоположение мягко говоря — не самая доступная информация.

— А теперь вот к ним добавили меня, — никому неизвестную парижанку-полицейскую, — заключила Арлетт с грустной улыбкой, — Достойный выбор.

Блондинка покачала головой:

— Не говори этого. Не говори, что ты не подходишь, что ты слаба или что-то в том же духе.

— Но это правда...

— Нет, неправда. Ты всегда унижаешь сама себя и это приводит к самым диким решениям, которые только можно вообразить. Ты считаешь, что кто угодно другой важнее тебя, поэтому тобой можно пожертвовать. А потом идёшь и принимаешь именно такие решения.

— Алиса, я не пытаюсь... Я имею в виду... я не хочу, но это же реальность, правда.

— Нет, Арлетт, это не правда. И ты это знаешь. Но тем не менее продолжаешь повторять одни и те же ошибки.

— Да, повторяю! Именно потому, что мне здесь не место, понимаешь? Вы оба обладаете силой, способностями и характерами, а я... я никто!

Арлетт вскочила на ноги, вонзила горящий взгляд в Алису.

— Я не жалею, понимаю, что мир несправедлив, но почему, как только я делаю что-то важное, искренне, рационально взвешиваю шансы, появляешься ты и говоришь, что так поступать нельзя?!

— Да потому что эти вещи на тебе отражаются, ты платишь за них своим благополучием, своим душевным спокойствием. Ты словно... — блондинка всплеснула руками, — словно тебе на себя наплевать!

— Может и так! — Арлетт уже почти кричала.

— Но мне-то на тебя не плевать!

— И что? Ты постоянно водишь меня за собой, в то время как у меня нет и десятой части твоих талантов и стойкости характера! Я не понимаю почему, но стараюсь соответствовать тому образу, который ты создала у себя в голове. Просто, потому что мне ничего больше не остаётся. А ты в ответ на это взрываешься как вот сейчас. В то время как я не сделала ничего такого, что не сделала бы ты. Ты спасла меня во время падения самолёта, прикрыла огнём, давая мне сбежать, а когда я попыталась пересилить свой страх и поступить так, как поступаешь ты, то всё равно оказалась неправа в твоих глазах, — Арлетт опустила глаза и закончила уже совсем тихо, — Я просто хотела тебя спасти, как умею...

Алиса взерошила волосы, садясь рядом с подругой.

— И ты думаешь, что это достаточная причина для самоубийства? Потому что «надо было справиться, а ты бесполезна»? Ты всегда всё решала сама, причём часто — ещё и жертвуя чем-то для тебя важным, вместо того чтобы попросить помощи. Именно это меня в тебе и бесит...

— Но и привлекает, — негромко заметил я.

— С чего ты взял?

— С того, что вы всё ещё общаетесь. Послушайте, я не буду указывать вам, как жить и что делать, могу лишь сказать своё никому не нужное мнение: Арлетт поступила героически, поставив миссию выше своей жизни. Вполне вероятно, именно благодаря ей мы и победили Виктора. Но и ты, Алиса, совершила подвиг, умудрившись найти подругу на одной интуиции и при этом спасти. Если бы не ты, то Виктор опять же победил бы. Благодаря вам же нам удалось перевернуть доску.

— Это случилось только потому, что ты использовал Исток.

— Нет, это случилось потому, что вы были готовы отдать жизни ради победы. И хотя я абсолютно согласен с тем, что такой подход — не единственный из возможных, но в данном случае ваша решимость себя оправдала. И это самое важное, понимаете? Не думайте о том, что могло бы быть, думайте о том, что случилось здесь и сейчас, — я улыбнулся, — Вы обе заслужили хотя бы немного отдыха.

Посмотрев на покрасневшихся от жаркого спора девушек, я поднялся на ноги:

— Ладно, я пойду поищу всё-таки магазин готового платья. Надо уже найти что-то посвежее.

Намёк «я вас оставляю наедине на час-полтора» читался невооружённым взглядом, и я был уверен, что обе девушки его почувствовали. К тому моменту я уже был уверен, что их связывает большее чем давняя дружба и рабочие отношения, а значит им следовало прийти в гармонию со своими эмоциями самым простым способом...

«В конце концов, секс — это хорошая разрядка после боя и стресса.»

Так что я был готов к вялому, ради приличия сопротивлению от обеих девушек, которые были готовы разрыдаться друг у друга в объятьях. К чем я не был готов это к тому, что Арлетт и Алиса почти одинаковыми движениями схватят меня пальцами за манжеты.

— Не уходи, — пробормотала Алиса, не поднимая глаз.

«Оу... вот значит оно как,» — подумал я, послушно опускаясь на диван, увлекаемый двумя парами рук.

— А в чём был парадокс-то?

— Ммм?

— Ну, ты сказал что-то про «великолепный парадокс», когда закидывал в портал башку Виктора.

Я улыбнулся. Учитывая обстоятельства, наверное, разговоры об аномалии и её хозяине были казались странной идеей, но учитывая, что никто из находившихся в этой постели (включая меня) явно не хотел обсуждать обстоятельства того, как мы здесь очутились и что делать дальше... Скажем так, учитывая всё это, идея обсудить что-то отвлечённое была удачной.

— А, это... ну, парадокс и есть, целых два, — один полезный, а другой скорее философский. Но начать лучше со второго, как ни странно. Помните, мы как-то говорили о том, что являет собой сила фонарщиков?

— Уже с трудом, — нахмурилась Алиса, — Видимо, чужие знания начинают потихоньку выветриваться. Но я помню пока, что ты говорил о том, как фонарщики являются чем-то вроде самоисполняющегося пророчества. Арли, ты помнишь?

— Вроде бы, — брюнетка нахмурилась, вспоминая, — Стас, ты говорил, что они платят своим сознанием и разумностью за контроль над судьбой?

— В общих чертах. Ну, тогда напомним: сила фонарщиков в том, что они обязаны победить в своём финальном бою, ну том самом, после которого другого боя уже не будет. За эту победу они платят фактическим отсутствием жизни вне её: эти солдаты даже живут, двигаясь в обратном направлении по линии времени. Страшная судьба, если задуматься. Но тем не менее, в обмен на неё они получают гарантию этой самой финальной победы. Ирония здесь в том, что над кем эта победа будет одержана заранее не определено. Ну то есть, условия их проклятья таковы, что фонарщики обязаны победить в своём последнем бою, но при этом над кем будет одержана эта победа в проклятье не сказано.

— И в чём тут «философский парадокс»?

— Вот в чём: если фонарщики обязаны победить, то это ведь аргумент в пользу предопределённости, не так ли? Ну то есть, если смотреть на события целиком, то получается, что примерно сто лет назад шестеро немецких солдат тренировались для того, чтобы уничтожить танк, построенный путешественником из другого мира для лидера, само существование которого требовало проигрыша этих самых солдат... А если ещё вспомнить, что фонарщики как концепция вроде бы не совсем принадлежат этому миру, то кто и какую судьбу создавал, собственно? Интересный вопрос получается, если подумать.

— Ага, только думать не хочется, от таких историй голова идёт кругом, — буркнула блондинка, — Как у тебя ещё хватает желания заниматься такими размышлениями по собственному желанию?

— Ну, это и есть высшая магия, Алиса, — ответил я, — Самый шик — это не кидание огненных шаров размером с Эверест, самый шик — это вот такие вот комбинации.

— А в чём первый парадокс? — спросила Арлетт и пояснила, когда я удивлённо повернулся к ней, — Ты сказал, что для того, чтобы объяснить первый парадокс, нужно объяснить второй. Так в чём первый-то?

— А, ну тут всё просто. Виктор и Фонарщики заперты в замкнутом кармане реальности.

который не разомкнётся, прежде чем драка не закончится. Только тут вот какое дело: Виктор не может умереть, а для победы фонарщиков он должен. Умереть он не может, потому что он так задал условия своей связи с замком, а фонарщики не могут проиграть, потому что... ну, потому что не могут. Как я выше сказал, вся их магия и тренировка ушла на то, чтобы гарантировать их победу в финальном бою. Следовательно — один не может проиграть, а другие обязаны выиграть, и нарушить любое условие невозможно, не поломав принцип причинности.

— Это звучит довольно... страшненько, если задуматься, — покачала головой Алиса.

Я хмыкнул в ответ:

— «Если задуматься», то звучит это не столько «страšnенько», сколько «апокалиптически». Скажу честно, я бы не решился на такое действие, если бы Виктор не затащил нас в междумирье. Потому что к чему может привести такой парадокс в такой сложной системе как полноценный обитаемый мир — страшно даже представить. Но ни к чему хорошему, это точно.

— Почему?

— Потому что все константы и законы нашего мира работают по принципу прецедента. Если что-то один раз случилось, оно случится вновь, потому что вот так вот работают законы — не избирательно, слепо. Поэтому если в нашем мире произойдёт ситуация, любой выход из которой нарушает важнейший закон мироздания — тот, который гласит, что событие не может предшествовать явлению, которое собственно и вызвало это самое событие, ты не можешь, так сказать, родить собственного дедушку. В общем, если такое случится, то вся система рухнет просто потому, что мир из более-менее стройной системы превратится в нечто, где все события происходят одновременно и та история с дедушкой уже даже не будет казаться чем-то необычным.

Посмотрев, как вытянулись лица девушек, я поспешил добавить:

— Впрочем, в реальном мире ни фонарщиков, ни квантового бессмертия Виктора достичь было бы невозможно — именно потому, что они допускают вот такие вот парадоксы. Аномалия была полигоном Меттина для разработки и исследования новых видов магии, естественно, условия на этом полигоне были несколько далеки от реальных.

— Да уж, отличные новости — оказывается, владение этими силами ставит тебя в каком-то смысле зрителем над природными законами, — Арлетт нервно хохотнула, но её хохоток превратился в зевок, — Ох, извини, даже о таких серьёзных делах думать не могу...

— Я тоже засыпаю, — сообщила Алиса, потянувшись к светильнику на прикроватном столике — давайте отложим продолжение разговора на завтра.

— Не возражаю, — заметил я, закрывая глаза и прижимая к себе боевых подруг.

«Будет очень смешно, если наутро окажется, что всё это — иллюзия, а в реальности тем временем на нас напрыгивают орды демонов и обрушается потолок,» — пришла последняя мысль перед тем, как я провалился в сон.

* * *

Потолок не рухнул, демоны не появились, а мир вокруг оказался вполне реальным.

Проснулся я в отличном расположении духа. Открыв глаза, первым что я увидел была

светловолосая головка Алисы, покоящаяся у меня на груди. Арлетт, с другой стороны, я сам прижимал к себе левой рукой.

«По крайней мере, это не приснилось,» — подумал я, начиная выбираться из опутавших женских рук и ног. Сделать это, не потревожив их обладательниц было непросто, но к счастью, у меня был изрядный опыт. Стоило мне вылезти, как Алиса пробормотала что-то во сне, начала водить рукой по кровати и нащупала Арлетт, обняла и прижалась к парижанке.

Посмотрев на довольно притягательную картину несколько мгновений, я всё же развернулся и вышел из спальни. Конечно, можно было и лечь обратно, но мне казалось, что пока есть время нужно его использовать.

Стараясь не шуметь, я прошёл в ванную, в которой вместо нормальной купели оказалась лишь душевая кабинка. Впрочем, после событий вчерашнего дня (я покачал головой от осознания того, что наши странствия по аномалии действительно заняли лишь один день, а не неделю или месяц) подобные мелочи уже даже не воспринимались как проблемы. Особенно учитывая, что на полочке перед зеркалом обнаружилась запечатанная в пластик одноразовая бритва и тюбик с кремом для бритья. Взглянув на свою довольную, но всё же слегка заросшую рожу в зеркало, я хмыкнул и подмигнул сам себе.

— Всё-таки мы выиграла, ваше благородие. И то хлеб, — мой голос был слегка хриплым.

* * *

Спустя примерно полчаса, я уже стоял на небольшой кухне перед включённой газовой плиткой. Девушки уже должны были скоро проснуться, так что я решил устроить нам небольшой пир, насколько содержимое гостиничного холодильника позволяло. К счастью, мы всё-таки раскошелились на номер подороже, так что позволяло оно немало. Вот и вышло что я уже добрые полчаса возился с завтраком, мурлыкая в тон включённому на музыкальную волну радиоприёмнику.

Песня кончилась как раз когда я перевернул омлет.

— Срочные новости, — раздался из приёмника уверенный мужской баритон, — Сегодня, в шесть тридцать утра, барьер, окружавший Верденскую аномалию исчез. Поднятые по тревоге войска немедленно приступили к разведке местности, но никаких следов барьера, как и самой аномалии не обнаружили. Может ли быть, что напоминание о тяжёлых последствиях Великой Войны наконец-то исчезли? Об этом мы поговорим с...

Раздался звонок в дверь, и я выключил радио, приглушил огонь под сковородкой и быстрым шагом направился ко входу, пока неожиданный гость не перебудил спутниц. И вовремя — когда я распахнул дверь, девушка-служанка уже снова тянулась к звонку.

— Да?

— Эмм... вам телеграмма, — сообщила гостя, стараясь не опускать взгляд.

«А, ну да, я же халат снял, когда пошёл готовить, вот и стою в одних трусах» — подумал я без особого стыда. Чего стыдиться, того, как служанка с интересом кубики у меня на животе пересчитывает?

— Благодарю, — ответил я, вытащил из руки девушки бланк и пробежал его взглядом, — Дорогая племянница... новые гардины... вы уверены, что это мне?

— Ну... — служанка смогла справиться со взглядом и смотрела мне в глаза, —

Телеграмма для постояльцев, въехавших вчера в тридцать второй номер. Так что видимо — да...

— Занятно. Ну что ж, спасибо, — сказал я и взялся за ручку двери.

— Подождите! — служанка покраснела, — А... ммм... когда к вам можно будет зайти... убратся, я имею в виду?

— Не знаю, — честно ответил я, — Но думаю, скоро — вряд ли мы задержимся здесь надолго.

С этими словами я закрыл дверь и качая головой, вернулся на кухню. Нечасто доводилось оказаться в положении красотки, которую пожирают взглядом.

— О чём задумался? — спросила показавшаяся в дверях Алиса, одетая в одну из купленных мной накануне сорочек.

— Да так, глупости всякие, — опыта придворных интриг оказалось вполне достаточно для того, чтобы не вздрогнуть и не начать придумывать глупую ложь, — Телеграмму принесли совершенно непонятную. Думаю, адресом ошиблись. Хотя говорят — именно для нас.

— Да ну? — блондинка подбоченилась, и я обратил внимания, что под позаимствованной у меня рубашкой в общем-то ничего нет, — А дай-ка я прочитаю.

— Наслаждайся, — сказал я и сунул девушке бланк, — Только потом мне объясни в чём соль всех этих «племянников», «племянниц» и тех глупостей про «шаланды полные кефалей».

Алиса моргнула, быстро пробежала текст взглядом и скривилась так, будто я ей лимон скормил вместо утреннего кофе.

— Слушай, как там завтрак?

— Да, честно говоря, почти готов, — сказал я, взглянув на сковородку.

— Тогда я пойду подниму Арлетт и уже вам обоим расскажу.

— погоди, что расскажешь-то? Про кефалей?

Девушка покачала головой, разом посерьёзнев.

— Рыба тут не при чём: это шифровка. И шифровка это не от кого-то там, а почти с самого верха, — наверное моё непонимание было достаточно явно написано на моём лице, чтобы Алиса сжалась и уточнила, — Мы похоже оказались слишком успешны, Стас, и нашей операцией и её последствиями заинтересовались на самом верху.

В камине горел огонь и это был единственный источник света в просторном помещении. Впрочем, сидевшие на стульях с высокими спинками люди, едва различимые в тусклом и неверном свете, казалось, не замечали неудобств.

— Значит, Отражающий не справился. Забавно, — сообщил мужчина с низким, хриплым голосом, — А я говорил, что его затея обернётся провалом.

— Ты много говорил, Зодчий. И вспоминать любишь только об удачных «пророчествах» — заметил обладатель другого голоса, молодого и с явными ироничными нотками, — А мы между тем раз за разом оказываемся поставлены перед фактом очередной неожиданности. Может быть, тебе лучше сменить Читающего, раз ты так проницателен? Потому что он-то давал этой операции шанс на успех в районе восьмидесяти процентов.

Названный Зодчим подался вперёд так резко, что стул под ним жалобно скрипнул.

— Может мне и стоит, Чарующий, раз уж...

— Господа, хватит, — новый голос не был ярким или запоминающимся, но спор затух не начавшись.

Обладатель приятного голоса отреагировал первым.

— Прошу прощения, Властелин. Вы правы: не время и не место искать виноватых и заявлять «я же говорил». Приношу извинения Зодчий.

— Принимаю и прошу тоже меня простить, — сказал Зодчий, тут же отодвигаясь назад, — Я поддался эмоциям.

Властитель этого поспешного перемирия не прокомментировал, сменив тему:

— Танцующая, у тебя вроде бы было предложение?

— Да, Властелин, — женщина, даже в полумраке явно выделяющаяся на фоне остальных гостей изящными формами, наклонилась вперёд, — План Отражающего был хорош, но, к сожалению, нам не повезло. Такое случается. Но в неудаче есть место и новым возможностям. Уничтожение Верденской аномалии открывает интересные перспективы для западноевропейских отношений, и мы можем некоторыми из них воспользоваться. Например тем, что это означает для самой Франции.

Невысказанное предложение повисло в воздухе и раздался голос Зодчего.

— Ты хочешь подтолкнуть южный сепаратизм, не так ли? Хорошая идея, но думаю новый ферзь на доске запросто задавит подобное движение в зародыше.

Женщина кивнула:

— Несомненно. Но это займёт его силы, мы же в это время сможем подготовить ваш проект, уважаемый Зодчий. Разбив Францию, мы создадим очаги напряжённости и привяжем к ним внимание общественности, по крайней мере на пару месяцев. И даже если названный вами ферзь справится с подавлением новой угрозы, мы выиграем достаточно времени, чтобы перевести план в новую фазу...

— Это... хорошая идея, поддерживаю, — заявил Чарующий, — Мы ничего не тратим, но можем многое приобрести.

— Что ж, звучит разумно. Главное снова не подставиться, — пожал плечами Зодчий.

Властелин встал со своего места и пошевелил поленья в камине длинной кочергой. Остальные тут же затаили дыхание: каждый находящийся в комнате знал этот явный невербальный сигнал: глава ордена думает и оценивает риски.

Наконец Властелин поставил кочергу на место и повернулся к гостям.

— Что ж, минусы перевешивают плюсы. Займитесь, — глава вернулся на свой стул и резко произнёс, — А теперь мы перейдём к следующему пункту нашей повестки. Ищущий, расскажи свежие новости из Австралии, которые привлекли твоё внимание...

Больше книг на сайте - Knigoed.net